

ISSN 2409-7136   www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 01-08-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Даниленко Денис Васильевич, доктор права (Франция),
danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2409-7136

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 01-08-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Danilenko Denis Vasil'evich, doktor prava (Frantsiya), danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2409-7136

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Главный редактор

Даниленко Денис Васильевич - доктор права (Франция), главный редактор журналов «Право и политика» и "Юридические исследования", исполнительный директор академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА»). 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Редсовет

Сыченко Елена Вячеславовна – PhD (университет Катании, Италия) , доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета, декан юридического факультета, 183052, г. Мурманск, просп. Кольский, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Боярский Марек - доктор права, профессор, ректор Университета Вроцлав, Польша; Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Графский Владимир Георгиевич - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10.

Герд Винтер - доктор права, профессор, директор Научно-исследовательского Центра Европейского права окружающей среды Бременского университета (г. Бремен, Германия). Universität Bremen, Universitätsallee, GW I D 28359 Bremen gwinter@uni-bremen.de

Гузик-Макарук Эва Моника - доктор права, профессор Университета в Белостоке, Польша Poland, Room 109, ul. Mickiewicza 1, 15-213 Bialystok, Email: ewa.guzik@uwb.edu.pl

Гуляихин Вячеслав Николаевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Волгоградского государственного университета

Даниленко Василий Иванович - кандидат политических наук, председатель совета директоров академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА») 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Даниленко Денис Васильевич - доктор права (Франция), главный редактор журналов «Право и политика» и "Юридические исследования", исполнительный директор академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА»). 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Добрынин Николай Михайлович - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Желински Мартин - доктор права, профессор, Конституционный трибунал Республики Польша (Constitutional Tribunal (Poland))Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a

Ковлер Анатолий Иванович -доктор юридических наук, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Большая Черемушkinsкая ул., 34, Москва, 117218

Курбанов Рашад Афатович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Марочкин Сергей Юрьевич - профессор, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ, директор Института государства и права Тюменского государственного университета. 625003, Россия, г. Тюмень, ул. Семакова, дом 10, Институт государства и права

Наган Винстон Персиваль - доктор права, профессор права Университета Флориды (школа права имени Левина), директор Института прав человека, мира и развития, профессор антропологии Брейзноуз Колледжа (Оксфорд), член Королевского общества искусств (Royal Society of the Arts, Лондон), член Комиссии по конституционным вопросам ЮАР (США). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Рерихт Алла Альфредовна - кандидат юридических наук, научный сотрудник юридического факультета Университета г. Гамбурга. Universitat Hamburg Mittelweg 177 20148 Hamburg Germany

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушkinsкая, 34

Хаммер Крег Саймон - доктор философии, консультант по вопросам международного права Всемирного банка реконструкции и развития, отдел развития новых банковских практик в сфере вовлеченности в гражданское общество, усиления и уважения разнообразия — CEERD, (г. Вашингтон, США). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Коробеев Александр Иванович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедра уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая

кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН, профессор кафедры УДПОП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmms@rambler.ru

Чернядьева Наталья Алексеевна - доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия. chernyadnatalya@yandex.ru

Альбов Алексей Павлович - доктор юридических наук, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА), профессор, 107078, Россия, г. Москва, ул. Новая Басманная, 4-6, строение 3, кв. 348, aap62@yandex.ru

Аюпова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Беляева Галина Серафимовна - доктор юридических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, заведующий кафедрой административного права и процесса, 308503, Россия, Белгородская область, пос. Майский, ул. Агрономическая, 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Бидова Бэла Бертовна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», зав.кафедрой уголовного права, криминологии и национальной безопасности, 364060, Россия, Чеченская республика область, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, 7, кв. 63, bela_007@bk.ru

Васильев Алексей Михайлович - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 2-й кадетский переулок, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Володина Людмила Мильтоновна - доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Галяшина Елена Игоревна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Директор Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудриснская, 9, оф. 721, eigaljashina@msal.ru

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное

бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov.Nikolay@mail.ru

Калужина Марина Анатольевна - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры криминалистики и правовой информатики, Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ФКУ НИИ ФСИН России), ведущий научный сотрудник, 350047, Россия, г. г. Краснодар, ул. 1 Линия, 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности, 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Кротов Андрей Владиславович - доктор юридических наук, 603054, Россия, г. Нижний Новгород, ул. а/я 33, 33, pravonnov@yandex.ru

Кудратов Некруз Абдунабиевич - доктор юридических наук, Таджикский государственный университет коммерции, Декан факультета, 734061, Таджикистан, г. Душанбе, ул. Дехоти, 1/2, каб. 309, nek-kudratov@mail.ru

Матвеев Антон Геннадьевич - доктор юридических наук, ФГАОУВО "Пермский государственный национальный исследовательский университет", профессор кафедры гражданского права, la-musica@yandex.ru

Новиков Алексей Валерьевич - доктор педагогических наук, Федеральное казенное учреждение "Научно-исследовательский институт ФСИН России", Главный научный сотрудник, Астраханский государственный университет, Профессор кафедры уголовного права, 140072, Россия, Московская область, пос. Томилино, ул. Пушкина, 59В, - , novikov.pravo@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские сады, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Рогова Евгения Викторовна - доктор юридических наук, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса, 664081, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, мкр. Крылатый, 24/3, кв. 20, rev-80@yandex.ru

Рыжов Валерий Борисович - Doctor of Juridical Science (S. J. D. or J. S. D.), Московский институт юриспруденции, заведующий криминалистической лабораторией, 125057, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 75, корп. 1 А, кв. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Сайфутдинов Тахир Исмаилджанович - доктор юридических наук, Кыргызско-Казахский университет, проректор по научной работе, Ошский государственный юридический институт, профессор кафедры уголовного права и процесса, 720072, Киргизия, г. Бишкек, ул. Тулебердиева, 80, saifutdinovt@bk.ru

Council of editors

Editor-in-Chief

Denis Vasilyevich Danilenko - Doctor of Law (France), editor-in-chief of the journals "Law and Politics" and "Legal Studies", Executive Director of the academic publishing group "NOTA BENE" (NB-MEDIA LLC). 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, 6A, office 211.

Editorial Board

Sychenko Elena Vyacheslavovna – PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGU), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Nikolay Dmitrievich Gomonov – Doctor of Law, Professor, North-Western Institute (branch) Moscow University of Humanities and Economics, Dean of the Faculty of Law, 183052, Murmansk, ave. Kola, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University, Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Boyarski Marek – Doctor of Law, Professor, Rector of the University of Wroclaw, Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Grafsky Vladimir Georgievich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenska str., 10.

Gerd Winter is a Doctor of Law, Professor, Director of the Research Center for European Environmental Law at the University of Bremen (Bremen, Germany). Universität Bremen, Universitätallee, GW I D 28359 Bremen gwinter@uni-bremen.de

Guzik-Makaruk Eva Monica – Doctor of Law, Professor at the University of Bialystok, Poland Poland, Room 109, ul. Mickiewicza 1, 15-213 Bialystok, Email: ewa.guzik@uwb.edu.pl

Vyacheslav N. Gulyikhin – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Social Work and Pedagogy of Volgograd State University

Danilenko Vasily Ivanovich – Candidate of Political Sciences, Chairman of the Board of Directors of the academic publishing group "NOTA BENE" (LLC "NB-MEDIA) 115114, Moscow,

Paveletskaya Embankment, house 6A, office 211.

Denis Vasilyevich Danilenko - Doctor of Law (France), editor-in-chief of the journals "Law and Politics" and "Legal Studies", Executive Director of the academic publishing group "NOTA BENE" (NB-MEDIA LLC). 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, 6A, office 211.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Martin Zelinsky - Doctor of Law, Professor, Constitutional Tribunal of the Republic of Poland (Constitutional Tribunal (Poland)) Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a

Kovler Anatoly Ivanovich - Doctor of Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Bolshaya Cheremushkinskaya str., 34, Moscow, 117218

Rashad Afatovich Kurbanov - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Sergey Yuryevich Marochkin - Professor, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 10 Semakova str., Tyumen, 625003, Russia, Institute of State and Law

Nagan Winston Percival - Doctor of Law, Professor of Law at the University of Florida (Levin School of Law), Director of the Institute of Human Rights, Peace and Development, Professor of Anthropology at Brasenose College (Oxford), Member of the Royal Society of the Arts (London), member of the Commission on Constitutional Issues of South Africa (USA). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Roerich Alla Alfredovna - Candidate of Law, Researcher at the Faculty of Law of the University of Hamburg. Universitat Hamburg Mittelweg 177 20148 Hamburg Germany

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Hammer Craig Simon - PhD, Consultant on International Law of the World Bank for Reconstruction and Development, Department for the Development of New banking practices in the field of involvement in civil society, strengthening and respect for diversity — CEERD, (Washington, USA). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEPU campus,

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006 Peshkova1@yandex.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10

Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmms@rambler.ru

Natalia A. Chernyadyeva - Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Crimean Branch of the Russian State University of Justice.

chernyadnatalya@yandex.ru

Alexey Pavlovich Albov - Doctor of Law, All-Russian State University of Justice (RPA), Professor, 4-6 Novaya Basmannaya str., building 3, sq. 348, Moscow, 107078, Russia,

aap62@yandex.ru

Ayupova Zaure Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Belyaeva Galina Serafimovna - Doctor of Law, Belgorod State National Research University, Head of the Department of Administrative Law and Procedure, 308503, Russia, Belgorod region, village Maysky, Agronomic str., 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Bidova Bela Bertovna - Doctor of Law, Kadyrov Chechen State University, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and National Security, 364060, Russia, Chechen Republic region, Grozny, ul. Subry Kishieva, 7, sq. 63, bela_007@bk.ru

Vasiliev Alexey Mikhailovich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology criminology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 2nd kadetskiy lane, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Volodina Lyudmila Miltonovna - Doctor of Law, Tyumen State University, Professor, 111402, Russia, Moscow region, Moscow, Veshnyakovskaya str., 5 building 1, sq. 195, lm.volodina@yandex.ru

Elena Igorevna Galyashina - Doctor of Law, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Director of the Center for Legal Expertise in Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., office 721, Moscow, 123995, Russia, eigaljashina@msal.ru

Nikolay Dmitrievich Gomonov - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Murmansk Arctic State University", Professor of the Department of Jurisprudence, 7 Khalturina str., office 10, Murmansk, Murmansk Region, 183010, Russia, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Kaluzhina Marina Anatolyevna - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics, Federal state Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service" (FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia), leading researcher, 350047, Russia, Krasnodar, 1 Liniya str., 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Kobets Pyotr Nikolaevich - Doctor of Law, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Chief Researcher of the Department of Scientific

Information, Training of Scientific Personnel and Ensuring the activities of Scientific Councils of the Center for Organizational Support of Scientific Activity, 121069, Russia, Moscow, Povarskaya str., 25, p. 1, pkobets37@rambler.ru

Andrey Vladislavovich Krotov - Doctor of Law, 603054, Russia, Nizhny Novgorod, 33 a/ya str., 33, pravonnov@yandex.ru

Kudratov Nekruz Abdunabievich - Doctor of Law, Tajik State University of Commerce, Dean of the Faculty, 734061, Tajikistan, Dushanbe, 1/2 Dekhoti str., room 309, nek-kudratov@mail.ru

Matveev Anton Gennadievich - Doctor of Law, Perm State National Research University, Professor of the Department of Civil Law, 614051, Russia, Perm Krai, Perm, ul. Uinskaya, 13, sq. 124, la-musica@yandex.ru

Alexey V. Novikov - Doctor of Pedagogical Sciences, Federal State Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia", Chief Researcher, Astrakhan State University, Professor of the Department of Criminal Law, 140072, Russia, Moscow region, village. Tomilino, Pushkin str., 59B, -, novikov.pravo@mail.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Controlstaff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmMos@rambler.ru

Rogova Evgeniya Viktorovna - Doctor of Law, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure, 664081, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, md. Winged, 24/3, sq. 20, rev-80@yandex.ru

Ryzhov Valery Borisovich - Doctor of Judicial Science (S. J. D. or J. S. D.), Moscow Institute of Jurisprudence, Head of the Forensic Laboratory, 125057, Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 75, building 1 A, sq. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Sayfutdinov Tahir Ismaildzhonovich - Doctor of Law, Kyrgyz-Kazakh University, Vice-Rector for Research, Osh State Law Institute, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, 80 Tuleberdieva Str., Bishkek, 720072, Kyrgyzstan, saifutdinovt@bk.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Чижов А.В. Некоторые проблемы соотношения категорий «изменение договора» и «расторжение договора» со смежными категориями гражданского права	1
Морхат П.М. Сравнительно-правовое исследование позиционирования искусственного интеллекта в судебном процессе	13
Ибрагимов К.Ю. Проблема юридических лиц несобственников в свете теории обособленного имущества	29
Мадатов О.Я. Гендерные проблемы дискриминации граждан на современном этапе развития общества	42
Киселева Е.В. Особенности регулирования института наследственного договора в российском праве	70
Англоязычные метаданные	72

Contents

Chizhov A.V. Some problems of correlation of the categories "contract modification" and "contract termination" with related categories of civil law	1
Morhat P.M. Comparative legal study of artificial intelligence positioning in judicial proceedings.	13
Ibragimov K.Y. The problem of non-proprietary legal entities in the light of the theory of separate property	29
Madatov O.Y. Gender problems and discrimination at the present stage of society development	42
Kiseleva E. Features of regulation of the institution of inheritance agreement in Russian law	70
Metadata in english	72

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Чижов А.В. Некоторые проблемы соотношения категорий «изменение договора» и «расторжение договора» со смежными категориями гражданского права // Юридические исследования. 2024. № 7. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.7.40974 EDN: WZWKQE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40974

Некоторые проблемы соотношения категорий «изменение договора» и «расторжение договора» со смежными категориями гражданского права

Чижов Александр Владимирович

магистр, кафедра гражданского права и процесса, Дальневосточный федеральный университет

690922, Россия, Приморский край, г. Владивосток, п. Аяск, 10

✉ alexst7t@gmail.com

[Статья из рубрики "Договор и обязательства"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2024.7.40974

EDN:

WZWKQE

Дата направления статьи в редакцию:

12-06-2023

Дата публикации:

06-07-2024

Аннотация: Предметом настоящего исследования являются правоотношения, связанные с некоторыми особенностями изменения и расторжения договора от смежных категорий гражданского права. Анализ законодательства, научных материалов и правоприменительной практики позволил автору сформулировать вопросы, связанные с квалификацией таких правовых явлений как «изменение договора» и «расторжение договора». Особое внимание исследователь уделяет возможности ненадлежащего толкования того или иного юридического факта физическими и юридическими лицами в рамках договорных правоотношений взамен «изменения» и «расторжения договора». К категориям, природа которых может быть схожа с правовой природой изменения и расторжения договора, автор относит такие явления как заключение дополнительного

соглашения, прекращение договорных отношений в связи с истечением срока действия и недействительность договора. В процессе исследования автором использовались всеобщий диалектический, логический, формально-юридический, герменевтический методы исследования. Актуальность выбранной темы заключается в модернизации и развитии института изменения и расторжения гражданско-правовых договоров ввиду динамики изменения экономических и социальных аспектов и интересов участников правоотношений. Юридические аспекты проблем соотношения категорий «изменение договора» и «расторжение договора» рассматриваются в трудах таких исследователей, как М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, И.В. Гинзбург и другие. Основываясь на анализе российского законодательства и практике реализации категорий «изменения» и «расторжения» договора, автором делается вывод о приоритетности более детального и углубленного исследования условий договорных отношений для их дальнейшей надлежащей квалификации как сторонами договорных отношений, так и судебными органами при непосредственном применении норм материального права. Выводы, сформулированные по результатам проведенной работы, могут использоваться для дальнейших научных исследований в области гражданского права и лечь в основу будущих нормативных правовых актов.

Ключевые слова:

изменение договора, расторжение договора, дополнительное соглашение, недействительность договора, прекращение срока договора, договорное право, гражданское право, юридический факт, конклюдентные действия, договор

Развитие института гражданско-правовых договоров серьезно влияет на формирование моделей взаимодействия между участниками гражданско-правовых отношений. Гражданско-правовые договоры являются основными инструментами, которые используются для закрепления прав и обязанностей участников правоотношений.

«Прекращение» или «расторжение» гражданско-правовых договоров являются завершающим этапом в динамике договорных обязательств и одновременно сложными фактическими составами. Накопительными элементами этих составов выступают трансформирующиеся экономические, социальные и прочие интересы участников правоотношений, а также разнообразные нарушения исполнения обязательств со стороны одной или обеих сторон договора.

Стороны при заключении договора вправе сами установить условия, определяющие их права и устанавливающие обязанности по договору ^[1]. Во исполнение указанных положений, стороны гражданско-правовых договоров на основе принципа диспозитивности также имеют возможность выбрать способ защиты своих прав и интересов согласно наиболее приемлемым для них условиям в конкретной ситуации, которые будут порождать юридические факты.

Юридическими фактами являются законодательно установленные обстоятельства, ставшие основанием для возникновения, изменения или прекращения правовых отношений ^[2]. Они представляют собой правомерные действия, обладающие выраженной волевой составляющей, односторонние, например, при отказе от исполнения или при предъявлении исковых требований, либо двухсторонние – при соглашении сторон. Целью этих действий является прекращение договорных обязательств.

Юридические факты могут привести к прекращению обязательств в простом или сложном обязательстве и, соответственно, к расторжению или изменению гражданско-правового договора. Последствия таких действий на договорные правоотношения осуществляются автоматически и приводят к их изменению или прекращению.

В качестве одного из определений «изменения» и «расторжения» договора К.Е. Чистяков обозначает то, что изменение и расторжение договора представляют собой специальные способы изменения и прекращения неисполненных обязательств одной или обеих сторон. Они осуществляются в результате целенаправленного изменения условий договора или прекращения его действия. Эти способы изменения и прекращения обязательств являются особыми основаниями возникновения обязательства.

При изменении договора стороны устанавливают новые условия, связанные с изменением обстоятельств, которые не могли быть предсказаны при заключении договора. «Расторжение» же договора приводит к прекращению юридических обязательств сторон до истечения периода исполнения обязательств по договору.

Важно подчеркнуть, что осуществление изменения или расторжения договора является правом обеих сторон и возможно только при их взаимном согласии. Нарушение данного принципа в области договорных отношений противоречит нормативно-правовой базе [\[3\]](#).

Отсутствие взаимного согласия по вопросам изменения или расторжения может привести к негативным последствиям для субъектов гражданско-правового договора, включая судебные и финансовые издержки. Исходя из этого, для осуществления процедуры «изменения» и «расторжения» договора необходимо обеспечить наличие согласия обеих сторон, что является фундаментальной предпосылкой для обеспечения юридической надежности, а также защиты интересов всех участников договорных отношений.

Исходя из указанного ранее определения можно сделать вывод о том, изменение и расторжение договора являются определенными способами завершения обязательств, которые могут применяться только в случаях, когда это предусмотрено условиями договора или законодательством.

С.А. Соменков, в свою очередь, обозначает процесс «расторжения» договора как акт, направленный на прекращение на будущее время действия частично или полностью неисполненного договора и тем самым возникших из него обязательств [\[4\]](#).

В рамках данной теоретической концепции можно отметить, что автором рассматривается лишь проблематика обязательств, возникших в процессе договорных правоотношений и подлежащих расторжению в дальнейшем. В то же время, данная теория по большей степени рассматривает «изменение» и «расторжение договора» с точки зрения ретроспективы и не охватывает вопросов, связанных с возможностью и характером иных обязательств, которые могут возникать после заключения вновь созданного соглашения об расторжении между участниками договорного процесса. Поэтому, в контексте данной концепции, имеет особое значение предварительное изучение научных и практических данных по вопросам, связанным с новыми возможностями в области обязательств, которые могут возникнуть в ходе заключения нового соглашения участниками договорного процесса.

Концепция о наличии правовой природы обязательств, связанных и вновь образованных в связи с расторжением договора, имеет место и в судебной практике. Пунктом 3 Постановления пленума ВАС РФ от 06.06.2014 № 35 «О последствиях расторжения договора» установлено, что в рамках судебных разбирательств, связанных с

расторжением договоров, судам необходимо учитывать, что в соответствии с пунктом 2 статьи 453 Гражданского Кодекса Российской Федерации, при расторжении договора обязанность должника совершать действия, являющиеся предметом договора, например поставку товаров, выполнение работ, выдачу денежных средств по договору кредита, прекращается. Таким образом, неустойка, установленная в случае невыполнения или ненадлежащего исполнения этой обязанности, должна начисляться до даты прекращения обязательства, то есть до даты расторжения договора.

Стоит отметить, что условия договорных отношений, которые в своей природе подразумевают действия и после расторжения договора, такие как гарантийные обязательства на товарную продукцию или результаты работ, судебный порядок решения споров, применимое право, а также условия, направленные на регулирование взаимоотношений сторон после расторжения договора, включая условия возврата арендной платы или аванса, сохраняют свою юридическую силу и после расторжения договора, если иное не было определено в соглашении между участниками договорного процесса [\[5\]](#). В связи с этим, правоприменителям необходимо обращать особое внимание на анализ содержания договора с целью выявления всех таких условий, которые подлежат применению даже после расторжения договора.

Таким образом, исходя из понятий учёного сообщества можно сделать вывод о том, что «изменение» и «расторжение договора» является актом, заключенным между сторонами договорных отношений на основе принципа диспозитивности, направленный на досрочное изменение или прекращение субъективных прав и юридических обязанностей в будущем, а также служащим основанием для возникновения новых прав и обязанностей в связи с самим «изменением» и «расторжением», не предусмотренных в ранее существующей договорной конструкции.

Несмотря на наличие в законодательной базе определённости в отношении рассматриваемых в данном исследовании понятий, при разграничении сторонами гражданского права категорий изменения и расторжения договора от смежных категорий гражданского права могут возникать некоторые проблемные аспекты.

В рамках настоящего исследования можно отметить, что «заключение дополнительного соглашения» и «изменение договора» являются разными юридическими понятиями, которые необходимо отличать друг от друга в гражданском праве.

Дополнительное соглашение предполагает, что стороны договора заключают новый договор, который дополняет или изменяет условия другого, существующего договора, в то время как изменение договора означает модификацию уже существующих условий договора, которые не могут быть исполнены в имеющемся формате.

Подобные тезисы об отличности дополнительного соглашения и изменения договора имеют подтверждение и в правоприменительной практике. Так, например, Определением Верховного Суда РФ от 25.01.2021 № 305-ЭС20-22336 по делу № А40-112440/2019 было отказано заявителю в пересмотре в кассационном порядке судебных актов по делу о признании договора расторгнутым, об обязанности заключить новый договор по причине того, что нижестоящие суды пришли к правомерному выводу о том, что проект представленной истцом оферты не предполагает заключения какого-либо нового для сторон договора, а по сути направлен на изменение (пересмотр) только отдельных условий уже действующего договора, между тем ни законом, ни договором между сторонами не предусмотрено обязательное изменение условий действующего договора по требованию истца.

Дополнительное соглашение может содержать новые условия и изменения, которые могут быть направлены на дополнение или изменение отдельных положений договора, а «изменение договора» может повлиять на его общий смысл и зачастую приводит к его расторжению, если стороны не достигли соглашения по изменениям условий.

Процесс расторжения договора возникает по инициативе одной из сторон и влечет за собой прекращение всех обязательств. На сегодняшний день российской правовой науке и юридической практике известны следующие основания прекращения договора: истечение его срока действия; утрата правоспособности одного из субъектов правоотношений; достижение сторонами поставленных в договоре целей; невозможность исполнения сторонами принятых на себя обязательств; расторжение в одностороннем порядке (в т.ч. посредством обращения в суд) или по соглашению сторон.

Расторжение договора по соглашению сторон – особая процедура, предполагающая обоюдное волеизъявление субъектов урегулированных договором правоотношений, и неизбежно сопровождается подписанием дополнительного соглашения [\[6\]](#).

Добровольное волеизъявление участников гражданско-правовых правоотношений, урегулированных договором, может выражаться, в том числе, посредством совершения конклюдентных действий.

В соответствии с пунктом 5 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 05.05.1997 № 14 «Обзор практики разрешения споров, связанных с заключением, изменением и расторжением договоров» совершение конклюдентных действий может рассматриваться при определенных условиях как согласие на внесение изменений в договор, заключенный в письменной форме.

Как следует из пункта 3 статьи 438 Гражданского кодекса совершение лицом, получившим оферту, в срок, установленный для ее акцепта, действий по выполнению указанных в ней условий договора (отгрузка товаров, предоставление услуг, выполнение работ, уплата соответствующей суммы и т.п.) считается акцептом, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или не указано в оферте.

В случае, если отсутствуют основания для непризнания действий стороны гражданско-правовых отношений акцептом, возражений по изменениям в договор, предложенной противоположной стороной, не было заявлено, указанные действия могут расцениваться как его согласие на внесение изменений в гражданско-правовой договор.

Отличие между «изменением договора» и «заключением дополнительного соглашения» также заключается в том, что первое относится к изменению и модификации уже существующих условий договора, в то время как второе – к заключению нового договора, предназначенного для дополнения или изменения условий уже действующего договора.

Кроме того, дополнительное соглашение сохраняет свою юридическую силу до момента заключения нового договора или изменения условий имеющегося договора, тогда как «изменение договора» начинает действовать незамедлительно после согласия сторон и внесения соответствующих изменений в существующий договор.

Следует учитывать, что «расторжение» договора и «прекращение» имеют одинаковые последствия – окончание действия обязательств. При этом «расторжение договора» можно рассматривать в качестве разновидности прекращения договора наряду с прекращением по причине полного исполнения обязательств.

При расторжении договора по инициативе одной из сторон, если другая сторона не исполнила свои обязательства или исполнила их в ненадлежащем виде, возникает право на возмещение убытков, связанных с исполнением обязательств. Это право предоставляется второй стороне, которая вынуждена понести дополнительные расходы или потери из-за невыполнения обязательств по договору [\[7\]](#).

Правомерность возможности взыскания убытков отражена, например, в Определении Верховного Суда РФ от 20.03.2023 № 306-ЭС23-1483 по делу № А55-33746/2021, в рамках которого надзорная инстанция указывала, что основанием для взыскания убытков при досрочном расторжении договора со стороны контрагента является доказанность факта нарушения стороной условий договора при его досрочном расторжении, а также обоснованность размера таких убытков.

На основании вышеизложенного, в случае досрочного расторжения гражданско-правовых договоров существует возможность возмещения расходов с той стороны договора, которая не исполнила свои обязательства или исполнила их ненадлежащим образом. При этом следует отметить, что «расторжение» является лишь одним из способов окончания гражданско-правовых договоров, и предусмотрены и другие способы, такие как прекращение договора в случаях, определенных законодательством, или исполнение обязательств сторонами в полном объеме.

«Расторжение договора», с другой стороны, является активным процессом, который требует совместных действий сторон. По сравнению с прекращением по истечении времени, расторжение требует дополнительных действий и волеизъявлений от сторон.

Помимо указанного, следует разграничивать понятие «недействительности» и понятие «расторжения договора». Основное различие заключается в том, что «недействительность договора» связана с неправомерностью сделки, то есть ее несоответствием каким-либо требованиям законодательства, тогда как «расторжение договора» происходит из-за различных обстоятельств, требующих прекращения договора, несмотря на ее законность.

«Недействительность договора» может произойти в случае, если сделка не соответствует законодательным требованиям – была совершена с целью обмана, угрозы или насилия и может быть признана недействительной [\[8\]](#). «Расторжение договора», напротив, может быть вызвано различными обстоятельствами, которые могут быть связаны с отсутствием или ненадлежащим исполнением обязательств по договору. В частности, если одна из сторон не выполнила принятые на себя обязательства по договору, то это может послужить основанием для расторжения.

Таким образом, «недействительность» и «расторжение» являются различными понятиями, имеющими отличные основания. В частности, их дифференцирование связано с тем, что «недействительность» относится к неправомерности сделки, а «расторжение» – возникновению обстоятельств, требующих прекращения договора.

При рассмотрении категорий «расторжения договора» и «отказа от исполнения договора» также необходимо осуществлять разграничение данных понятий. Статья 452 Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривает возможность расторжения договора как исключительную меру в гражданско-правовом поле, которая фактически обозначает невозможность исполнения договорных отношений в случае, например, существенного нарушения условий договора одной из сторон. В свою очередь, отказ от исполнения договора не всегда подразумевает нарушение условия

договора одной из сторон, а может быть связан с иными социальными и экономическими интересами сторон.

Отличие данных понятий даже усматривается в порядке использования способа прекращения договора. «Расторжение договора» производится посредством судебного порядка по обращению заинтересованной стороны, а «отказ от исполнения договора» осуществляется лишь по заявлению одной из сторон договора [\[9\]](#). У рассматриваемых процедур отличается момент введения в действие предусмотренных законодательством последствий. В рамках процедуры расторжения договора до направления искового заявления в судебные органы заинтересованной стороной в адрес контрагента направляется предупреждение. В случае «отказа от исполнения договора» напротив – с момента уведомления контрагента, согласно положениям статьи 450.1 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В дополнение к вышеизложенному, согласно позиции, отраженной в Определении Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13.05.2010 № ВАС-5792/10 требования об изменении или расторжении договора может быть заявлено только в отношении действующего договора, то есть договор, прекративший срок действия, не может быть расторгнут или изменен на основании решения судебной инстанции.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что осуществление минимизации проблемных аспектов соотношения категорий «изменение договора» и «расторжение договора» со смежными категориями гражданского права, которые заключаются, например, в отличии оснований расторжения договора и недействительности договора, правовых последствий изменения договора, заключения дополнительного соглашения, прекращения договора по окончании срока действия и отказа от исполнения договора, представляется возможным, в первую очередь, благодаря непосредственному участию законодателя в решении данной проблемы посредством издания актов официального толкования, в частности постановления пленума Верховного Суда РФ.

Теоретическая база по выбранной теме глубоко не изучена теоретиками права, анализ научных трудов позволяет сделать вывод о том, что авторами не затрагивается вопрос прекращения договора по обстоятельствам, не зависящим от участников правоотношений, что особенно ярко проявилось в период пандемии коронавирусной инфекции, и является достаточно распространенным правовым явлением в современных внешнеполитических условиях.

В связи с этим, предлагается не только на законодательном уровне разграничить уже известные правовой науке концепции «прекращение» и «расторжение» договора, но и добавлять в теорию российского права дефиниции, квалифицирующие наиболее распространенные на данном этапе развития способы «прекращения» и «расторжения договоров», в том числе посредством заимствованная широкого зарубежного опыта.

Предложенный комплекс мер позволит восполнить существующий пробел и унифицировать правовой подход правоприменителей к классификации подобных категорий, и, что не менее важно, лечь в основу мощного инструмента защиты прав участников гражданских отношений, законного и справедливого российского правосудия.

Библиография

1. Брагинский М.И. Договорное право. 2-е изд. Кн. 1: Общие положения / М: Статут,

2015. С. 112.

2. Миронов В.О. Юридические факты: понятие, признаки, классификация // Аграрное и земельное право. 2020. № 3 (183). С. 56-59.

3. Иванова Ю.А. Принцип свободы договора в гражданском праве // Вестник московского университета МВД России. 2018. № 5 С. 69-71.

4. Соменков С. А. Расторжение договора в гражданском обороте: теория и практика. М.: МЗ Пресс, 2005. – С. 17.

5. Потаева Е. В. Последствия расторжения гражданско-правового договора в России: некоторые аспекты правового регулирования // Юридический факт. 2019. № 76. С. 4.

6. Купцова Ю. И. Особенности и основания изменения и расторжения гражданско-правового договора // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 88-92.

7. Гинзбург И. В. Некоторые порядок изменения (расторжения) и основания прекращения гражданско-правового договора // Контентус. 2021. № 3. С. 34-43.

8. Мелкоян Д. А. Недействительность сделок в российском гражданском праве // Евразийская адвокатура. 2017. № 3 (28). С. 63-65.

9. Кудрявцева Т. Н. Понятие одностороннего изменения и расторжения договоров // Вестник магистратуры. 2019. № 11-2 (98). С. 114-115.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, некоторые особенности разграничения изменения и расторжения договора от смежных категорий гражданского права. Заявленные границы исследования полностью соблюдены автором. Наименование статьи нуждается в корректировке. Поскольку речь идет о проблемах соотношения одних категорий гражданского права со смежными им, более правильным будет такой вариант названия работы как "Некоторые проблемы соотношения категорий "изменение договора" и "расторжение договора" со смежными категориями гражданского права" и т.п.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается, но очевидно, что автором использовались всеобщий диалектический, логический, формально-юридический, герменевтический методы исследования.

Актуальность избранной ученым темы исследования обоснована довольно кратко: "Изменение и расторжение договора относятся к основным категориям гражданского права, которые играют важную роль в регулировании договорных отношений между юридическими и физическими лицами. Тем не менее, в ходе интерпретации данных категорий могут возникать сложности ввиду того, что они могут быть неверно квалифицированы и отнесены к другим смежным категориям гражданского права". Дополнительно автору необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

В чем проявляется научная новизна исследования, в статье прямо не говорится. Фактически она отсутствует. Работа носит описательный, реферативный характер, представляя собой компиляцию использованных при ее написании источников. Автор не предлагает оригинальных дефиниций понятий, новых идей или концепций, не дает рекомендаций по совершенствованию действующего гражданского законодательства. В представленном виде статья не вносит какого-либо заметного вклада в развитие отечественной цивилистической науки.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый делает попытку обоснования актуальности избранной им темы исследования. В основной части исследования автор рассматривает соотношение таких понятий как "заключение дополнительного соглашения" и "изменение договора"; "расторжение договора" и "прекращение договора по окончании срока действия"; "недействительность договора" и "расторжение договора". В заключительной части статьи содержатся краткие выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи полностью соответствует ее наименованию, но не лишено ряда недостатков.

Так, автор пишет: "Окончание или расторжение гражданско-правовых договоров являются завершающим этапом в динамике договорных обязательств и одновременно сложными фактическими составами". Термин "окончание договоров" не является юридическим.

Ученый отмечает: "Юридическими фактами являются установленные законодательно обстоятельства, ставшие основанием для возникновения, изменения или прекращения правовых отношений [1]. Они представляют собой правомерные действия, обладающие выраженной волевой составляющей - одностороннюю при отказе от исполнения или при предъявлении исковых требований, либо двухстороннюю при соглашении сторон". Как известно, юридические факты могут быть представлены не только правомерными действиями.

Смысл некоторых положений работы затемнен ("Последствия таких действий на договорное отношение осуществляются автоматически и приводят к его изменению или прекращению").

Автор указывает: "Изменение и расторжение договора относятся к основным категориям гражданского права, которые играют важную роль в регулировании договорных отношений между юридическими и физическими лицами". Указанные категории - "изменение договора" и "расторжение договора" - нужно поместить в кавычки.

Библиография исследования представлена 6 источниками (нормативным правовым актом, материалами судебной практики, научными статьями). С формальной точки зрения этого достаточно, с фактической - использование всего 4 теоретических источников не позволило автору раскрыть поднимаемые им в статье проблемы с должной глубиной и полнотой. В связи со сказанным теоретическая база работы нуждается в расширении (прежде всего за счет диссертационных исследований и монографий, которые позволяют детально ознакомиться с позициями оппонентов по спорным вопросам, сформулировать свою оригинальную точку зрения, убедительно обосновать те или иные положения работы). Также в статье фактически отсутствует эмпирическая база.

Апелляции к оппонентам нет, что недопустимо для научной статьи. Автор не вступает в научную дискуссию. Ученый делает ссылки на некоторые теоретические работы исключительно в подтверждение своих суждений. Теоретические положения работы не проиллюстрированы примерами из судебной практики, между тем сама направленность исследования предполагает приведение таких примеров.

Выводы по результатам исследования имеются ("На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что разграничение изменения и расторжения договора от смежных категорий гражданского права требует глубокого анализа условий договора, характера его исполнения и отношений между сторонами а также то, что при рассмотрении гражданско-правовых споров существует приоритет правильной квалификации юридического значения рассматриваемых фактов с целью надлежащего вынесения решений судебными органами"), но они носят общий характер (не конкретизированы) и не обладают свойством научной новизны.

Статья не вычитана автором. В ней встречаются опечатки, орфографические, пунктуационные, синтаксические, стилистические ошибки.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере гражданского права при условии ее существенной доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы, расширении теоретической базы работы за счет диссертационных исследований и монографий, введении элементов научной новизны и дискуссионности, иллюстрировании положений статьи примерами из судебной практики, формулировании четких и конкретных выводов по результатам проведенного исследования, устранении нарушений в оформлении работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Некоторые проблемы соотношения категорий «изменение договора» и «расторжение договора» со смежными категориями гражданского права».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам соотношения категорий «изменение договора» и «расторжение договора» со смежными категориями гражданского права. Автор указывает на проблемы понимания категории «прекращение договора» в связи с приведенными выше понятиями. В качестве предмета исследования выступили нормы законодательства, мнения ученых, материалы правоприменительной практики.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса о соотношении категорий «изменение договора» и «расторжение договора» со смежными категориями гражданского права. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов судебной практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства (прежде всего, норм ГК РФ). Например, следующий вывод автора: «Как следует из пункта 3 статьи 438 Гражданского кодекса совершение лицом, получившим оферту, в срок, установленный для ее акцепта, действий по выполнению указанных в ней условий договора (отгрузка товаров, предоставление услуг, выполнение работ, уплата соответствующей суммы и т.п.) считается акцептом, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или не указано в оферте».

Следует положительно оценить возможности эмпирического метода исследования,

связанного с изучением материалов судебной практики. В частности, укажем на следующий вывод: «например, Определением Верховного Суда РФ от 25.01.2021 № 305-ЭС20-22336 по делу № А40-112440/2019 было отказано заявителю в пересмотре в кассационном порядке судебных актов по делу о признании договора расторгнутым, об обязанности заключить новый договор по причине того, что нижестоящие суды пришли к правомерному выводу о том, что проект представленной истцом оферты не предполагает заключения какого-либо нового для сторон договора, а по сути направлен на изменение (пересмотр) только отдельных условий уже действующего договора, между тем ни законом, ни договором между сторонами не предусмотрено обязательное изменение условий действующего договора по требованию истца».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема соотношения смежных категорий в российском договорном праве рассматривалась неоднократно. При этом однозначного решения, которое способствовало бы эффективному развитию судебной и иной правоприменительной практики, не представлено. Автор статьи прав в том, что «Развитие института гражданско-правовых договоров серьезно влияет на формирование моделей взаимодействия между участниками гражданско-правовых отношений. Гражданско-правовые договоры являются основными инструментами, которые используются для закрепления прав и обязанностей участников правоотношений».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«осуществление минимизации проблемных аспектов соотношения категорий «изменение договора» и «расторжение договора» со смежными категориями гражданского права, которые заключаются, например, в отличии оснований расторжения договора и недействительности договора, правовых последствий изменения договора, заключения дополнительного соглашения, прекращения договора по окончании срока действия и отказа от исполнения договора, представляется возможным, в первую очередь, благодаря непосредственному участию законодателя в решении данной проблемы посредством издания актов официального толкования, в частности постановления пленума Верховного Суда РФ».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены оригинальные обобщения судебной практики по заявленным вопросам, а также комментарии к приведенным решениям судов. Приведенные выводы могут быть актуальны и полезны специалистам в сфере договорного права.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с понятийным аппаратом

российского гражданского права.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Брагинский М.И., Миронов В.О., Иванова Ю.А., Соменков С.А., Потаева Е.Ви другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области российского договорного права. Хотело бы отметить использование автором большого количества материалов судебной практики, что позволило придать исследованию правоприменительную направленность.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к некоторым аспектам развития российского договорного права.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Морхат П.М. Сравнительно-правовое исследование позиционирования искусственного интеллекта в судебном процессе // Юридические исследования. 2024. № 7. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.7.71263 EDN: TBOCPB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71263

Сравнительно-правовое исследование позиционирования искусственного интеллекта в судебном процессе

Морхат Петр Мечиславович

доктор юридических наук

Судья; Арбитражный суд Московского округа

107053, Россия, г. Москва, ул. Проспект Академика Сахарова, 18, каб. 604

✉ judiciary2024@yandex.ru

[Статья из рубрики "Человек и государство"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2024.7.71263

EDN:

TBOCPB

Дата направления статьи в редакцию:

15-07-2024

Дата публикации:

27-07-2024

Аннотация: В статье рассматривается опыт применения искусственного интеллекта в рамках судебного процесса США, Китая и России. Указанный анализ включает в себя не только анализ судебной практики, но и изучение стратегических документов, закрепленных на уровне правительств данных стран. Цель исследования - определить эффективные отправные точки по имплементации ИИ в сферу судебной власти, выявить особенности регламентации ИИ в судебном процессе и уточнить перспективы определения полной автономности ИИ для судопроизводства. Задачами исследования является определение основных трендов в области имплементации ИИ в сферу судебного процесса, выделение областей, которые могут быть на текущий момент алгоритмически обработаны ИИ, а так же определение будущих конструкций правосубъектности ИИ с учетом мнения профессионального судейского сообщества

России. Методология исследования включает в себя системный, структурно-функциональный, формально-юридический, герменевтический и сравнительно-правовой методы. В статье сделаны обобщающие выводы о перспективах искусственного интеллекта для судебного процесса и сформулированы оптимальные конструкции для применения ИИ в судебных делах, с учетом проведенного сравнительно правового исследования. На основе проведенного сравнительно-правового исследования автором сформулирована возрастающая роль технологии искусственного интеллекта, применяемого в судебном процессе. Отмечена необходимость совершенствования законодательной базы учитывающей технологическую специфику ИИ и обеспечения надлежащего уровня информационной безопасности при использовании данной технологии. Кроме того, определена отправная точка для эффективного и безопасного внедрения ИИ как автономного участника процесса в части споров, которые рассматриваются в упрощенном порядке или содержат высокую долю данных достоверно верифицированных и хранящихся в электронном виде.

Ключевые слова:

искусственный интеллект, предиктивное правосудие, судебный процесс, цифровой суд, информационная безопасность, публичное право, судебные разбирательства, судебная практика, цифровое государство, электронное лицо

За последнее десятилетие произошла активная интеграция искусственного интеллекта (ИИ) в сферу общественных отношений в различных странах, формируются стратегические документы в области регламентации применения ИИ в различных отраслях экономики и права^[5]. В этой логике, формируется и развивается тренд на осуществление правосудия с использованием интеллектуальных помощников, выработке комплексного регулятивного подхода к безопасному внедрению данной технологии в судебную сферу.

Ранее нами исследовался феномен искусственного интеллекта (далее - ИИ) в контексте возможного задействования юнитов ИИ в судебном процессе^[1]. Рассматривая предметно роль и место ИИ в судебном процессе, нами отмечалось возможное участие данной технологии на этапе пруденциального контроля, информационно-документарного обеспечения судопроизводства, обеспечения экспертно-аналитического интеллектуального судопроизводства, лингвистического и иного анализа^[2].

Для данной работы методология исследования базируется на системном, структурно-функциональном, герменевтическом и сравнительно-правовом методах. В рамках системного и структурно функционального метода изучаются позиции государств и права в контексте применения ИИ в области судопроизводства, функции права и юридической ответственности, через призму принятия решения судьей с использованием технологии ИИ. Герменевтический метод нашел свое отражение в анализе и толковании позиций судов относительно допустимости применения технологии ИИ в судебном процессе. Сравнительно-правовой метод (метод юридической компаративистики) является основным методом в рамках указанной статьи, поскольку активно используется анализ текущих подходов, связанных с регламентацией ИИ в зарубежных странах (Китай, США, Франция) и России.

Рассматривая технологию искусственного интеллекта, нельзя не отметить, что данная технология все глубже проникает в сферу общественных отношений и вызывает

соответствующий интерес как у исследователей в страноведческом ракурсе^[3, 4] так и на уровне международных организаций^[5, 6]. В этой связи предлагается более детально исследовать феномен ИИ в контексте судебного процесса ведущих мировых стран.

На уровне ведущих стран нельзя не отметить опыт Китая. КНР в 2017 году опубликовала свой План развития искусственного интеллекта, в рамках которого изложено стратегическое целеполагание Китая до 2030 в области развития технологии ИИ. Необходимо отметить, что в рамках долгосрочного планирования ИИ на горизонте 2030 года предусмотрено использование ИИ в новых формах «электронного управления»^[7].

Рассматривая предметно опыт Китая, необходимо отметить, что в национальном плане страны, посвященном регламентации технологии ИИ, представлен краткий параграф о возможностях для будущих «умных судов», обозначено создание приложения (или набор ИТ решений) для обеспечения судебного разбирательства, интерактивного сопровождения судебного процесса, включая сбор доказательств, анализ дел, чтение и анализ юридических документов.

Очевидно, что обеспечение соответствующей базы данных для обучения ИИ требует формирования «банка данных».

В 2014 году Верховный народный суд Китая для этой цели декларирует «открытость» и «судебную прозрачность» в качестве ключевых составляющих судебного процесса^[8]. Правительственная платформа «China Judgements Online» в настоящее время размещает более 130 миллионов публичных документов^[9]. Данный банк данных содержит дополнительные подплатформы «Похожие судебные решения» и «Платформа обслуживания больших данных правосудия Китая», которые позволяют сотрудникам судебных органов, представителям общественности осуществлять поиск данных по судебным решениям^[10].

В дальнейшем необходимо отметить становление революционной системы ИИ «Система 206» в Шанхае, которая обладает когнитивными функциями на базе машинного обучения^[11]. Данная система на этапе подачи документов проводит проверку критериев принятия дела, интеллектуальное напоминание об уплате судебного сбора и интеллектуальное формирование процессуальных документов; на этапе досудебного анализа выявляет суть претензий, определяет позиции защиты, выявляет факты и причины возникновения спора, анализирует материалы дела, проверяет полноту и достоверность доказательств и готовит план проведения заседания суда с предварительным перечнем вопросов; на этапе судебного разбирательства устанавливает неоспоримые факты, позиции сторон, ведет безбумажный перекрёстный допрос и готовит протокол судебного заседания; на этапе вынесения решения ИИ помогает в подборе законодательной базы, аналогичных судебных дел, готовит предварительное решение, подготовленное по аналогии с иным делом, а также сопутствующие документы (для которых созданы отдельные подсистемы).

В рамках опытной эксплуатации ИИ только в 2016 году было обработано 495864 дел, к апрелю 2019 года ИИ обрабатывал и детализировал дела связанные с дорожно-транспортными спорами, с кредитными картами, долевым участием, распространением информации в сети Интернет и т. д. Указанный инструмент существенно упростил работу судей и опосредовано повлиял на сокращение судейского корпуса в 2017 году количество квот судей с 210 000 до 120 000 человек^[12].

По состоянию на 2021 год технология автоматического распознавания речи, лежащая в основе системы 206, предоставленная iFlytek, была внедрена в более чем 4200 залах суда по всей стране^[13].

Помимо вышеуказанных ИИ-решений, больше внимания необходимо уделить предполагаемым ИИ-судьям, которые напрямую помогают в вынесении судебных решений (переход от помощников к потенциальным участникам). В Ханчжоу ИИ-судья «Сяо Чжи» использовался для вынесения решения по частному кредитному спору, помогая судье-человеку рассмотреть дело и вынести решение менее чем за 30 минут^[14]. Данный ИИ помогает судьям в режиме реального времени с интерактивным пулом аргументов, оценкой доказательств и рекомендациями по решению.

Указанные ИИ-решения, при всех их достоинствах и скорости принятия решения, осуществляются под пристальным наблюдением судей-людей, и ни одно судебное решение не выполняется без одобрения человека.

Позиция Чжоу Цяна, заместителя председателя ВК НПКСК 14-го созыва (ранее являлся председателем Верховного народного суда Китая с 2013 до 2023 гг.), заключается в том, что «ИИ никогда не заменит судей-людей и может только служить судьям (в качестве помощников)». При этом Чжоу Цян призывает более интенсивно использовать технологию ИИ в судебном процессе, консультироваться с ИИ при рассмотрении всех категорий дел^[15]. В случае если судьи отклоняют рекомендации ИИ, то должны предоставить письменное объяснение своих действий^[16].

При всем наличии указанных преимуществ нельзя не отметить определенные недостатки ИИ-технологий для целей судебного процесса. Например, текущие пилотные программы, тестирующие технологию распознавания лиц и эмоций для подтверждения достоверности показаний, ненадежны и технологически несовершенны на текущий момент^[13]. Также сохраняются вопросы поведенческой адаптации (которая формируется у потенциальных правонарушителей) и единообразия судебной практики, которая является источником обработки для ИИ. В указанной ситуации мы понимаем, что ИИ анализирует ситуацию, исходя из определенной модели, сформировавшейся в ранее обработанном им массиве. Имея в виду обозначенную обязательную практику предоставления пояснений со стороны судей о причине несогласия с рекомендациями, представленными ИИ, а также учитывая реализуемую ИИ функцию алгоритмического мониторинга общей судебной практики и отклонений от нее, можно говорить о риске возникновения определенной предубежденности со стороны судей по «делам, выпадающим из общей статистической массы», и сложности принятия решения, которые противоречат рекомендации ИИ^[17].

Вместе с тем, по нашему мнению, данный подход является более конструктивным, чем полная блокировка разработки ИИ используемого в т.ч. в ракурсе предиктивного судебного разбирательства во Франции^[18].

Рассматривая опыт США, необходимо отметить, что законодательная база определена на уровне Национальной инициативы по искусственному интеллекту 2020 года, согласно положениям которой США должна обеспечить лидерство в области ИИ, а также сохранение лидирующих позиций США в мире по разработке и использованию надежных систем искусственного интеллекта в государственном и частном секторах^[19].

Рассматривая вопросы применения ИИ в судебном процессе, необходимо отметить опыт, связанный с системой COMPAS (Correctional Defender Management Profiling for Alternative

Sanctions), которая активно используется для оценки риска рецидива у осужденных, ходатайствующих об условно досрочном освобождении. Данная система на основе большого количества параметров, включая пол, возраст, образование, родственное и социальное окружение, статья по которой был осужден подсудимый, количество привлеченных раз к ответственности и т.д. (более 130 факторов в базе данных) позволяет определить с высокой степенью точности потенциальный риск подсудимого для общества в случае вынесения положительного решения судьи.

В этой связи показателен кейс *Штат Висконсин против Эрика Л. Лумиса*, где использовалась программа *Компас*^[20]. Согласно судебному решению, при оценке личности Эрика Л. ИИ выдала отрицательное заключение в отношении подсудимого. В рамках самого процесса примечательным фактором является то, что в дальнейшем в рамках процедуры апелляции не оспаривалась правомерность применения указанной программы, а подчеркивалась некорректность ее алгоритмов в отношении оценки подсудимых.

Рассматривая практику применения ИИ в судебном процессе, нельзя не отметить возможности современной технологии ИИ по подготовке исковых заявлений. В деле *Mescall против Renaissance at Antiquity Slip Copy* адвокат истца использовал ChatGPT для написания своих исков^[21]. В данном конкретном судебном процессе суд постановил, что «использование искусственного интеллекта создает проблемы, поднимает этические проблемы и может привести к санкциям или штрафам».

Суд в своем выводе ссылался так же на практику *Mata против Avianca, Inc.* где отмечается, что юрисконсульт на основе сознательного действия вводит в заблуждение суд, когда предоставляет несуществующие судебные заключения с поддельными цитатами и ссылками, созданными инструментом искусственного интеллекта ChatGPT^[22]. Указанные действия являются основаниями для наложения соответствующих санкций в адрес стороны со стороны суда.

В деле *Уильямс против города Детройт* гражданин США из Мичигана в 2020 году стал жертвой такой предвзятости со стороны технологии ИИ, используемой в правоохранительной сфере^[23].

Дело началось с того, что г-н Уильямс интерпретировал звонок из полицейского управления как шутку. Звонок из полицейского управления обусловлен тем, что его личность была ошибочно установлена с помощью системы распознавания лиц, и ему было предъявлено обвинение в преступлении, которого он не совершал.

Когда полиция задержала г-на Уильямса, они показали ему фотографию упомянутой записи наблюдения, и г-н Уильямс прокомментировал полицейскому управлению, что все чернокожие мужчины выглядят одинаково на «зернистых» фотографиях. Позже оказалось, что система распознавания лиц ошибалась и полицейские арестовали не того мужчину.

Рассматривая кейс применения ИИ в рамках алгоритмического анализа персональных данных, необходимо обратиться к делу *Тайс против Amazon.com Inc.* Истец подал иск против Amazon, заявив, что Алекса (виртуальный ассистент, разработанный компанией Amazon и используемый в умных колонках Amazon Echo и Amazon Echo Dot) нарушила Калифорнийский закон о вторжении в частную жизнь, записав частные разговоры без ведома истца^[24].

В рамках данного дела суд постановил, что запись со стороны ИИ производилась ограниченно, когда они использовали колонку, и между Amazon, и истцом не было договора о конфиденциальности, по которому Amazon брала на себя ответственность за «убытки», связанные с использованием колонки. Таким образом суд не смог удовлетворить требования истца в виду размытой грани, связанной с пользовательским соглашением и законом о конфиденциальности. Аналогичная практика была представлена в коллективном иске *Уилкоски против Amazon.com Inc.* (неправомерная запись разговоров пользователей колонок), в связи с нарушением Закона штата Иллинойс о биометрической конфиденциальности^[25].

Рассматривая феномен искусственного интеллекта в судебной практике России, нельзя не отметить усиление регламентации его применения для целей публичного управления.

В рамках своего последнего послания Федеральному собранию Президент Российской Федерации В.В. Путин отмечает значимую роль технологии ИИ для выстраивания оптимального взаимодействия граждан, бизнеса и государства (Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 10.07.2024)). В данном выступлении также отмечено обновление стратегического документа в области регламентации ИИ и установление горизонта регламентации до 2030 гг (Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. N 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями)).

Стратегией предусмотрено, что основной задачей использования ИИ является автоматизация однотипных и повторяющихся производственных операций, в том числе операций, осуществляемых в сфере отправления правосудия. В рамках указанного кейса отправной точкой для целей судебного процесса является создаваемый сервис «Онлайн-правосудие», который позволяет подавать документы в суд в электронной форме, изучать ход судебного разбирательства и принимать в нем участие онлайн, а также получать электронные судебные документы, подписанные электронно-цифровой подписью судьи^[26].

Кроме того, участие в судебном заседании сторон возможно с использованием технологии веб-конференции за счет внедрения технологии биометрической аутентификации участников процесса по лицу и голосу. В рамках указанного сервиса предполагается автоматизированное создание проектов судебных решений на основе анализа текста процессуального документа и материалов дела.

В рамках текущего законодательства с 1 сентября 2019 года в России введено автоматизированное распределение дел (ст. 18 АПК РФ, ст. 14 ГПК РФ, ст. 28 АПК РФ, ст. 30 УПК РФ). Система действует как в арбитражных судах, так и в судах общей юрисдикции для справедливого и беспристрастного распределения нагрузки между судьями.

Член Президиума Верховного Суда Российской Федерации В.В. Момотов отмечает, что в системе судов «слабый ИИ» уже активно применяется. ИИ помогает составлять проекты судебных решений, верифицирует комплектность пакета документов, представленных по делу. А в рамках экспериментального применения ИИ в Амурской области истец может сформулировать свое заявление с применением соответствующей технологии^[27]. При этом отмечается, что сильный ИИ недопустим как участник судебного процесса и только судья обладает такими необходимыми качествами, как справедливость, уважение к участникам, порядочность, достоинство, соблюдение профессиональной тайны.

В этом же контексте нужно отметить позицию Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, который подчеркивает, что ИИ способен реализовывать действия, ведущие к юридически значимым результатам и выступать мостом по частичному переходу правосудия в онлайн-сферу. При этом отмечается опасность конструкции связанной с наделением ИИ личными правами по аналогии с человеческими^[28].

Автор статьи поддерживает подход В.Д. Зорькина о недопустимости уравнивания технологии ИИ в статусе правосубъекта, идентичного статусу человека и судьи. Вместе с тем, необходимо отметить, что данная технология в силу ее потенциальной автономности и формирования юридических значимых последствий потребует выработки принципиально новых подходов, в т.ч. через использование действующих механизмов или формирования новых конструктов. В ином случае, по нашему мнению, будет сформирована ситуация, когда разработчик ИИ (или иное лицо) будет намерено занижать автономность указанной технологии в целях нивелирования рисков привлечения к ответственности или усложнять процедуру установления юридически значимых фактов для определения ответственности лиц.

В этой логике возможным инструментом решения является распространение действующей конструкции юридических лиц на ИИ^[29] или же развитие концепта электронного лица для целей публичного права^[30].

Автор поддерживает тезис, представленный в статье Г.А. Гаджиева и Е.А. Войниканис о том, что в современной правовой науке уже сейчас присутствует необходимость разрешения правовых споров с участием автономных роботов (роботов с ИИ), и возможная техника юридического уподобления ИИ юридическим лицам (как наиболее эластичной конструкции) или квазисубъектам права является одним из способов эффективного рассмотрения указанных споров^[29].

Альтернативный подход к развитию концепта электронного лица для целей публичного права, представленный О.А. Ястребовым и М.А. Аксеновой базируется на юридической фикции в виде некой организационной конструкции с использованием ИИ, которое предлагается зафиксировать как электронное лицо с последующей классификацией для целей публичного права. При этом также отмечается дискуссионный характер, связанный с определением юридической ответственности и условий наделения правосубъектностью электронного лица^[30].

На основании вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы и предложения:

1. Внедрение искусственного интеллекта в отечественный судебный процесс является перспективой ближайшего времени, которое потребует формирования соответствующей законодательной базы и судебной практики, учитывающей особенности данной технологии во всех технических аспектах, решения вопросов достоверности предлагаемых рекомендаций и решений ИИ, а также обеспечения соответствующей информационной безопасности.
2. Возможные области имплементации ИИ в рамках отечественной судебной практики мало отличаются от общемировых трендов, однако вопросы оценки доказательной базы со стороны ИИ потребуют дополнительной независимой внешней экспертизы или формирования публичного института, осуществляющего контроль за технологиями ИИ, используемыми в области государственной власти.

3. Отправной точкой для наиболее эффективного и безопасного внедрения ИИ могут выступать дела, связанные с упрощенным порядком рассмотрения дела или те споры, которые носят высокий характер достоверных цифровых данных.

4. Говоря о возможной правосубъектности технологий ИИ для целей судебного процесса, на текущий момент необходимо отметить недопустимость использования конструкции, идентичной человеку. Однако возможным альтернативным решением может выступить юридическая фикция через призму юридического лица или создание новой конструкции электронного лица.

Библиография

1. Морхат, П. М. Возможности, особенности и условия применения искусственного интеллекта в юридической практике / П. М. Морхат // Администратор суда. – 2018. – № – С. 8-12.
2. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы. – 2018.
3. Atabekov A. R. Modeling approaches to AI integration into public relations in Russia as per comparative research of foreign countries' experience //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2023. – Т. 27. – №. – С. 686-699.
4. Laptev V. A., Feyzrakhmanova D. R. Application of Artificial Intelligence in Justice: Current Trends and Future Prospects //Human-Centric Intelligent Systems. – 2024. – С. 1-12.
5. OECD AI Policy observatory. URL: <https://oecd.ai/en/> (дата обращения: 10.07.2024).
6. Global toolkit on AI and the rule of law for the judiciary (UNESCO). URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000387331?posInSet=1&queryId=3601a156-e097-4d9d-afca-d5b42552353c> (дата обращения: 10.07.2024).
7. Full Translation: China's 'New Generation Artificial Intelligence Development Plan' (2017). URL: <https://www.newamerica.org/cybersecurity-initiative/digichina/blog/full-translation-chinas-new-generation-artificial-intelligence-development-plan-2017/> (дата обращения: 10.07.2024).
8. Stern R. E. et al. Automating fairness? Artificial intelligence in the Chinese courts //Colum. J. Transnat'l L. – 2020. – Т. 59. – С. 515.
9. China Judgement Online. URL: wenshu.court.gov.cn (дата обращения: 10.07.2024).
10. Chen B. M., Li Z. How will technology change the face of Chinese justice? //Colum. J. Asian L. – 2020. – Т. 34. – С. 1.
11. Cui Y. Artificial intelligence and judicial modernization. – Singapore : Springer, 2020.
12. Xin H. Judicial Reforms Under Xi Jinping. 2018. URL: <https://usali.org/usali-perspectives-blog/judicial-reforms-under-xi-jinping#:~:text=Upon%20its%20completion%20in%202017,judges%20from%202010%2C000%20to%202012%2C000>. (дата обращения: 10.07.2024).
13. Wang Z. China's E-Justice Revolution //Judicature. – 2021. – Т. 105. – С. 36.
14. Wang N. "Black Box Justice": Robot Judges and AI-based Judgment Processes in China's Court System //2020 IEEE International Symposium on Technology and Society (ISTAS). – IEEE, 2020. – С. 58-65.
15. China's court AI reaches every corner of justice system, advising judges and streamlining punishment. URL: https://www.scmp.com/news/china/science/article/3185140/chinas-court-ai-reaches-every-corner-justice-system-advising?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.ru%2Fmedia%2Fid%2F625d5ed7094ea767c28a7

2a4%2F62d10c3e0b1c2c43e663a7fb (дата обращения: 10.07.2024).

16. Судей в Китае обязали использовать искусственный интеллект. URL: <https://legal.report/sudej-v-kitae-obyazali-ispolzovat-iskusstvennyj-intellekt/> (дата обращения: 10.07.2024).

17. Wang N., Tian M. Y. 'Intelligent Justice': AI Implementations in China's Legal Systems //Artificial Intelligence and Its Discontents: Critiques from the Social Sciences and Humanities. – Cham : Springer International Publishing, 2022. – С. 197-222.

18. Connett I. France Resists Judicial AI Revolution //Above the law. – 2019. URL: <https://abovethelaw.com/legal-innovation-center/2019/06/10/france-resists-judicial-ai-revolution/> (дата обращения: 10.07.2024).

19. H.R.6216-National Artificial Intelligence Initiative Act of 2020. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6216> (дата обращения: 10.07.2024).

20. Loomis v. Wisconsin, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016), cert. denied, 137 S.Ct. 2290 (2017). URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914acb1add7b0493473ec15> (дата обращения: 10.07.2024).

21. ERAUD THOMAS MESCALL, Plaintiff, v. RENAISSANCE AT ANTIQUITY, et. al. Civil Action 3:23-CV-00332-RJC-SCR, 11-13-2023. URL: <https://casetext.com/case/mescall-v-renaissance-at-antiquity> (дата обращения: 10.07.2024).

22. ROBERTO MATA, Plaintiff, v. AVIANCA, INC., Defendant. 22-cv-1461 (PKC), 06-22-2023. URL: <https://casetext.com/case/mata-v-avianca-inc-2> (дата обращения: 10.07.2024).

23. Williams v. City of Detroit, Michigan, A Municipal Corporation (2:21-cv-10827). URL: <https://www.courtlistener.com/docket/59815822/williamsv-city-of-detroit-michigan-a-municipal-corporation/> (дата обращения: 10.07.2024).

24. Tice v. Amazon.com, Inc. №. 20-55432, 02-19-2021. URL: <https://casetext.com/case/tice-v-amazoncom-inc> (дата обращения: 10.07.2024).

25. Wilcosky v. Amazon.com, Inc. No. 19-cv-05061, 2021-02-05. URL: <https://casetext.com/case/wilcosky-v-amazoncom-inc> (дата обращения: 10.07.2024).

26. Состоялось совещание по вопросам расширения доступа граждан к правосудию с использованием цифровых технологий. URL: https://www.vsr.ru/press_center/mass_media/30377/ (дата обращения: 10.07.2024).

27. ИИ не сможет заменить судью в силу своего бездушия — Момотов. URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20231026/309332787.html (дата обращения: 10.07.2024).

28. Валерий Зорькин высказался против наделения искусственного интеллекта правосубъектностью. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/valeriy-zorkin-vyskazalsya-protiv-nadeleniya-iskusstvennogo-intellekta-pravosubektnostyu/> (дата обращения: 10.07.2024).

29. Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права?(поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) //Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – №. 4. – С. 24-48.

30. Ястребов О. А., Аксенова М. А. Влияние искусственного интеллекта на административно-правовой режим противодействия легализации доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма: вопросы права //Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – №. 3. – С. 84-109.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, позиционирование искусственного интеллекта в судебном процессе. Автор сосредоточил свое внимание на сравнительно-правовом аспекте проблемы.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Ранее нами исследовался феномен искусственного интеллекта (далее - ИИ) в контексте возможного задействования юнитов ИИ в гражданском, арбитражном, административном, уголовном процессе, в судопроизводстве [1]. Рассматривая предметно роль и место ИИ в судебном процессе, нами отмечалось возможное участие данной технологии на этапе пруденциального контроля, информационно-документарного обеспечения судопроизводства, обеспечения экспертно-аналитического интеллектуального судопроизводства, лингвистическом и ином анализе[2]. Рассматривая технологию искусственного интеллекта, нельзя не отметить, что данная технология все глубже проникает в сферу общественных отношений и вызывает соответствующий интерес как у исследователей в страноведческом ракурсе[3, 4] так и на уровне международных организаций[5, 6]. В этой связи предлагается более детально исследовать феномен ИИ в контексте судебного процесса ведущих мировых стран".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "При всем наличии указанных преимуществ нельзя не отметить определенные недостатки ИИ-технологий для целей судебного процесса. Например, текущие пилотные программы, тестирующие технологию распознавания лиц и эмоций для подтверждения достоверности показаний, ненадежны и технологически несовершенны на текущий момент[13]. Также сохраняются вопросы поведенческой адаптации (которая формируется у потенциальных правонарушителей) и единообразия судебной практики, которая является источником обработки для ИИ. В указанной ситуации мы понимаем, что ИИ анализирует ситуацию, исходя из определенной модели, сформировавшейся в ранее обработанном им массиве"; "На основании вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы и предложения: 1. Внедрение искусственного интеллекта в отечественный судебный процесс является перспективой ближайшего времени, которое потребует формирования соответствующей законодательной базы и судебной практики, учитывающей особенности данной технологии во всех технических аспектах, решения вопросов достоверности предлагаемых рекомендаций и решений ИИ, а также обеспечения соответствующей информационной безопасности. 2. Возможные области имплементации ИИ в рамках отечественной судебной практики мало отличаются от общемировых трендов, однако вопросы оценки доказательной базы со стороны ИИ потребуют дополнительной независимой внешней экспертизы или формирования публичного института, осуществляющего контроль за технологиями ИИ, используемыми в области государственной власти" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор анализирует зарубежный опыт применения искусственного интеллекта в судебном процессе, в результате чего формулирует свои предложения по оптимизации применения ИИ в российском процессе. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий. Однако оно не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Рассматривая предметно роль и место ИИ в судебном процессе, нами отмечалось возможное участие данной технологии на этапе пруденциального контроля, информационно-документарного обеспечение судопроизводства, обеспечения экспертно-аналитического интеллектуального судопроизводства, лингвистическом и ином анализе[2]" - "информационно-документарного обеспечения".

Ученый указывает: "Данная система на этапе подачи документов проводит проверку критериев принятия дела, интеллектуальное напоминание об уплате судебного сбора и интеллектуальное формирование процессуальных документов; на этапе досудебного анализа выявляет суть претензий, определяет позиции защиты, выявляет факты и причин возникновения спора, анализирует материалы дела, проверяет полноту и достоверность доказательств и готовит план проведения заседания суда с предварительным перечнем вопросов; на этапе судебного разбирательства устанавливает неоспоримые факты, позиции сторон, ведет безбумажный перекрёстный допрос и готовит протокол судебного заседания; на этапе вынесения решения ИИ помогает в подборе законодательной базы, аналогичных судебных дел, готовит предварительное решение, подготовленное по аналогии с иным делом, а также сопутствующие документы (для которых созданы отдельные подсистемы)" - "выявляет факты и причин возникновения спора".

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки.

Автор пишет: "Член Президиума Верховного Суда Российской Федерации Момотов В.В. отмечает, что в системе судов «слабый ИИ» уже активно применяется" - инициалы ученого в тексте статьи ставятся перед его фамилией.

Библиография исследования представлена 32 источниками (научными статьями, аналитическими и статистическими материалами, материалами правоприменительной практики, программными документами, нормативными правовыми актами), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("На основании вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы и предложения: 1. Внедрение искусственного интеллекта в отечественный судебный процесс является перспективой ближайшего времени, которое потребует формирования соответствующей законодательной базы и судебной практики, учитывающей особенности данной технологии во всех технических аспектах, решения вопросов достоверности предлагаемых рекомендаций и решений ИИ, а также обеспечения соответствующей информационной безопасности. 2. Возможные области имплементации ИИ в рамках отечественной судебной практики мало отличаются от общемировых трендов, однако вопросы оценки доказательной базы со стороны ИИ потребуют дополнительной независимой внешней экспертизы или формирования публичного института, осуществляющего контроль за технологиями ИИ, используемыми в области государственной власти. 3. Отправной точкой для наиболее эффективного и безопасного внедрения ИИ могут выступать дела, связанные с упрощенным порядком рассмотрения дела или те споры, которые носят высокий характер достоверных цифровых данных"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере информационного права, процессуального права при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования, устранении нарушений в оформлении работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Сравнительно-правовое исследование позиционирования искусственного интеллекта в судебном процессе» предметом исследования являются нормы права, регулирующие общественные отношения в сфере применения технологий искусственного интеллекта в судопроизводстве.

Методология исследования. В ходе написания статьи использовались современные методы исследования: общенаучные и частные (структурно-функциональный, герменевтический, сравнительно-правовой и др.). Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы научного познания: абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, а также можно отметить применение типологии, классификации, систематизации и обобщения.

Актуальность исследования. Актуальность темы статьи не вызывает сомнения, поскольку внедрение различных информационно-коммуникационных технологий в жизнедеятельность общества требует соответствующего правового регулирования новых общественных отношений, в том числе при использовании искусственного интеллекта в судопроизводстве. Неоднозначность и противоречивость правовых норм в данной сфере общественных отношений и их официального толкования требует дополнительных доктринальных разработок по данной проблематике с целью совершенствования современного законодательства и правоприменения.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что и в этой статье тоже сформулированы некоторые заслуживающие внимания положения, которые имеет характер научной новизны, например: «... Внедрение искусственного интеллекта в отечественный судебный процесс является перспективой ближайшего времени, которое потребует формирования соответствующей законодательной базы и судебной практики, учитывающей особенности данной технологии во всех технических аспектах, решения вопросов достоверности предлагаемых рекомендаций и решений ИИ, а также обеспечения соответствующей информационной безопасности». Разработанные автором предложения по совершенствованию законодательства можно расценивать как практическую значимость данного исследования.

Стиль, структура, содержание. Статья написана научным стилем с использованием специальной юридической терминологии. Содержание статьи соответствует ее названию. Соблюдены требования по объему статьи. Статья логически структурирована, но формально не разделена на части. Материал изложен последовательно и ясно.

В качестве замечаний можно отметить:

1. Введение не соответствует требованиям, предъявляемым к этой части научной статьи. Представляется, что высказывание автора «Ранее нами исследовался феномен искусственного интеллекта (далее - ИИ) в контексте возможного задействования юнитов ИИ в гражданском, арбитражном, административном, уголовном процессе, в судопроизводстве» не может быть введением к научной статье;

2. В заключении необходимо сформулировать все выводы по результатам исследования;

3. Автор разделяет административный, арбитражный, гражданский, уголовный процесс и судопроизводство, что представляется некорректным утверждением.

4. Следовало бы аргументировать позицию автора по вопросу наделения ИИ правосубъектностью. Автор лишь пишет: «В этой логике возможным инструментом решения является распространение действующей конструкции юридических лиц на ИИ[29] или же развитие концепта электронного лица для целей публичного права[30]».

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников, есть ссылки на публикации последних лет. Ссылки на источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. В статье представлена научная полемика. Обращения к оппонентам корректные, оформлены ссылками на источники опубликования. Особый научный вес данной статье придает обращение к зарубежному опыту правового регулирования общественных отношений в сфере применения технологий искусственного интеллекта в судопроизводстве.

Выводы, интерес читательской аудитории. Представленная на рецензирование статья «Сравнительно-правовое исследование позиционирования искусственного интеллекта в судебном процессе» может быть рекомендована к опубликованию. Статья написана на актуальную тему, отличается научной новизной и практической значимостью. Публикация по данной теме могла бы представлять интерес для читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области информационного права, административно-процессуального, арбитражно-процессуального, гражданско-процессуального и уголовно-процессуального права, а также, могла бы быть полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Сравнительно-правовое исследование позиционирования искусственного интеллекта в судебном процессе».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам позиционирования искусственного интеллекта в судебном процессе в различных странах. Автором рассматриваются проблемы использования искусственного интеллекта для целей судопроизводства. В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, мнения ученых, данные из открытых источников, положения правовых актов.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса о позиционировании искусственного интеллекта в судебном процессе в различных странах. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и

синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из данных, содержащихся в открытых источниках.

Как отмечено в самой статье, «Для данной работы методология исследования базируется на системном, структурно-функциональном, герменевтическом и сравнительно-правовом методах. В рамках системного и структурно функционального метода изучается позиции государств и права в контексте применения ИИ в области судопроизводства, функции права и юридической ответственности, через призму принятия решения судьей с использованием технологии ИИ. Герменевтический метод нашел свое отражение в анализе и толковании позиций судов относительно допустимости применения технологии ИИ в судебном процессе. Сравнительно-правовой метод (метод юридической компаративистики) является основным методом в рамках указанной статьи, поскольку активно используется анализ текущих подходов, связанных с регламентацией ИИ в зарубежных странах (Китай, США, Франция) и России».

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства (прежде всего, норм процессуального законодательства РФ). Например, следующий вывод автора: «В рамках текущего законодательства с 1 сентября 2019 года в России введено автоматизированное распределение дел (ст. 18 АПК РФ, ст. 14 ГПК РФ, ст. 28 АПК РФ, ст. 30 УПК РФ). Система действует как в арбитражных судах, так и в судах общей юрисдикции для справедливого и беспристрастного распределения нагрузки между судьями».

Следует положительно оценить возможности сравнительно-правового метода исследования, связанного с изучением опыта зарубежных стран, законодательства и практики. В частности, следует отметить следующий авторский вывод по рецензируемой статье: «В деле Уильямс против города Детройт гражданин США из Мичигана в 2020 году стал жертвой такой предвзятости со стороны технологии ИИ, используемой в правоохранительной сфере. Дело началось с того, что г-н Уильямс интерпретировал звонок из полицейского управления как шутку. Звонок из полицейского управления обусловлен тем, что его личность была ошибочно установлена с помощью системы распознавания лиц, и ему было предъявлено обвинение в преступлении, которого он не совершал. Когда полиция задержала г-на Уильямса, они показали ему фотографию упомянутой записи наблюдения, и г-н Уильямс прокомментировал полицейскому управлению, что все чернокожие мужчины выглядят одинаково на «зернистых» фотографиях. Позже оказалось, что система распознавания лиц ошибалась и полицейские арестовали не того мужчину».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема позиционирования искусственного интеллекта в судебном процессе в различных странах сложна и неоднозначна. Сложно спорить с автором в том, что «За последнее десятилетие произошла активная интеграция искусственного интеллекта (ИИ) в сферу общественных отношений в различных странах, формируются стратегические документы в области регламентации применения ИИ в различных отраслях экономики и права[5]. В этой логике, формируется и развивается тренд на осуществление правосудия с использованием интеллектуальных помощников, выработке комплексного регулятивного подхода к безопасному внедрению данной технологии в судебную

сферу».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать. Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такие выводы:

«1. Внедрение искусственного интеллекта в отечественный судебный процесс является перспективой ближайшего времени, которое потребует формирования соответствующей законодательной базы и судебной практики, учитывающей особенности данной технологии во всех технических аспектах, решения вопросов достоверности предлагаемых рекомендаций и решений ИИ, а также обеспечения соответствующей информационной безопасности. 2. Возможные области имплементации ИИ в рамках отечественной судебной практики мало отличаются от общемировых трендов, однако вопросы оценки доказательной базы со стороны ИИ потребуют дополнительной независимой внешней экспертизы или формирования публичного института, осуществляющего контроль за технологиями ИИ, используемыми в области государственной власти. 3. Отправной точкой для наиболее эффективного и безопасного внедрения ИИ могут выступать дела, связанные с упрощенным порядком рассмотрения дела или те споры, которые носят высокий характер достоверных цифровых данных. 4. Говоря о возможной правосубъектности технологий ИИ для целей судебного процесса, на текущий момент необходимо отметить недопустимость использования конструкции, идентичной человеку. Однако возможным альтернативным решением может выступить юридическая фикция через призму юридического лица или создание новой конструкции электронного лица».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены обобщения зарубежного опыта, что может быть полезно специалистам в рассматриваемой сфере.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенный интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с правовыми аспектами использования искусственного интеллекта.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достигнул цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует средне оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России и из-за рубежа (Морхат П.М., Atabekov A.R., Laptev V.A., Feyzrakhmanova D.R., Chen B.M., Li Z., Wang Z. И др.). Хотелось бы отметить активное использование работ зарубежных авторов на иностранных языках, что важно в контексте цели исследования.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Аргументы

и авторская точка зрения приведены по отношению к каждой цитируемой работе.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленным проблемам.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Ибрагимов К.Ю. Проблема юридических лиц несобственников в свете теории обособленного имущества //

Юридические исследования. 2024. № 7. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.7.71353 EDN: QUSIFI URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71353

Проблема юридических лиц несобственников в свете теории обособленного имущества

Ибрагимов Константин Юрьевич

ORCID: 0009-0003-7909-5734

аспирант, Юридический факультет, Санкт-Петербургский Государственный Университет

199106, Россия, г. Санкт-Петербург, пр-т Большой Васильевского Острова, 71

✉ ibragimovkj@gmail.com

[Статья из рубрики "Договор и обязательства"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2024.7.71353

EDN:

QUSIFI

Дата направления статьи в редакцию:

24-07-2024

Дата публикации:

31-07-2024

Аннотация: Предметом исследования является проблема юридических лиц, за которыми имущество закрепляется не на праве собственности, а на ограниченном вещном праве (праве оперативного управления или праве хозяйственного ведения), в свете теории обособленного имущества. Под теорией обособленного имущества понимается представление о самостоятельности феномена юридического обособления имущества, связанного с приданием определенному технически обособленному имуществу специфического правового статуса, который в первую очередь проявляется в порядке ответственности перед кредиторами (приоритет требований кредиторов в отношении определенного имущества). Основное внимание уделяется проблеме одновременного обособления имущества посредством двух конструкций: (1) отдельного юридического лица, (2) ограниченного вещного права. В рамках исследования оценивается

обоснованность такого подхода и необходимость существования подобных ограниченных вещных прав. Анализ указанных проблем осуществляется путем применения теоретических категорий защитного и подтверждающего обособления, при помощи которых осуществляется оценка степени и характера обособления имущества унитарных предприятий и учреждений. По результатам исследования делается вывод о том, что право оперативного управления и хозяйственного ведения никак не влияют на степень обособленности имущества унитарных предприятий и учреждений, а также не выполняют какой-либо иной самостоятельной функции. Обосновывается вывод о том, что существование таких ограниченных вещных прав представляет собой недостаток юридической техники. Помимо этого, делается общий вывод о том, что для достижения любой степени и характера имущественной обособленности определенного имущества достаточно конструкции юридического лица, так как правопорядок способен сделать это прямым предписанием закона для соответствующей организационно-правовой формы. Вместе с тем отмечается, что ограниченные вещные права могут быть использованы для обособления имущества внутри обособленного имущества юридического лица, но никак не для обособления имущества последнего как такового. Научная новизна данного исследования имеет два аспекта. Во-первых, она демонстрирует перспективность использования категорий защитного и подтверждающего имущественного обособления в качестве инструмента анализа практической и теоретической обоснованности законодательных решений, что является новым для отечественной доктрины. Во-вторых, в данной статье впервые проводится анализ соотношения различных способов юридического обособления имущества.

Ключевые слова:

обособленное имущество, правосубъектность, хозяйственное ведение, оперативное управление, юридическое обособление, правоспособность, унитарные предприятия, учреждения, ограниченные вещные права, юридические лица

Введение

Юридические лица, которые не являются собственниками своего имущества, являются характерной чертой российского правопорядка, на примере которой может быть продемонстрирован один из вариантов возможного и, как мы далее обоснуем, нежелательного соотношения ограниченных вещных прав и имущественной обособленности. Под имущественной обособленностью понимается придание имуществу специфического правового статуса, связанного, в первую очередь, с порядком ответственности перед кредиторами (защитное обособление – приоритет требований личных кредиторов в отношении личного имущества учредителя, подтверждающее обособление – приоритет требований кредиторов сущности в отношении обособленного имущества) [\[1, с. 393-396\]](#).

Теория обособленного имущества, положения которой в рамках данного исследования предлагается использовать в качестве инструмента анализа, была разработана Г. Хансманом и Р. Краакманом [\[1\]](#) и получила своё развитие в работах зарубежных авторов Р. Сквайера [\[2\]](#), О. Элдара и А. Ферштейна [\[3\]](#), а также отечественных исследователей В. В. Подсосонной [\[4\]](#) и Е. И. Червец [\[5\]](#). Ранее данная теория использовалась при анализе ординарных юридических лиц и неправосубъектных образований и не использовалась при анализе проблемы юридических лиц, которые не являются собственниками своего

имущества.

Наиболее часто юридическое обособление имущества происходит путем использования конструкции юридического лица, однако имущественное обособление возможно и путем использования конструкции ограниченных вещных прав и иных обеспечительных конструкций [\[21\]](#). Имущественное обособление юридических лиц тоже, очевидно, происходит не без использования вещных прав, но поскольку отдельное самостоятельное право собственности в данном случае является прямым следствием правосубъектности, то такая роль вещных прав столь очевидна, что не представляет интереса для дальнейшего рассмотрения. При этом, как правило, для достижения необходимого уровня имущественной обособленности используется или фиктивная личность, или иная конструкция (например, ограниченное вещное право), но не два средства одновременно.

Однако российский правопорядок обладает характерной чертой, в которой данная логика нарушается. Эта черта – наличие в российской системе вещных прав таких прав, как «право хозяйственного ведения» и «право оперативного управления», которыми наделяются государственные предприятия и учреждения. Особенностью данной ситуации является то, что имущественное обособление одновременно происходит двумя разными способами: (1) путем создания нового субъекта права, (2) путем создания ограниченного вещного права.

Недавно в контексте таких юридических лиц была затронута тема юридического обособления имущества (asset partitioning) Е. А. Сухановым, который указал на тесную связь правосубъектности с правом собственности, проявляющуюся в том, что весь смысл конструкции юридического лица заключается в переносе собственности с учредителей на учрежденную ими сущность [\[6, с. 10-11\]](#).

В рамках данной работы, используя для анализа категории защитного и подтверждающего имущественного обособления, предлагается обосновать два взаимосвязанных утверждения: (1) в российском праве отсутствует необходимость в использовании конструкции ограниченных вещных прав для достижения тех целей, для которых сейчас используются право оперативного управления и хозяйственного ведения; (2) создавая организационно-правовую форму для юридического лица, правопорядок способен установить имущественное обособление в любом по степени и сложности формате, без дополнительного использования конструкции ограниченных вещных прав.

При проведении исследования использовались общенаучные методы познания: анализ, синтез, сравнение, моделирование. Помимо этого использовались частнонаучные методы: нормативный, сравнительно-исторический, а также метод экономического анализа права.

§ 1. Исторические предпосылки и текущее состояние юридических лиц несобственников

Анализ данной проблемы не может быть осуществлен без понимания причин возникновения данного института и причин, по которым такие конструкции сохраняются до настоящего времени. Общепризнанным в доктрине является утверждение о том, что формальное отсутствие правосубъектности государственных предприятий в советский период носило идеологический характер и имело целью формально закрепить государственную собственность на средства производства: «До середины 30-х годов

самой популярной оставалась концепция разделенной государством (органами власти и управления) и предприятием (хозяйственным государственным органом) собственности. После принятия Конституции 1936 г. по известным причинам вольные дискуссии вокруг прав треста утихли. Плодотворные научно-практические споры вытеснил политически однолинейный лозунг «Государство — это единый и единственный собственник всего государственного имущества» [\[7, с. 64-65\]](#)».

Несмотря на такую однозначную политическую установку, также существовала потребность в обособлении отдельных частей государственного имущества для их относительно самостоятельного участия в обороте и эффективного управления. В 1930–1960-е гг. такая потребность удовлетворялась за счет фактической имущественной обособленности без какого-либо определенного решения на уровне позитивного права [\[8, с. 258-263; 9, с. 55\]](#). С 1964 г. юридически была закреплена конструкция оперативного управления, которая явилась плодом работ А. В. Венедиктова, который предложил её в контексте отрицания конструкций капиталистических стран, в которых уже фактически было решение данной проблемы через признание расщепленной собственности [\[10, с. 323\]](#).

В. А. Болдырев также отмечает, что решение о сохранении формальной собственности за государством на имущество предприятий могло быть в том числе связано с целями уголовного права – преступления против государственной собственности являлись более тяжкими [\[11, с. 30-31\]](#).

Нам представляется, что в этом случае юридическое обособление государственного имущества явилось таким средством, которое позволяло достигнуть достаточной самостоятельности предприятий таким способом, который не противоречил идеологическим и политическим установкам. Признание юридических лиц, наделение юридических лиц правом собственности, простое обособление имущества (фактическое признание правосубъектности, без формального признания) суть различные приемы юридической техники, которые, являясь взаимозаменяемыми, могут быть альтернативно использованы в зависимости от политических и культурных рамок, в которых находится законодатель. При этом с точки зрения теоретической юриспруденции и юридической техники такие решения могут быть необоснованными и неоптимальными.

Остается вопрос о том, почему такое двойное имущественное обособление сохраняется в современном российском праве, несмотря на то что существующий политический режим не отрицает право частной собственности? В. А. Болдырев предлагает следующее обоснование: изначально в переходный от плановой к рыночной экономике период сохранение юридических лиц несобственников служило средством защиты от неконтролируемой и повсеместной приватизации, а после это было связано с тем, что в социальной сфере данные субъекты не могут быть заменены чем-то иным [\[11, с. 53-54\]](#). Последний тезис также используют другие авторы как аргумент в пользу сохранения юридических лиц несобственников [\[12, с. 107\]](#).

Такое обоснование представляется не вполне убедительным, так как упразднение юридических лиц несобственников не означает уход государства из соответствующих сфер и производственных цепочек и переход от государственного финансирования к частному. Более того, даже при текущем регулировании некоторые исследователи утверждают, что в действительности вышеуказанные юридические лица обладают полноценным правом собственности [\[13\]](#), что, на наш взгляд, свидетельствует о разрыве

между позитивным правом и текущим уровнем развития теоретической юриспруденции.

Отказ от юридических лиц несобственников может быть простым переходом от одной гражданско-правовой конструкции, оформляющей юридическое обособление, к другой, лишенной утративших свою актуальность надстроек и облегчающей понимание и описание права, без какого-либо изменения существа отношений. В настоящий момент есть позитивные изменения, связанные с постепенным выведением унитарных предприятий из оборота, так в 2019 г. был принят закон, предписывающий ликвидировать или реорганизовать предприятия, осуществляющие деятельность на конкурентных рынках (Федеральный закон от 27.12.2019 № 485-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственных и муниципальных унитарных предприятиях" и Федеральный закон "О защите конкуренции"»).

Вместе с тем мы можем предположить, что неполное устранение юридических лиц, которые не являются собственниками своего имущества, из оборота связано с желанием законодателя сохранить статус-кво в части имущественной обособленности таких юридических лиц, так как характер такой обособленности сильно отличается от обособленности ординарных юридических лиц, собственников своего имущества, и поэтому не может быть достигнут без конструкции ограниченных вещных прав. Далее будет обосновано, почему это возможно и достаточно легко осуществимо.

§ 2. Имущественная обособленность юридических лиц несобственников

Подтверждающее имущественное обособление в унитарных предприятиях и учреждениях устроено максимально просто – учреждения и унитарные предприятия не отвечают по обязательствам собственника своего имущества (п. 3 ст. 123.22 ГК РФ), что означает сильную форму подтверждающего имущественного обособления. В целом это похоже на ответственность хозяйственных обществ, но с важной особенностью – у кредиторов собственника нет не только прямых требований к имуществу сущности, но нет также механизма обращения взыскания на права собственника в отношении такой сущности (в отличие от хозяйственных обществ, где может быть обращено взыскание на доли/акции). Такая особенность приводит к возникновению супер-сильного подтверждающего обособления в терминологии Г. Хансмана и Р. Краакмана [\[1, с. 395\]](#).

Такая степень подтверждающего имущественного обособления оправдана тем, что, как правило, такие юридические лица или не представляют интереса для кредиторов в качестве предмета обращения взыскания, или действуют в общественно значимых сферах, из-за чего попадание их под контроль кредиторов собственника или возможность обращения взыскания на их имущество являются крайне нежелательными с точки зрения правопорядка.

Однако потребность в повышенной степени подтверждающего обособления никак не объясняет необходимость дополнительного обособления имущества посредством ограниченного вещного права, а скорее наоборот противоречит ей. Очевидно, что недоступность имущества унитарного предприятия или учреждения кредиторам собственника не потребовала бы никакого дополнительного объяснения, если собственником имущества было бы само учреждение или предприятие.

Защитное имущественное обособление. Применительно к предприятиям, по общему правилу, имеется сильное защитное обособление (собственник имущества не несет ответственность по долгам предприятия) с двумя исключениями: (1) случаи, когда несостоятельность вызвана действиями собственника, (2) субсидиарная ответственность собственника по долгам казенных предприятий (п.6 ст. 113 ГК РФ). Такой характер

защитного обособления в целом схож с обособлением хозяйственных обществ.

Применительно к учреждениям защитное обособление устроено сложнее и зависит, в первую очередь, от вида учреждения. Казенное учреждение отвечает только находящимися в его распоряжении денежными средствами, а собственник имущества несет субсидиарную ответственность по его обязательствам (п. 5 ст. 123.22 ГК РФ). Таким образом, защитное обособление отсутствует, хотя основное имущество такого учреждения фактически защищено иммунитетом от обращения взыскания и в этом смысле обособлено.

Бюджетное учреждение отвечает также иным имуществом, кроме особо ценного движимого, если оно было передано собственником или приобретено за счет выделенных собственником средств, а также недвижимого имущества вне зависимости от того, за счет чего оно было приобретено. Собственник также несет субсидиарную ответственность по обязательствам, связанным с причинением вреда гражданам, а также по обязательствам из публичного договора при ликвидации (п. 5 ст. 123.22 ГК РФ). Автономное учреждение отвечает почти так же, но, кроме того, отвечает еще и недвижимым имуществом, которое было приобретено не за счет предоставленных собственником средств (п. 6 ст. 123.22 ГК РФ). Таким образом, в бюджетных и автономных учреждениях существует сильное защитное обособление (с некоторыми исключениями), а также полный иммунитет в отношении определенного имущества.

Существующая степень защитного обособления может быть достигнута без использования конструкции ограниченных вещных прав, так как наличие/отсутствие субсидиарной ответственности учредителя возможно и при закреплении имущества на праве собственности. В остальном характер имущественной обособленности больше похож на исполнительский иммунитет – прямое предписание закона о том, что на определенное имущество не может быть обращено взыскание. Это приводит к мысли о том, что если доступность имущества для кредиторов определяется не фактом закрепления имущества за сущностью, и не содержанием самого права, на котором оно закреплено, то право оперативного управления и хозяйственного ведения как правовой институт в действительности никакого смысла не имеют, так как такие же иммунитеты от взыскания могут быть установлены для имущества, принадлежащего учреждению на праве собственности, как это, например, происходит в соответствии со ст. 446 ГПК РФ.

Можно было бы предположить, что установление иммунитета через определенное ограниченное вещное право служит удобству описания такого иммунитета, однако это не так, так как объем имущества, попадающего под иммунитет, определяется не видом права, а видом юридического лица и видом конкретного имущества применительно к каждому из видов юридических лиц.

Специфический режим распоряжения имуществом. Поскольку имущественное обособление может проявляться также в специфическом порядке владения, пользования и распоряжения определенным имуществом, то этот аспект также необходимо учесть. Действительно, в части распоряжения имуществом, находящимся на праве оперативного управления или хозяйственного ведения, такой специфический порядок установлен.

Применительно к унитарным предприятиям, обладающим имуществом на праве хозяйственного ведения, установлен следующий порядок: в соответствии со статьей 18 Федерального закона от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» (далее – «**ФЗ-161**») распоряжение движимым имуществом, по общему правилу, происходит без согласия собственника, а распоряжение недвижимым

имуществом только с согласия собственника. При этом уставом предприятия могут быть установлены дополнительные ограничения на совершение сделок без согласия собственника. Казенное предприятие, которое обладает имуществом на праве оперативного управления, еще в большей степени ограничено в распоряжении имуществом и вправе самостоятельно распоряжаться только произведенной им продукцией (п.1 ст. 19 ФЗ-161).

Схожа ситуация и у учреждений, за которыми имущество закрепляется на праве оперативного управления. По общему правилу порядок распоряжения имуществом строится следующим образом: (1) казенные учреждения не вправе распоряжаться никаким имуществом без согласия собственника (п. 4 ст. 298 ГК РФ), (2) автономное и бюджетное учреждения не вправе распоряжаться особо ценным движимым имуществом, закрепленным за ними собственником или приобретенным за счет средств, выделенных им собственником на приобретение такого имущества, а также недвижимым имуществом (п.2 и п. 3 ст. 298 ГК РФ).

Таким образом, наличие права хозяйственного ведения и оперативного управления также сами по себе ничего не дают в части режима распоряжения имуществом, так как свобода в распоряжении тем или иным видом имущества определяется не правом, на котором оно закреплено за предприятием или учреждением, а видом юридического лица и видом конкретного имущества.

Поэтому, на наш взгляд, неверными можно считать позиции тех авторов, которые пишут, что право оперативного управления и право хозяйственного ведения отличаются набором правомочий, которыми наделяется правообладатель ^[14; 15]. Даже на уровне легальных дефиниций невозможно установить, чем данные права отличаются по содержанию, так как в этой части просто идет отсылка на объем, установленный законом. Все отличия, установленные в ст. 296 ГК РФ, касающейся оперативного управления, относительно распоряжения любым имуществом субъектом данного права только с согласия собственника, в действительности размываются специальными положениями закона, которые всё-таки допускают распоряжение без согласия собственника. Строго говоря, дефиниции, предложенные в Гражданском Кодексе, представляют собой не столько дефиниции соответствующих прав, сколько определяют объем правоспособности самих предприятий и учреждений, действующий по умолчанию.

Различный объем правомочий в рамках одного права, который зависит от вида имущества и типа учреждения/предприятия, на наш взгляд, не позволяет утверждать, что данным видам вещных прав присуще какое-то определенное самостоятельное содержание. Более того, если следовать логике законодателя, то содержание данных прав определяется законом, а именно статьями, касающимися порядка распоряжения данным имуществом (других вариантов просто нет), например, применительно к праву оперативного управления казенных предприятий это статья 19 161-ФЗ, в которой говорится о том, на какие сделки требуется согласие собственника, но в п. 1 данной статьи указано, что уставом может быть предусмотрено согласие и на другие сделки. В статье 18 того же закона содержится аналогичное правило применительно к хозяйственному ведению. Если исходить из того, что содержание данных прав, названных на уровне закона в качестве вещных, определяется свободой в распоряжении имуществом без согласия собственника, то получается, что объем таких прав можно определить уставом и сделать право хозяйственного ведения равным по содержанию оперативному управлению или еще более узким.

§ 3. Обособление имущества посредством юридического лица и ограниченного

вещного права

Наиболее распространенными способами юридического обособления имущества являются использование конструкции юридического лица и использование ограниченного вещного права (например, залога). Данные способы могут использоваться отдельно друг от друга для достижения различных целей. Они также могут использоваться вместе, но только в том случае, когда используются последовательно и каждый из таких способов имеет свои собственные цели и обособляет свой собственный объем имущества. Например, обособив имущество юридического лица, можно внутри этого обособленного имущества обособить его часть при помощи залога. Залог имущества юридического лица позволяет установить приоритеты среди группы кредиторов юридического лица в отношении обособленного имущества.

Обособление одновременно двумя способами для образования одной обособленной массы не имеет никакого смысла, как это было показано на примере юридических лиц, не являющихся собственниками своего имущества. Создавая какую-либо организационно-правовую форму, правопорядок имеет полную возможность установить любую по характеру и степени имущественную обособленность такого имущества просто в силу предписания закона.

Необходимо также обратить внимание на то, что, обладая полной свободой в установлении имущественной обособленности отдельных типов юридических лиц, правопорядок должен обеспечить понятность регулирования отношений для всех участников оборота, чтобы кредиторы понимали, на какое имущество они вправе претендовать, вступая в отношения с таким лицом. Указание на право оперативного управления и хозяйственного ведения, как это было показано выше, такого понимания никак не дает. Указание на конкретную организационно-правовую форму в целом такое понимание дает, но в силу запутанности и высокой отсылочности регулирования к специальным актам и исключениям затрудняет процесс такого понимания.

Заключение

Текущая степень подтверждающего обособления в отношении государственных предприятий и учреждений, во-первых, может быть легко достигнута без использования ограниченного вещного права, а во-вторых, теоретически могла быть наилучшим образом обоснована, если бы было признано, что учреждения и предприятия являются собственниками такого имущества. Доступность имущества учредителя (защитное обособление) кредиторам предприятия/учреждения также никак не связана с наличием ограниченного вещного права.

Обособление имущества юридических лиц, не являющихся собственниками своего имущества, в части недоступности определенного имущества таких лиц его кредиторам, происходит в силу прямого предписания закона: имущество, которое формально имеет один и тот же статус – закреплено на праве оперативного управления или хозяйственного ведения – может быть как доступно кредиторам, так и недоступно им в зависимости от следующих обстоятельств: (1) вид учреждения, за которым оно закреплено, (2) является ли оно движимым/недвижимым, (3) является ли оно особо ценным, (4) за счет каких средств оно приобретено. Такое обособление, по сути, представляет собой исполнительский иммунитет, который, как правило, устанавливается без использования каких-либо ограниченных вещных прав.

Таким образом, можно уверенно утверждать, что существование права хозяйственного

ведения и оперативного управления само по себе ничего не дает для целей имущественного обособления ни в части определения круга имущества, доступного для кредиторов лица, которое им обладает, ни в более широком смысле в части правового режима как такового. Они могут быть заменены правом собственности без какого-либо сущностного изменения существующего подхода к регулированию, в том числе с сохранением иммунитета от взыскания и порядка распоряжения данным имуществом с согласия собственника в установленных законом и уставом случаях.

Поэтому можно считать, что права оперативного управления и хозяйственного ведения в их современном воплощении являются законодательным недостатком, который в части действия вещных прав на имущественное обособление не отличается от обычных юридических лиц – собственников своего имущества – чем-либо, кроме специальных законодательных ограничений, в действительности не связанных с вещными правами.

Кроме того, такое положение дел демонстрирует, что обособление имущества посредством юридического лица и ограниченного вещного права имеет смысл только тогда, когда оно происходит последовательно для обособления части имущества внутри другого обособленного имущества, а не тогда, когда два способа используются для обособления одного и того же объема имущества, поскольку конструкции юридического лица самой по себе достаточно для установления любого характера обособления одного объема имущества.

Библиография

1. Hansmann H., Kraakman R. H. The Essential Role of Organizational Law // The Yale Law Journal. Vol. 110: 387, 2000. P. 387-440
2. Squire R. C. The Case for Symmetry in Creditors' Rights // Yale Law Journal, Vol. 118, 2009. p. 806, 2009
3. Eldar O., Verstein A. The Enduring Distinction Between Business Entities and Security Interests // Southern California Law Review, Vol. 92, No. 2. 2018. P.213-270
4. Подсосонная В.В. Юридическое обособление имущества // Объекты гражданского оборота: сборник статей. М.: Статут, 2007. С. 260 - 275.
5. Домшенко (Червец) Е.И. Обособление имущества без создания юридического лица. Простое товарищество и инвестиционное товарищество // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 30 - 58.
6. Суханов Е.А. Правовые формы реализации гражданской правосубъектности государства / Е.А. Суханов // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 1. С. 5-17.
7. Медведев Д.А. Проблемы реализации гражданской правосубъектности государственного предприятия : Дис. ... канд. юрид. наук. / Д.А. Медведев. – Л., 1990. 216 с.
8. Гражданское право России-частное право / Е.А. Суханов. – Москва: Статут, 2008. 586 с.
9. Советское гражданское право: Субъекты гражданского права / ред. С.Н. Братусь. – Москва: Юридическая литература, 1984. 288 с.
10. Государственная социалистическая собственность / А.В. Венедиктов. Москва; Ленинград: АН СССР, 1948. 840 с.
11. Юридические лица несобственники : Современная российская цивилистика. Юридические лица несобственники / В.А. Болдырев. – Москва: Юринформ, 2014. 653 с.
12. Смертин А.Н., Грешных А.А. Юридический анализ права хозяйственного ведения и права оперативного управления / Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». 2012. № 2. С. 103-108

13. Договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом / О.Р. Зайцев. – М.: Статут, 2007. 507 с.
14. Богатков С.А. Отличие права хозяйственного ведения от права оперативного управления // СПС КонсультантПлюс.
15. Аникина М.С. Проблемы, возникающие при рассмотрении гражданского иска по уголовному делу / Российский юридический журнал. 2021. № 3. С. 179-187

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, проблема юридических лиц несобственников в свете теории обособленного имущества. Заявленные границы исследования соблюдены автором.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования не подлежит сомнению и обосновывается им следующим образом: "Юридические лица, которые не являются собственниками своего имущества, являются характерной чертой российского правопорядка, на примере которой может быть продемонстрирован один из вариантов возможного и, как мы далее обоснуем, нежелательного соотношения ограниченных вещных прав и имущественной обособленности"; "Однако российский правопорядок обладает характерной чертой, в которой данная логика нарушается. Эта черта – наличие в российской системе вещных прав таких прав, как «право хозяйственного ведения» и «право оперативного управления», которыми наделяются государственные предприятия и учреждения. Особенностью данной ситуации является то, что имущественное обособление одновременно происходит двумя разными способами: (1) путем создания нового субъекта права, (2) путем создания ограниченного вещного права" и др. Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в обосновании автором двух взаимосвязанных утверждений: "(1) в российском праве отсутствует необходимость в использовании конструкции ограниченных вещных прав для достижения тех целей, для которых сейчас используются право оперативного управления и хозяйственного ведения; (2) создавая организационно правовую форму для юридического лица, правопорядок способен установить имущественное обособление в любом по степени и сложности формате, без дополнительного использования конструкции ограниченных вещных прав". Особый интерес представляют следующие заключения ученого: "Нам представляется, что в этом случае юридическое обособление государственного имущества явилось таким средством, которое позволяло достигнуть достаточной самостоятельности предприятий таким способом, которые не противоречил идеологическим и политическим установкам. Признание юридических лиц, наделение юридических лиц правом собственности, простое обособление имущества (фактическое признание правосубъектности, без формального признания) суть различные приемы юридической техники, которые, являясь взаимозаменяемыми, могут быть альтернативно использованы в зависимости от политических и культурных рамок, в которых находится законодатель. При этом с точки зрения теоретической юриспруденции и юридической техники такие решения могут быть необоснованными и неоптимальными"; "Вместе с тем мы можем предположить, что

неполное устранение юридических лиц – несобственников из оборота связано с желанием законодателя сохранить статус-кво в части имущественной обособленности таких юридических лиц, так как характер такой обособленности сильно отличается от обособленности ординарных юридических лиц, собственников своего имущества, и поэтому не может быть достигнут без конструкции ограниченных вещных прав"; "... потребность в повышенной степени подтверждающего обособления никак не объясняет необходимость дополнительного обособления имущества посредством ограниченного вещного права, а скорее наоборот противоречит ей. Очевидно, что недоступность имущества унитарного предприятия или учреждения кредиторам собственника не потребовала бы никакого дополнительного объяснения, если собственником имущества было бы само учреждение или предприятие"; "Существующая степень защитного обособления может быть достигнут без использования конструкции ограниченных вещных прав, так как наличие/отсутствие субсидиарной ответственности учредителя возможно и при закреплении имущества на праве собственности. В остальном характер имущественной обособленности больше похож на исполнительский иммунитет – прямое предписание закона о том, что на определенное имущество не может быть обращено взыскание. Это приводит к мысли о том, что если доступность имущества для кредиторов определяется не фактом закреплении имущества за сущностью, и не содержанием самого права, на котором оно закреплено, то право оперативного управления и хозяйственного ведения как правовой институт в действительности никакого смысла не имеют, так как такие же иммунитеты от взыскания могут быть установлены для имущества, принадлежащего учреждению на праве собственности, как это, например, происходит в соответствии со ст. 446 ГПК РФ.

Можно было бы предположить, что установление иммунитета через определенное ограниченное вещное право служит удобству описания такого иммунитета, однако это не так, так как объем имущества, попадающего под иммунитет, определяется не видом права, а видом юридического лица и видом конкретного имущества применительно к каждому из видов юридических лиц" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. Основная часть работы состоит из нескольких разделов: "§ 1. Исторические предпосылки и текущее состояние юридических лиц несобственников"; "§ 2. Имущественная обособленность юридических лиц несобственников"; "§ 3. Обособление имущества посредством юридического лица и ограниченного вещного права". В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено небольших недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Существующая степень защитного обособления может быть достигнут без использования конструкции ограниченных вещных прав, так как наличие/отсутствие субсидиарной ответственности учредителя возможно и при закреплении имущества на праве собственности" - "достигнута".

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки.

Библиография исследования представлена 12 источниками (диссертационной работой, монографиями, научными статьями, учебником), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой глубиной и полнотой.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (В. А. Болдырев, А. Н. Смертин, С. А. Богатков и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно; положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Таким образом, можно уверенно утверждать, что существование права хозяйственного ведения и оперативного управления само по себе ничего не дает для целей имущественного обособления ни в части определения круга имущества доступного для кредиторов лица, которое им обладает, ни в более широком смысле в части правового режима как такового. Они могут быть заменены правом собственности без какого-либо сущностного изменения существующего подхода к регулированию, в том числе с сохранением иммунитета от взыскания и порядка распоряжения данным имуществом с согласия собственника в установленных законом и уставом случаях. Поэтому можно считать, что права оперативного управления и хозяйственного ведения в их современном воплощении являются законодательным недостатком, который в части действия вещных прав на имущественное обособление не отличается от обычных юридических лиц – собственников своего имущества – чем-либо, кроме специальных законодательных ограничений, в действительности не связанных с вещными правами. Кроме того, такое положение дел демонстрирует, что обособление имущества посредством юридического лица и ограниченного вещного права имеет смысл только тогда, когда оно происходит последовательно для обособления части имущества внутри другого обособленного имущества, а не тогда, когда два способа используются для обособления одного и того же объема имущества, поскольку конструкции юридического лица самой по себе достаточно для установления любого характера обособления одного объема имущества"), они четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере гражданского права при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы, устранении нарушений в оформлении работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Проблема юридических лиц несобственников в свете теории обособленного имущества» предметом исследования являются нормы права, регулирующие общественные отношения в сфере имущественных отношений юридических лиц, прежде всего, тех юридических лиц, которые обладают обособленным имуществом на иных вещных правах, а не на праве собственности.

Методология исследования. В ходе написания статьи использовались современные методы исследования: общенаучные и частные. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы научного познания: абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, а также можно отметить применение типологии, классификации, систематизации и обобщения. Применение современных методов научного познания позволило автору сформировать собственную аргументированную позицию по поднятой им проблеме.

Актуальность исследования. Актуальность темы статьи не вызывает сомнения, поскольку существуют юридические и фактические проблемы владения, пользования и распоряжения имуществом таких субъектов права как юридические лица, особенно созданных в тех организационно-правовых формах, где обособленность имущества оформляется ограниченными вещными правами, не правом собственности. Неоднозначность и противоречивость правовых норм в данной сфере общественных отношений и их официального толкования требует дополнительных доктринальных разработок по данной проблематике с целью совершенствования современного законодательства и правоприменения.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что и в этой статье тоже сформулированы некоторые заслуживающие внимания положения, которые имеет характер научной новизны, например: «...Поэтому можно считать, что права оперативного управления и хозяйственного ведения в их современном воплощении являются законодательным недостатком, который в части действия вещных прав на имущественное обособление не отличается от обычных юридических лиц – собственников своего имущества – чем-либо, кроме специальных законодательных ограничений, в действительности не связанных с вещными правами». Разработанные автором предложения по совершенствованию законодательства можно расценивать как практическую значимость данного исследования.

Стиль, структура, содержание. Статья написана научным стилем с использованием специальной юридической терминологии. Содержание статьи соответствует ее названию. Соблюдены требования по объему статьи. Статья не только логически структурирована, но и формально разделена на части. Материал изложен последовательно, грамотно и ясно. Замечаний по содержанию нет.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников, есть ссылки на публикации последних лет. В качестве рекомендации хотелось автору посоветовать обратиться к более поздним публикациям по данной теме (в статье есть лишь ссылка на работу Е.А. Суханова, датированная 2024 г., другие источники, использованные автором, более ранние). Ссылки на источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. В статье представлена научная полемика. Обращения к оппонентам корректные, оформлены ссылками на источники опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Представленная на рецензирование статья «Проблема юридических лиц несобственников в свете теории обособленного имущества» может быть рекомендована к опубликованию. Статья написана на актуальную тему, отличается научной новизной и практической значимостью. Публикация по данной теме могла бы представлять интерес для читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области гражданского права и корпоративного права, а также, могла бы быть полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Мадатов О.Я. Гендерные проблемы дискриминации граждан на современном этапе развития общества // Юридические исследования. 2024. № 7. С. 42-62. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.7.43464 EDN: NEANVL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43464

Гендерные проблемы дискриминации граждан на современном этапе развития общества

Мадатов Олег Яковлевич

генеральный советник, Межрегиональное общественное движение по защите прав военнослужащих и членов их семей «Совесть Закона»

350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Московская, 61, к. 32

✉ oleg_madatov@rambler.ru

[Статья из рубрики "Человек и государство"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2024.7.43464

EDN:

NEANVL

Дата направления статьи в редакцию:

29-06-2023

Дата публикации:

01-08-2024

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов прав и свобод человека, а также накладываемых ограничений в рамках концепции гендерного равенства. Объектом исследования являются общественные отношения, регулирующие вопросы прав, свобод и обязанностей мужчин и женщин. Предметом исследования являются нормы международного и национального права, регламентирующие объект исследования. Целью исследования является разработка основных положений новой идеологии гендерного равенства и её внедрения в практическую деятельность. Указанная цель предопределила необходимость постановки следующих задач: 1. Изучение понятия гендерного равенства для выработки нового подхода к его определению. 2. Разработка основных положений (постулатов) идеологии гендерного равенства. 3. Предложение основных направлений реализации новой идеологии

гендерного равенства путем внедрения её в Российской Федерации. Изучение международного и национального права показало, что в современном обществе имеется острая проблема дискриминации граждан по половым признакам. Несмотря на декларируемое равенство мужчин и женщин, нашедшее свое отражение во Всеобщей декларации прав человека за 74 года достичь реального гендерного равенства не удалось. Хотя права и свободы мужчин и женщин, установленные национальным законодательством большинства стран, фактически уравнены, их обязанности существенно отличаются между собой, причем в сторону дискриминации мужской части населения. При этом разработанные идеологии, в основном западными учеными, фактически навязываются нашему государству для наступления негативного в России сценария, что наглядно можно наблюдать на примере Вьетнама, Кореи, Ирака, Афганистана, Украины и ряда других государств. С целью решения указанной проблемы предлагается создание новой идеологии гендерного равенства, связанная с защитой традиционных ценностей, суть которой заключается в устранении гендерных отличий в правах, свободах и обязанностях граждан. Данная идеология основана на общепризнанных принципах и нормах международного права и особенностях российской идентичности.

Ключевые слова:

гендерное равенство, международное право, дискриминация по полу, ущемление прав, идеология, права и свободы, ограничение прав, национальное право, общественные отношения, общество и государство

Введение

Из документально подтвержденного исторического наследия известно, что изначально права, обязанности и свободы лиц существенно отличались в зависимости от их половой принадлежности.

Вместе с тем, борьба женщин за равноправие, зародившаяся в США еще в 30-х годах XIX века, дала свои определенные результаты. Так, с правовой точки зрения в большинстве стран мира юридические права мужчин и женщин были фактически уравнены.

Однако исследования, методика которых навязывается в основном западными адептами и их сателлитами, показывает, что возможности женщин и мужчин несмотря на принимаемые меры продолжают отличаться между собой. В качестве подтверждения своих слов они приводят такие критерии, как уровень заработной платы мужчин и женщин, соотношение между ними по безработице, доля в руководстве страны и предприятиях, уровень достатка и т. д. [\[1, с. 515\]](#)

Изучение западных гендерных теорий показывает, что в основе критериев оценки гендерного равенства лежит, как правило, равное количество (доля) мужчин и женщин по соответствующему направлению, причем, те показатели оценки, в которых превалируют женщины не рассматриваются как нарушение гендерных прав мужчин.

В результате такого подхода женщины не только уравнивали свои права с мужчинами, но у них стало больше прав, чем у мужчин, что были вынуждены признать даже западные ученые, такие как Aynur Gok, Timuçin Kodaman [\[2\]](#), Abdyramanova Ch.Sh. [\[3\]](#), Ganguli I.,

Hausmann R., Viarengo M. [\[4\]](#) и др.

Более того, проблема усугубляется тем обстоятельством, что указанный способ определения гендерного равенства привел к появлению попыток отдельных социальных групп западного мира, таких как ЛГБТ-движение, общественное движение BLM (Black Lives Matter, с англ. — «Жизни чёрных имеют значение») и др., получить большие права, что стало причиной фактического ущемления прав отдельных социальных групп в США и других странах западного мира, например, прав гетеросексуальных молодых мужчин.

Указанные идеологии приводят к враждебности и противостоянию отдельных социальных групп, которые даже на современном этапе перерастают в насильственные протестные акции и создают реальную угрозу гражданских войн, в том числе по политическим мотивам, например, как противостояние в США сторонников республиканской и демократических партий.

По всей видимости, конечной целью указанной западной политики является сокращение населения в результате войн, гомосексуальных связей, разрушения института брака, как союза мужчины и женщины, отказа женщин от рождения детей, что в полной мере подтверждает конспирологическую теорию о «золотом миллиарде».

Отдельное тлетворное влияние западных технологий по гендерному равенству проникло и в российскую действительность. Средства массовой информации и отдельные ученые равенство мужчин и женщин также стали оценивать по количеству или доле отдельных индивидуумов по определенным критериям, например, количество женщин в органах государственной власти, проводимые опросы работодателей по вопросу приема на работу мужчины или женщины [\[5, с. 197\]](#), публикация мнения экспертов о дискриминации женщин на рынке труда [\[6\]](#) и т. д.

Указанное, по нашему мнению, является проявлением навязывания гражданам России и ее союзникам западных ценностей с последующим получением подобного Соединенным Штатам Америки негативного сценария противостояния отдельных групп населения Российской Федерации между собой, создающим угрозу сохранения российской государственности и независимости, что наглядно можно наблюдать на примере Вьетнама, Кореи, Ирака, Афганистана, Украины и ряда других государств.

Так, д.ф.н., профессор кафедры гуманитарных и социально экономических дисциплин Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова М. И. Боровков при проведении анализа в 2023 г. современных мировоззренческих ценностей западной и российской цивилизаций сделал вывод, что *«происходит дегуманизация мировоззренческих ценностей западной цивилизации, которая ведёт к разрушению традиционных ценностей, устранению традиционных человеческих ценностей, навязыванию западным миром антиценностей, разрушающих духовный мир современного человека»* [\[7, с. 32\]](#).

Также исследованием указанной проблематики занимались такие ученые, как Д. М. Солодовник, К. А. Фурсов, В. Л. Пархимович [\[8, с. 91\]](#), Н. А. Чичулин [\[9, с. 97\]](#), И. Ф. Петров, С. И. Петрова [\[10, с. 21\]](#) и др., изучение исследований которых показало, что они разделяют вывод о навязывании гражданам России западных ценностей.

Вместе с тем, гендерные проблемы дискриминации граждан либо вообще не были рассмотрены, либо затрагивались лишь в аспектах ЛГБТ-сообществ. Более того, анализ предложений по противодействию навязыванию названный концепций сводятся лишь к

усилению контроля органов надзора по отслеживанию проводимой в отношении граждан пропаганды западного мира, что фактически полностью не может обеспечить защищенность граждан от чужестранного воздействия, так как при рассматриваемых предложениях Россия выступает только в роли обороняющейся стороны.

По мнению автора, одним из эффективных способов противодействия названным попыткам западного мира фактического разрушения нашего государства может являться разработка и внедрение в России новой идеологии гендерного равенства, основанной не на правилах США и других западных стран, а на общепризнанных принципах и нормах международного права и особенностях российской идентичности, что и определяет актуальность настоящего исследования. Научная новизна выражается тем, что автор статьи выдвигает постулаты новой идеологии гендерного равенства, ранее не рассматривавшиеся в научном мире в рамках единой реализации, которые позволят не только успешно противодействовать западной политике и их проводимой пропаганде российских граждан и её союзников, но и прийти к полному равенству прав, свобод и обязанной граждан вне зависимости от их гендерной принадлежности.

Целью исследования является разработка основных положений новой идеологии гендерного равенства и её внедрения в практическую деятельность. Указанная цель предопределила необходимость постановки следующих задач:

1. Изучение понятия гендерного равенства для выработки нового подхода к его определению.
2. Разработка основных положений (постулатов) идеологии гендерного равенства, удовлетворяющих потребностям не только отдельных граждан, но и общества, российского государства, и дружественных нам стран.
3. Предложение основных направлений реализации новой идеологии гендерного равенства путем внедрения её в Российской Федерации, предложения рассмотреть её внедрение дружественным и нейтральным государствам, а также распространит её в недружественных государствах с целью противодействия западной гендерной идеологии, особенно касающейся разрушения традиционных семейных ценностей.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся по вопросам прав, свобод и обязанностей мужчин и женщин.

Предметом исследования являются нормы международного и национального права, регламентирующие объект исследования.

Методология исследования основана на всеобщем диалектическом, логическом, статистическом, формально-юридическом, сравнительно-правовом методах исследования.

1. Ограничение прав человека в международных и национальных актах

Основным нормативным актом, регламентирующим права и свободы каждого человека, является Всеобщая декларация прав человека (далее – Декларации), в абзаце 5 преамбулы к которой указано, что *«народы Объединенных Наций подтвердили в Уставе свою веру ... в равноправие мужчин и женщин»* (Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.).

Согласно Толкового словаря Ожегова под верой понимается *«убежденность, глубокая уверенность, в ком-чем-либо»* [\[11\]](#), то есть фактически это означает, что народы Объединенных Наций убеждены, что должно быть равноправие мужчин и женщин,

причем равноправие не по каким отдельным направлениям, например, прав, свобод и т. д., а полное их равноправие.

При этом последним абзацем преамбулы Декларации установлено, что *«Генеральная Ассамблея провозглашает настоящую Всеобщую декларацию прав человека в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства ...»*.

Следовательно, Генеральная Ассамблея признает, что ранее указанная убежденность в равноправии мужчин и женщин не достигнута, но к ней надо стремиться всем народам и государствам.

Статья 2 Декларации определяет, что *«Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то: в отношении ... пола ...»*, что закрепляет принцип гендерной недискриминации, запрещающий дискриминацию прав и свобод по гендерному признаку.

Однако, как это не парадоксально, норма права, предусматривающая равные обязанности граждан вне зависимости от их пола, в Декларации отсутствует.

Согласно статье 29 Декларации *«1. Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности.*

2. При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе.

3. Осуществление этих прав и свобод ни в коем случае не должно противоречить целям и принципам Организации Объединенных Наций».

Таким образом, ограничения прав и свобод человека в виде наложения обязанностей устанавливается национальным законодательством, которое может допускать различия по признаку гендерной принадлежности. Следовательно, отдельно взятая страна, в том числе Российская Федерация, имеет право сама определить какие ограничения прав и свобод она допускает для мужчин и женщин.

2. Подходы понимания прав и свобод человека

Понятия, таких терминов как права человека, свободы человека, ограничения прав и свобод человека в Декларации не дано.

В теории международного права существует несколько подходов к пониманию понятия «права человека».

По мнению западных ученых, таких как Дж. Роулз [\[12, с. 57\]](#) под правами человека понимаются *«минимальный стандарт для хорошо организованных политических институтов всех обществ, которые являются членами справедливого политического сообщества народов (society of peoples)»* [\[13, с. 16\]](#). Аналогичной точки зрения придерживаются и ученые отечественных школ Л. Т. Жанузакова [\[14\]](#), А.А. Кузнецов [\[15\]](#) и др.

Вместе с тем Дж. Роулз опустил большинство прав принадлежащие человеку описанные во Всеобщей декларации прав человека, к правам он отнёс лишь те, которые смогли бы

удовлетворить лишь отдельных членов общества и только через определённые представительства, то есть понимаются лишь требования, направленные на обеспечение телесной неприкосновенности.

Другой подход к определению понятия прав человека основан на трудах М. Игнатъеффа, согласно которому *«если понимать права человека как исключительно моральные требования, т. е. как некие притязания индивида, принадлежащие ему от природы в силу того, что он человек (как это представлено в европейской традиции естественной теории), тогда права человека превращаются в язык моральной интервенции, морального империализма»* [\[16, с. 19\]](#).

Однако он описывает права человека не как возможность граждан реализовывать предоставленное им право для защиты своих интересов, что каждый человек обладает равными правами по отношению к другим людям, а как способ для разрешения конфликтов, путем навязывания моральных стандартов индивидуума другим аналогичным людям или социальным группам, то есть понимается как сущностный минимализм.

Третий подход выдвинул Дж. Коэн, который подразумевает под правами человека как *«нормы, связанные с идеей членства или включения в организованное политическое сообщество ... где интересы человека учитываются основными институтами политического общества: к нему относятся как к члену, учитывают его интересы при принятии государственных решений, а также при определении содержания данных решений»* [\[17, с. 197\]](#).

К его недостаткам следует отнести отсутствия выдвигаемого чёткого перечня прав человека.

Согласно фундаментальному нормативно-правовому акту США, «Декларация независимости» от «4» июля 1776 г. под правами человека понимается *«самоочевидная истина, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью»* [\[18\]](#).

Аналогичной точки зрения придерживаются и российские ученые В. В. Филатов [\[19\]](#), Г. Ермолина [\[20\]](#), А. Иванов [\[21\]](#) и др.

Вместе с тем он не учитывает такие положения, как обеспечения защиты достоинства личности.

Другой подход к определению понятия прав человека основан на учениях Римско-Католической Церкви, так, в Декларации о религиозной свободе «*Dignitatis humanae*» под правами человека провозглашается достоинство личности, свобода и неотъемлемые права, а также накладывается обязанность следовать заповеди божьим, как о любви ближнему к своему, и нравственным законам [\[22, с. 134\]](#).

Однако в нем не содержится свобода вероисповедания.

По мнению, С.В. Ожегова «право» – «совокупность устанавливаемых и охраняемых государственной властью норм и правил, регулирующих отношения людей в обществе» [\[23\]](#). В словаре Даля под человеком понимается «каждый из людей» [\[24\]](#).

Соответственно, по нашему мнению, права человека представляют собой совокупность устанавливаемых и охраняемых государственной властью норм и правил применительно

к каждому из людей, регулирующую их отношения в обществе.

При этом, права человека рассматриваются не как индивидуальное право каждого, а как право каждого соотношенное с интересами всего общества.

Современная наука в теории свободы человека также выделяет несколько подходов.

По мнению российского учёного Х.В. Идрисова: *«Свобода — это, выраженная в законодательной форме (путем принятия нормативно-правового акта) возможность человека (гражданина) выстраивать свою линию поведения, исходя из личных потребностей, целей и интересов по доброй воле и свободному волеизъявлению»* [\[25, с. 99\]](#).

Однако, имеется противоположный подход указанному, так, Л.Д. Воеводин считает, что *«Свобода – это возможность избежать человеку воздействия со стороны государства, государственной власти тех или иных ограничений. Свобода характеризуется независимостью от государства»* [\[26, с. 133\]](#).

Вместе с тем, с указанными определениями согласиться нельзя, так как свобода не является инструментом для выстраивания индивидуальной линии поведения и для возможности удовлетворения своих потребностей, желаний и интересов, но также свобода не позволяет гражданину избежать воздействия со стороны государства, тем более иметь независимость от него, так как именно законодательным актом была предоставлена указанная свобода и контролируется ими же.

По нашему мнению, «свобода» подразумевает наделения человека или гражданина некоторым спектром открытых возможностей основанного на самостоятельном выборе каждого отдельного человека, где государство не создаёт конкретных установленных требований для конечного результата деятельности гражданина, но при этом осуществляет контроль за не совершением нарушений в рамках предоставленного человеку права.

Рассмотрев определения права человека и свободы, следует изучить также, что понимается под ограничением прав и свобод.

По мнению Н. С. Волковой *«ограничение прав и свобод – это один из способов регулирования степени свободы в обществе, однако в своей реализации не допускающий вольного истолкования и злоупотребления»* [\[27, с. 94\]](#).

Вместе с тем, в данном определении не учитывается тот аспект, что ограничение права может быть применимо также к самому отказу от имеющихся прав, так как сам отказ имеет своего рода пределы.

При этом, Т. В. Приходько отметил, что *«ограничение прав и свобод человека и гражданина как устанавливаемого в отношении носителя прав и свобод правомерного лишения благ, определяемых содержанием того или иного права или свободы»* [\[28, с. 15\]](#).

По мнению российских учёных И. Н. Чеботаревой, О. С. Пашутиной, И. В. Ревинной: *«В узком смысле ограничение права – это количественное уменьшение принадлежащих человеку прав и свобод, а также сужение объема и (или) содержания конкретных прав и свобод»* [\[29, с. 116\]](#)

Однако, судебная система Российской Федерации при определении смысла ограничения

прав и свобод использует дефиницию, изложенную в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 21: «под ограничением прав и свобод человека (вмешательством в права и свободы человека) понимаются любые решения, действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, а также иных лиц, вследствие принятия или осуществления (неосуществления) которых в отношении лица, заявляющего о предполагаемом нарушении его прав и свобод, созданы препятствия для реализации его прав и свобод» (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции от защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней»).

3. Дискриминация по гендеру

Согласно западным исследователям, основные нарушения гендерных прав и свобод женщин связаны со следующим.

С. Кертис [\[30\]](#), Перес К. Криадо [\[31\]](#), Наоми Вульф [\[32\]](#) полагают, что уровень оплаты женщин на аналогичных должностях меньше, чем у мужчин, что подтверждается также статистическими исследованиями, согласно которых «средний разрыв заработной платы между женщинами и мужчинами составляет 28,8%» по данным «РосБизнесКонсалтинг» [\[33, с. 45\]](#).

На указанную проблему указывают и российские исследователи, в т.ч. Ю. В. Федоренко, Б. К. Хашхова [\[1, с. 518\]](#), М.А. Андреева [\[34\]](#).

Вместе с тем, согласно пункта 2 статьи 23 Декларации «Каждый человек, без какой-либо дискриминации, имеет право на равную оплату за равный труд». Следовательно, критерием равенства оплаты является не равные должности, а равный труд.

Под равенством труда, по мнению Т. Ф. Вышеславовны [\[35, с. 30\]](#) понимается «равная оплата за равный труд» без какой-либо дискриминации, в том числе по гендерной принадлежности.

Однако, следует учесть мнение Джеймса Уотсона, который являлся первым директором Национального центра исследования генома человека при Национальном институте здравоохранения (с 1989 по 1992 год), членом Национальной академии наук и Королевского общества, получившего Президентскую медаль Свободы, научную медаль США, а в 1962 году получил Нобелевскую премию по физиологии и медицине за открытие структуры молекулы ДНК. В 2019 г. в России была переведена и опубликована его книга «ДНК. История генетической революции» [\[36\]](#).

Он отметил, что участницы женских движений в США считают немыслимым «предположение о биологически или генетически обусловленных половых различиях и умственных способностях» мужчин и женщин, по их мнению, оба пола способны к одинаковому решению любой задачи, и это без обсуждения. Вместе с тем ученный научно обосновывает на генетическом уровне «факт, что мужчины сильнее в одних областях, а женщины – в других». В своем научном труде он также ссылается на знаменитого генетика Чарльза Девенпорта, который отмечал, что «женщины наблюдательнее и коммуникабельнее мужчин», «женщины генетически предрасположены к сбору генеалогической информации» и др.

В работе Д. Уотсона также упоминаются исследования Марка Сейелстада, аспиранта

Кавалли-Сфорцы, который на основе наличия генетических данных сравнил закономерности миграций исходя из полового признака. Так, он отметил, что *«история – это в основном хроника мужских, а не женских путешествий»*, так как именно мужчины отправлялись за добычей и властью в различные концы света, приводя примеры Александра Великого из Македонии, викингов, Чингисхана и других. В основе его гипотезы было заложено, что мужчины считаются в обществе более мобильными, чем женщины, даже если не учитывать их воинственные путешествия, а также, что *«именно мужчины преимущественно распространяли гены нашего вида»*.

Вместе с тем исследования им генов опровергли его гипотезу, оказалось, по его мнению, что *«женщины в среднем в восемь раз мобильнее мужчин»* при мирной жизни. Указанное явление он обосновал, как на генетическом уровне, так и простым языком. Он установил, что *«когда вступают в брак жители двух разных деревень, жена переезжает в дом к мужу, а не наоборот»*, то есть мужчина если заводил семью, то в основном оставался проживать в первоначальной деревне, женщина же переезжала в деревню к своему мужу.

Однако, вопрос мобильности рассматривается в данном контексте исключительно со стороны генетики, так, если рассмотреть со стороны традиционного понимания в обществе, то именно мужчины охотники и собиратели ходили на промысел и могли забредать далеко от своего дома, а женщины при этом оставались дома, воспитывали детей и запасали пищу поблизости.

Более того Д. Уотсон отметил генетическую умственную предрасположенность мужского пола, дополнительно отмечая, что в *«2001 году в честь столетия Нобелевской премии, я поразился, что среди всех этих седовласых ученых мужей присутствовала всего одна женщина. Она была уже десятой женщиной, получившей Нобелевскую премию по естественным наукам (с тех пор еще семь женщин были удостоены такой чести в Стокгольме)»*.

Соответственно, в принципе эффективность труда двух разных индивидуумов даже одного пола будет отличаться между собой, не говоря уже об лицах разного пола, так как способности мужчин и женщин к труду разнятся, причем по отдельным направлениям преобладают мужчины, по другим – женщины, в некоторых – они в целом соответствуют, что в целом определяется биологическими (генетическим) особенностями пола, присущим животному миру, на данном этапе научного развития не поддающимся изменению.

Более того, в основе трудовых отношений лежит свобода выбора работы, прямо установленная пунктом 1 статьи 23 Декларации, что свидетельствует о том, что человек сам согласился выполнять указанную работу за соответствующее вознаграждение.

Таким образом, с юридической точки зрения, по нашему мнению, делать вывод о разнице оплаты труда мужчин и женщин исключительно на статистических данных без учета равенства эффективности их труда не представляется возможным.

Б.К. Хашхова, А.А. Смольяков^[37] считают, что женщине сложнее занять руководящую должность в коммерческом предприятии, что подтверждается меньшей долей их представительства. Если посмотреть статистические данные, то действительно количество женщин руководителей топ менеджмента меньше, чем мужчин. Однако, рассматривать эту ситуацию только в таком разрезе, на наш взгляд, не совсем объективно.

В средствах массовой информации были опубликованы официальные данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) по процентному содержанию женщин в различных сферах работы, согласно которым во многих отраслях экономики количество женщин превалирует над мужчинами, таких, например, как образование – 82% женщин; здравоохранение и социальные услуги 79%; предпринимательство (гостиничный бизнес) – 73%; финансовые и страховые организации 69%; в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений 66% [\[38\]](#).

Аналогичная ситуация складывается и по отдельным специальностям, некоторые из которых вообще не имеют мужского рода либо они не получили широкого распространения, например, швея, няня, медсестра и др.

При этом женщины имеют возможность занять руководящие должности. Соответственно, говорить об их дискриминации не представляется возможным.

На западе имеется схожая ситуация, где женщины имеют возможность занять руководящие должности и их занимают, так, например: Урсула фон дер Ляйен возглавляет Еврокомиссию, Ана Брнабич возглавляет правительство Сербии с 2017 г., Саломе Зурабишвили – президент Грузии, Катрин Якобсдоттир – премьер-министр Исландии, Никола Стерджен – премьер-министр Шотландии, в Молдове во главе государства и правительства стоят Наталья Гаврилица и Майя Санду, Зузана Чапутова – президент Словакии, Ингрида Шимоница – премьер-министр Литвы, Каталин Новак – президент Венгрии, Катерина Сакеларопулу – президент Греции, Элизабет Борн – премьер-министр Франции, Санна Марин – глава правительства Финляндии, Кая Калас – глава правительства Эстонии, Мэтт Фредериксен – премьер-министр Дании и др.

На наш взгляд внедряемая политика равенства количества мест женщин и мужчин в органах государственной власти и местного самоуправления, на предприятиях и организациях приводят к тому, что в систему управления могут прийти менее подготовленные лица, в место тех, которые справились бы более эффективно, но были отстранены по признаку своей гендерной принадлежности, о чем могут свидетельствовать недавние отставки премьер-министра Великобритании Лиз Трасс и министра обороны Германии Кристины Ламбрехт, которых средства массовой информации своих государств прямо обвинили в некомпетентности [\[39\]](#); [\[40\]](#).

Сравнивая в западных странах борьбу женщин и мужчин за свои права необходимо констатировать, что каких-либо значимых общественных движений, направленных на защиту прав и свобод мужчин, не наблюдается, хотя отдельные их проявления все-таки имеют место. Так, представители «Движения за права мужчин» (англ. men's rights movement, MRM), по мнению, Майкл Месснер считают, что *«мужчины находятся в неблагоприятных условиях, угнетаются или дискриминируются»* [\[41\]](#). Общественное движение «Мужское освободительное движения» *«сводится к несправедливому отношению к мужчинам со стороны современных институтов»* [\[42\]](#). Маскулизм (англ. masculism; от лат. masculinus «мужчина») – идеология и общественно-политическое движение, целью которого является устранение дискриминации мужчин и уравнивание их в правах с женщинами [\[43\]](#); [\[44\]](#); [\[45\]](#); [\[46\]](#).

Однако, на международном уровне в рамках Организации объединенных наций не одно из движений за поддержку прав мужчин не нашло своего отражение. В том время, как защите прав женщин посвящены Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (принят 18 декабря 1979 г. резолюцией 34/180 Генеральной

Ассамблеей), Декларация об искоренении насилия в отношении женщин (учреждён на Генассамблее 20 декабря 1993 г.), Пекинская Декларация по правам женщин четвертой Всемирной конференцией по положению женщин (сентябрь 1995 г.), а также, такие резолюции Совета безопасности ООН, как Резолюция № 1325 от 31 октября 2000 г., № 1820 2008 г. и др. [\[47\]](#).

Основной закон Российской Федерации – её Конституция (Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)), полностью уравнивая права мужчин и женщин, вместе с тем, предусмотрела возможность как для лиц женского, так и мужского пола установления определенных ограничений, которые были реализованы на практике в федеральных законах.

Так, например, несмотря на то, что на обоих родителей возложена обязанность заботы и воспитания детей (часть 2 статьи 38 Конституции), отцовство в отличие от материнства не находится под защитой государства, причем не редки случаи, когда отец сам воспитывает ребенка (детей).

Согласно данным Росстата, в 2020 году в России «в 648 тыс. семей детей воспитывают и содержат только отцы» [\[48, с. 1\]](#).

Указанный подход о не признании отцовства нашел свое отражение в постановлении Конституционного Суда № 27-П от 6 декабря 2013 г., вынесенному по результатам рассмотрения постановления Европейского суда по правам человека по иску гр. К. Маркина от 7 октября 2010 г., оспаривающего право отца на отпуск по уходу за ребенком, мать которого умерла при родах. В таком праве ему было отказано ссылаясь, что «недопущение совмещения военнослужащими мужского пола, проходящими военную службу по контракту, исполнения служебных обязанностей и отпуска по уходу за ребенком для воспитания малолетних детей обусловлено спецификой правового статуса военнослужащих и согласуется как с добровольным характером заключения контракта о прохождении военной службы, так и с конституционно значимыми целями ограничения прав и свобод человека и гражданина», при этом, как установил Конституционный Суд РФ: «дальнейшее производство по данному гражданскому делу не будет преследовать цель восстановления индивидуальных прав К.А. Маркина, поскольку его сын уже достиг возраста, превышающего три года, а сам он с военной службы уволился».

Вместе с тем, «как следует из постановления Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 22 марта 2012 года по делу «Константин Маркин против России», исключение российским законодательством военнослужащих-мужчин из круга лиц, имеющих право на предоставление отпуска по уходу за ребенком, притом что военнослужащие-женщины имеют такое право, не может считаться разумно или объективно обоснованным; лишая военнослужащих-мужчин права на получение отпуска по уходу за ребенком исключительно по признаку их половой принадлежности, соответствующие законоположения устанавливают общее ограничение, автоматически применяемое ко всем военнослужащим мужского пола, независимо от занимаемого ими положения в вооруженных силах, возможности их замены или конкретной ситуации, что не основано на специфических требованиях военной службы и выходит за пределы свободы усмотрения государства в вопросах, относящихся как к национальной безопасности в целом, так и к вооруженным силам».

Следовательно, рассматривая вопрос о непризнании права К. Маркина, то следует взять за основу две параллели, а именно военнослужащих-мужчин и военнослужащих-

женщин. Так, военнослужащие-женщины имеют право на получение отпуска по уходу за ребенком, когда, как военнослужащие-мужчины были лишены данного права даже без учета каких-либо индивидуальных особенностей ситуаций каждого. Соответственно, вопрос непризнания права К. Маркина был обусловлен лишь его половой принадлежностью, так как мужчина и женщина должны иметь равные права и свободы и равные возможности для их реализации в соответствии с ч. 3 ст. 19 Конституции РФ, а на мужчин-военнослужащих законодателем были наложены определенные ограничения в данном аспекте.

Часть 2 статьи 39 Конституции устанавливает, что *«Государственные пенсии и социальные пособия устанавливаются законом»*. Однако сам закон может устанавливать дискредитационные нормы по половому признаку. Например, часть 1 статьи 8 Федерального закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» определяет, что *«Право на страховую пенсию по старости имеют лица, достигшие возраста 65 и 60 лет (соответственно мужчины и женщины)»* (О страховых пенсиях: Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ (ред. от 28.12.2022)), то есть прямое противоречие статьям 2, 22 Декларации в части социального обеспечения. Причем, более ранний выход женщин на пенсию при обычных условиях подразумевает меньший трудовой стаж, меньшие размер пенсионных начислений, и в конечном итоге меньший размер пенсий, что отдельными учеными рассматривается как нарушение гендерных прав женщин [\[49\]](#), [\[50\]](#).

При этом, первоначально разный возраст выхода на пенсию был установлен постановлением Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров («Положение о пенсиях и пособиях по социальному страхованию», СЗ СССР 13.02.1930 г. № 11, ст. 132), вынесенному по результатам проведенного научного исследования, обосновавшего, что более раннее выход женщин на пенсию является следствием серьезного функционального изменения в организме человека, так, у женщин начиная с 55 лет, а у мужчин с 60 лет. Вместе с тем, при проведении указанного исследования не было учтено то обстоятельство, что продолжительность жизни мужчин меньше, чем у женщин, соответственно, срок дожития последних после выхода на пенсию существенно выше.

Вопросом смертности мужчин обеспокоены и правительства российских регионов. Так, в Региональной программе Саратовской области, направленной на повышение рождаемости и поддержки семей с детьми и достижение целевых показателей общего числа рождений, на период 2023-2025 годов, утвержденной постановлением Правительства Саратовской области от 30 июня 2023 г. № 580-П, отмечается, на начало 2022 г. в возрасте до года на *«1000 девочек приходилось 1047 мальчиков»*. Следовательно, мальчиков рождается больше. Однако, в данной программе также указывается, что с возрастом это соотношение меняется из-за более высокой смертности мужчин: *«В Саратовской области превышение численности женщин над численностью мужчин отмечается уже в средних возрастах – с 39 лет, что связано с более высокой преждевременной смертностью мужчин»*.

По данному региональному документу отмечается, что *«на 1000 мужчин в возрастной группе 45-49 лет приходится 1135 женщин, 50-54 лет - 1143, 55-59 лет - 1228, 60-64 лет - 1364»*.

Начиная с 65 лет разница составляет более 1,5 раза (65-69 лет - 1618; 70-74 лет - 1919), с 75 лет - более чем 2 раза (75-79 лет - 2306; 80-84 лет - 2885; 85 лет и старше - 2916). В целом на начало 2022 года в возрастной группе 65 лет и старше женщины составляли две трети (67 процентов), а в возрастной группе 85 лет и старше

численность женщин уже втрое превышала численность мужчин (74,5 процента)».

Таким образом, с учетом того, что мужчин рождается больше, однако в возрастной группе 65 лет (пенсионный возраст мужчин) и старше, мужчин всего составляет 37% от общего количества людей возрастной группы, а в возрасте от 85 лет данный показатель для мужчин составляет 25,5%.

Не был учтен и возраст дожития при подъеме пенсионного возраста в 2018 году (Федеральный закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий»), в результате чего около 50% мужчин вообще не доживают до выхода на пенсию [\[51, с. 380\]](#), что прямо нарушает их конституционное право на получения пенсии, а их пенсионные накопления фактически распределяются среди пенсионеров, в основном женского пола, что также свидетельствует о наличии гендерного неравенства. Причем, указанные пенсионные накопления ни коим образом не влияют на размер пенсии оставшихся в живых супруги (супруга), хотя именно она (он), как член семьи не дополучала материальные блага, оплачиваемые в форме пенсионных отчислений умершего человека.

Более того, увеличение пенсионного возраста женщин фактически привели к отрицанию указанного ранее научного исследования, а следовательно, и саму состоятельность наличия разницы в сроках выхода на пенсию мужчин и женщин.

Так же необходимо отметить, что специализированные исследования о физиологическом влиянии на мужчину срока выхода его на пенсию, как в 60, так и 65 лет не проводились, что еще раз подчеркивает гендерное неравенство прав граждан.

Согласно части 1 статьи 59 Конституции РФ *«Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации»*. Частью 2 статьи 59 Конституции РФ установлено, что *«Гражданин Российской Федерации несет военную службу в соответствии с федеральным законом»*.

В соответствии с подпунктом «а» пункта 1 статьи 22 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» *«Призыву на военную службу подлежат:*

а) граждане мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет, состоящие на воинском учете или не состоящие, но обязанные состоять на воинском учете и не пребывающие в запасе».

Таким образом, долг и обязанность гражданина Российской Федерации по защите отечества в обязательном порядке распространяется исключительно на мужчин, имея признаки явного гендерного неравенства.

При этом, в ряде стран обязанность по защите отечества возложена как на мужчин, так и на женщин, например, Государство Израиль, Корейская Народно-Демократическая Республика, Китайская Республика (Тайвань), Греческая Республика, Республика Союз Мьянма, Государство Малайзия, Государство Эритрея, Королевство Норвегия, Королевство Швеция.

Частью 3 статьи 59 Конституции РФ определено, что *«Гражданин Российской Федерации в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, а также в иных установленных федеральным законом случаях имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой»*.

Однако, в приведенном контексте данная норма распространяется исключительно на мужчин, фактически подразумевая, что долг Родине, не связанный с защитой отечества, он все равно должен отдать, что ставит его не в равное гендерное положение по сравнению с женщиной, у которой получается вообще отсутствует соответствующий долг и обязанность.

Вместе в отдельных случаях мужской шовинизм в армейской среде приводит к нарушению гендерных права женщин. Так, например, они имеют возможность обучаться в летном военном училище, несмотря на то что во время полета их здоровье будет подвергаться негативным воздействиям, а полеты и вынашивание ребенка, по всей видимости, несовместимы, о чем прямо свидетельствует отстранение от полетов женщин в гражданской авиации после подтверждения их беременности.

Однако лица женского пола не могут обучаться в военном училище по специальностям, связанным с защитой государственной тайны, хотя местом её работы стали бы штабы достаточно крупных воинских частей (соединений), а круг выполняемых обязанностей в целом соответствовал бы обычной офисной работе. Внятного ответа на указанный вопрос у должностных лиц органов военного управления, ответственных за установления порядка приема в соответствующее военное учебное заведение, получить не удалось (письмо заместителя начальника Генерального штаба ВС РФ генерал-полковника С.Ю. Истракова от 12.09.2019 г. № 307/1/441) [\[52\]](#).

Вопросы, касающиеся гендерного неравенства, установленного статьей 59 Конституции РФ, рассматриваются исключительно в юридическом аспекте, имеют чисто научный интерес и приводятся как обоснование наличие в основном законе положений, позволяющим бланкетным нормам права устанавливать различные обязанности для граждан в зависимости от их гендерной идентичности, что доказывает правовое неравенство в российском законодательстве мужчин и женщин.

Признаки гендерного неравноправия содержат и федеральные законы.

Так, в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» право на получение материнского капитала имеет женщина, имеющая гражданство РФ, родившая (усыновившая) второго или последующих детей начиная с 1 января 2007 г.

Отец имеет право на получение материнского капитала только в случае, если мать умерла или была объявлена умершей, лишена родительских прав, совершила в отношении ребенка умышленное преступление, относящееся к преступлениям против личности, что повлекло лишение родительских прав, а также в случае отмены усыновления ребенка. Мать может получить материнский капитал в любом случае, если не лишена родительских прав.

Согласно п. 1 ст. 56 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» *«каждая женщина самостоятельно решает вопрос о материнстве»*, т. е. в том случае, если мужчина хочет оставить ребенка, а женщина – сделать аборт, мнение отца ребенка не учитывается. В случае же, если мужчина в силу определённых причин, выступает инициатором аборта, женщина может с ним не согласиться и оставить ребенка.

4. Создание новой гендерной идеологии

Проведенное исследование убедительно доказывает, что при равенстве прав и свобод, гендерные юридические обязанности мужчин отличаются от юридических женских обязанностей.

До настоящего времени международное право, а вслед за ним национальное законодательство шли по пути декларирования гендерного равенства. Фактическое же реальное положение дел в указанной сфере далеко от заявленного. В результате за прошедшие 74 года с момента принятия Всеобщей декларации прав человека добиться реального гендерного равенства не удалось. Более того, выросшие из нее идеологии защиты прав отдельных социальных групп, навязываемые другим странам, привели к большим военным конфликтам со значительными человеческими жертвами, а также существенным образом ограничили прав лиц, являющихся сторонниками традиционных ценностей.

В настоящее время проводимая Российской Федерацией специальная военная операция дает уникальную возможность заявить всему миру о русской идентичности и предложить новый путь развития, учитывающий интересы не только отдельного человека, но общества и государства в целом.

Основная идея новой гендерной идеологии сводится к полному равенству прав, свобод и обязанной граждан вне зависимости от их гендерной принадлежности, а их ограничения могут применяться исключительно к конкретному человеку на основании закона.

В этой связи были разработаны следующие постулаты новой идеологии гендерного равенства.

1. Права, свободы и обязанности человека равны вне зависимости от его половой принадлежности.
2. Ограничение прав, свобод и обязанностей допускается на основании закона, применяемого исключительно к конкретному человеку вне зависимости от его гендерной принадлежности, исходя из обоснованных угроз индивидууму, реализация которых может привести к нарушению интересов общества и государства.
3. К обоснованным интересам общества и государства, на основании которых возможно ограничение прав, свобод и обязанностей человека вне зависимости от его гендерной принадлежности, является поддержание численности населения и разнообразия генофонда, обеспечение стабильности общества и государства.
4. Ограничение для поддержания численности населения и разнообразия генофонда предусматривают запрет на выполнение определенных работ, которые могут привести к невозможности зачатия (как полового акта мужчины и женщины), вынашивания и рождения здорового ребенка. Ограничения не применяются для лиц, не способных по медицинским показаниям к зачатию и вынашиванию ребенка или уже имеющих детей, количество которых устанавливается законом, исходя из национальных интересов достижения целевых показателей численности населения.
5. Реализация трудовых прав и свобод осуществляет исключительно вне зависимости от гендерной принадлежности человека на основе его индивидуальных способностей, определяемых на основании их оценки по общедоступным вопросам (тестовые задания, собеседование, практическое задание в зависимости от предполагаемой занимаемой должности), проводимой: для коммерческих частных и некоммерческих организаций работодателем; для органов государственной власти и местного самоуправления, а также предприятий, учреждений и организаций, ими

контролируемых, или с их участием – специализированными оценочными организациями. Каждому участнику предоставляется право ознакомиться с результатами выполнения своего задания и задания победителя, что позволит, при необходимости, оспаривать его результаты в установленном законом порядке.

Дальнейшее развитие новой идеологии гендерного равенства может позволить обеспечить достижение не только равенства прав, свобод и обязанностей мужчин и женщин между собой, но и равенство прав, свобод и обязанностей человека вне зависимости от его расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Для распространения на другие страны указанной идеологии, позволяющей разрушить навязываемые представление о нетрадиционных ценностях, расовой и партийной борьбе и т. д., необходимо доказать её эффективность на примере нашей Родины, что позволит обеспечить ей развитие и процветание, а гражданам справедливое отношение, как между собой, так и со стороны общества и государства.

Для успешной реализации в Российской Федерации новой идеологии гендерного равенства предлагается:

Во-первых, изменить подходы к приему граждан на работу, их назначение на должности в юридических лицах, включая коммерческие и некоммерческие организации, органы государственной власти и местного самоуправления, и т. д., а также у лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица.

В основе такого подхода должна лежать справедливость по отношению к гражданам при их приеме на работу или назначение на должность, под которой понимается, что назначение проводится на основании открытого и объективного конкурса по установленным нормативным актом критериям с предоставлением возможности конкурсанту ознакомиться с результатами победителя по установленным критериям выбора.

Таким образом, работодателю предоставляется право установления критериев отбора, которые должны исключительно оценивать трудовые функции претендента. Любые критерии, устанавливающие дискриминационные нормы в зависимости от пола, возраста, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств (например, отношения к воинской обязанности, что фактически свидетельствует о половой принадлежности) запрещены.

Указанные критерии могут носить как формальный (уровень образования, специальность, опыт работы и т. д.), так и квалификационный характер (перечень вопросов для собеседования, задания, тесты, ситуационные задачи и т. п.).

Несмотря на то, что формальный метод оценивания критериев не всегда является эффективным, однако, по мнению автора, он является обязательной составляющей, так как, в соответствии с законами, нормативными правовыми актами и другими регламентирующими документами, кандидаты для назначения на государственные должности, а также должности в органах государственной власти и местного самоуправления, должны соответствовать формальным критерием, как правило, уровень

образования, соответствующая специальность, опыт работы и другим, требующимся по должности.

Соответственно, работодатели должны издать нормативный акт, в котором определить критерии возможности назначения на должность соискателя, а также порядок проведения конкурсного отбора, который опубликовать в открытом доступе в сети Интернет заблаговременно. Отсутствие такой публикации должно нести не только административную ответственность, но и являться основанием для отмены результатов конкурсного отбора с возмещением пострадавшим морального вреда.

Учитывая то обстоятельство, что предпринимательская деятельность осуществляется на свой риск, организации, находящиеся в частной собственности, а также физические лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, должны иметь возможность сами проводить указанные конкурсы. Такое же право должно быть предоставлено некоммерческим организациям.

Несколько иначе, на наш взгляд, состоит ситуация с органами государственной власти, местного самоуправления, а также предприятиями, учреждениям и организаций, ими контролируемые, или с их участием. Дело в том, что как в историческом аспекте, так и по сообщениям отдельных СМИ ^[53] у указанных работодателей имеют место при приеме на работу, назначения на должность или аттестации случаи взяточничества, сговора, кумовства, протекционизма, блата и другие негативные проявления, приводящий к тому, что назначаются не лица, которые по своим деловым качествам смогли бы более эффективно выполнять должностные обязанности, а лица, в приеме на работу которых имеется иная заинтересованность.

Во-вторых, путем нормотворчества привести в соответствие законодательство Российской Федерации положениям новой гендерной идеологии, определяющей безусловное равенство прав, свобод и обязанностей мужчин и женщин, а также введение ограничений применительно к конкретному человеку по указанным ранее критериям вне зависимости от его пола.

В-третьих, обсудить в обществе, в научных кругах, органах государственной власти и местного самоуправления вопросы уравнивания обязанностей мужчин и женщин, в том числе по следующим направлениям:

1. Снижения возраста выхода на пенсию мужской части населения до возраста выхода на пенсию женщин.
2. Установление долга и обязанности женщин по защите Отечества с получением воинских специальностей в соответствии с их физиологическими возможностями, а также установления нормальной продолжительности рабочего дня в мирное время для всех военнослужащих (женщин и мужчин, по призыву и по контракту) в соответствии с трудовым законодательством РФ. При этом главной целью службы по призыву определить овладение на высоком профессиональном уровне воинской специальностью, а не «отбывание» времени на территории воинской части.

При этом, физиологические особенности мужчины и женщины в аспекте получения воинских специальностей не должны ограничивать одну из сторон. Автор согласен с тем, что критерии физической подготовленности, состоянии здоровья и результаты профессионального психологического отбора могут отличаться по признаку гендера, однако считает, что общие положения законодательства должны быть предусмотрены в рамках юридического равенства обоих полов, как это было заложено в Конституции РФ. Считаем, что не может быть предоставлено одному полу меньше благ по отношению к

другому при аналогии ситуации.

1. Законодательное уравнивание прав отцов с правами матерей.

В результате в Российской Федерации декларируемое равенство граждан по половому признаку станет реально обеспеченным, в связи с чем не только существенно сократятся имеющиеся недовольства гендерных групп мужчин и женщин по дискриминации их прав, но и полученные результаты можно будет эффективно использовать для сглаживания социальных противоречий по таким направлениям, как возраст, социальное положение, семейное положение, отношение к религии и другим факторам.

В конечном итоге возникнет возможность построить государство с минимальными внутренними противоречиями между членов общества, что обеспечит его социальную стабильность, поступательное развитие, всеобщее благоденствие его граждан.

На примере успехов нашей Родины рассматриваемую идеологию предлагается предложить для обсуждения правительствам дружественных и нейтральных государств, что станет основой для налаживания тесных дружественных отношений, как между государствами, так и народами, а также отдельными индивидуумами.

Учитывая явное противодействия элит недружественных государств, распространение предлагаемой идеологии нового гендерного равенства предлагается осуществлять путем пропаганды через социальные сети и научные издания, для того чтобы раскрыть гражданам названных государств преимуществ российского подхода к гендерному равенству над западными теориями. Причем, необходимо отметить, что некоторые лидеры уже осознают всю пагубность западной идеологии, опровергающей традиционные ценности.

Так, экс-президент США Дональд Трамп в ходе своей новой предвыборной компании высказал мнение о наличии у людей только двух полов (мужского и женского), причем полученных при рождении, то есть фактически бросил вызов попыткам изменения гендерной идентичности.

Рабочая группа Высшего совета «Единой России» 27.05.2023 г. уже сформировала определение традиционных российских семейных ценностей, согласно им, *«традиционными российскими семейными ценностями являются исторически сложившиеся, передающиеся из поколения в поколение, сохраняющиеся в культуре и образе жизни ценности, нормы и обычаи по отношению к социальному институту семьи, браку, супружеству, родительству, родству, основанные на традиционной духовной культуре народа России»*.

В их число входят: брак как союз мужчины и женщины; многодетная, многопоколенческая семья в качестве основы российского общества; материнство, отцовство и детство; ответственность родителей за своих детей, обязанность заботиться об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии, воспитании патриотизма, гражданственности и уважения к старшим; приоритет семейного воспитания; забота взрослых детей о своих родителях» [\[54\]](#).

По мнению российских ученых *«западный цивилизационный тип не может быть преобладающим по причине его инородности и бесперспективности для других цивилизационных типов»*. А их стремление разрушить чуждую им идентичность ожидаемо натолкнется на сопротивление» [\[55, с. 37\]](#). Отдельные ученые считают, что Запад умышленно создает комплекс угроз *«российскому национальному менталитету, влияющих*

на национальную безопасность государства в целом: разрушение базовых моральных и культурных норм, религиозных устоев, института брака, семейных ценностей». Данные угрозы также были сформулированы и признаны в доктринальных документах России, а именно в Стратегии национальной безопасности РФ 2021 г., Военной доктрине РФ 2014 г. и т. п.

Следовательно, в Российской Федерации признается ценность национального менталитета нашего народа для сохранения государственности.

В результате будет разработана и внедрена мировая идеологию мирного сосуществования государств и народов на планете Земля.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что несмотря на декларируемое равенства мужчин и женщин, нашедшее свое отражение во Всеобщей декларации прав человека за 74 года достичь реального гендерного равенства не удалось. Хотя права и свободы мужчин и женщин, установленные национальным законодательством большинства стран, фактически уравнены, их обязанности существенно отличаются между собой, причем в сторону дискриминации мужской части населения.

Имеющийся дисбаланс обязанностей мужчин и женщин, вызванный борьбой женщин за свои права при фактическом отсутствии такой борьбы со стороны мужчин, привел к появлению отдельных социальных групп, которые пожелали получить преимущества по отношению к остальным гражданам. В результате имеют место конфликты, перерастающие в противостояние, в отдельных случаях с применением насилия и оружия, что чревато возможностью возникновения гражданских войн.

При этом разработанные идеологии, в основном западными учеными, фактически навязываются нашему государству для получения названного негативного сценария. С целью противостояния им и разработана новая идеология гендерного равенства, связанная с защитой традиционных ценностей, суть которой заключается в устранении гендерных отличий в правах, свободах и обязанностях граждан.

Реализация указанной идеологии на первоначальном этапе реализации в Российской Федерации позволит построить государство с минимальными внутренними противоречиями между членов общества, что обеспечит его социальную стабильность, поступательное развитие, всеобщее благоденствие его граждан. На последующих этапах при расширении предлагаемой идеологии для сглаживания социальных противоречий по таким направлениям, как возраст, социальное положение, семейное положение, отношение к религии и другим факторам и её распространении на дружественные, нейтральные и недружественные государства появится возможность разработки и внедрения мировой идеологии мирного сосуществования государств и народов на планете Земля.

Библиография

1. Хашхова Б. К. Гендерная дискриминация с сфере труда: опыт борьбы на международном уровне // Современные исследования проблем управления кадровыми ресурсами. Москва, 2021. С. 514-521.
2. Gök A., Kodaman T. Sovyetler birliđi'nde kadın hakları ve cinsiyet eşitliđi' // Rusya Araştırmaları Dergisi. 2022. № 7. С. 19-52.
3. Abdyramanova C. S. Women's rights and gender equality in Kyrgyzstan // Вестник Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики. 2020.

№ 27. С. 288-293.

4. Ganguli I., Hausmann R., Viarengo M. Gender differences in professional career dynamics: new evidence from a global law firm // *Economica*. 2021. № 88 (349). С. 105-128.

5. Елфимова Е. В., Миннегалиева Л. И., Бельдина О. Г. Дискриминация женщин в сфере труда: теоретический и практический аспект // *Право и государство: теория и практика*. 2022. № 3 (207). С. 196-198.

6. Бельская К. Д. Дискриминация женщин в сфере телевизионных СМИ // *Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*. 2022. № 2 (14-2). С. 17-21.

7. Боровков М. И. Сравнительный анализ современных мировоззренческих ценностей западной и российской цивилизаций // В сборнике: *Гуманитарное образование в медицинском вузе: проблемы и перспективы. Материалы межвузовской научно-практической конференции*. 2023. С. 31-39.

8. Солодовник Д. М., Фурсов К. А., Пархимович В. Л. Цели устойчивого развития и сопутствующие риски // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2022. № 1 (121). С. 89-96.

9. Малышева М. Р., Чичулин Н. А. Внутренняя национальная безопасность Российской Федерации. Новый культурный вектор развития // *Мировые цивилизации*. 2021. № 6 (2). С. 95-103.

10. Петров И. Ф., Петров С. И. Тенденции развития культуры в период глобализации // *Теория и практика мировой науки*. 2022. № 11. С. 20-25.

11. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / Москва: АСТ: Мир и Образование, 2011. 1357 с.

12. Rawls J. *The law of peoples* / Belknap Press, 1993. 199 с.

13. Захарова О. В. Современные подходы к пониманию прав человека в западной либеральной мысли: общий обзор // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2018. № 23. С. 15-22.

14. Жанузакова Л. Т. Уполномоченный по правам человека как государственный институт защиты прав человека в Республике Казахстан // *Российское право онлайн*. 2021. № 4. С. 68-72.

15. Кузнецов А. А., Чебан И. А. Европейский суд по правам человека в становлении механизма защиты прав и свобод человека // *Евразийское Научное Объединение*. 2020. № 5-1 (63). С. 46-49.

16. Ignatieff M. *Human Rights as Politics and Idolatry* / Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2001. 98 с.

17. Cohen J. Minimalism about Human Rights: The Most We Can Hope For? // *The Journal of Political Philosophy*. 2004. № 12 (2). С. 190-213.

18. Jellinek G. *Die Erklärung der Menschen-und Bürgerrechte* / Berlin: Vincit Veritas Duncker & Humblot, 1927. 33, 72 с.

19. Филатова В. В. Влияние постановлений европейского суда по правам человека на реализацию конституционных гарантий прав человека // *Теоретическая и прикладная юриспруденция*. 2020. № 1. С. 44-49.

20. Ермолина Г. К. *Философские проблемы равенства и свободы*. Ярославль. 1973. 160 с.

21. Иванов А. П. *Равенство и равноправие: теория и социальная сущность в конституционной статусе советских граждан*. Калининград. 1986.

22. Лавренова С. А. Многовековая позиция римской церкви в вопросе прав человека и попытка защиты этой позиции кардиналом Руффини на втором ватиканском соборе // *Христианское чтение*. 2022. № 3 С. 125-138.

23. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. Москва: Мир и образование, 2020.

736 с.

24. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Москва: АСТ, 2020. 448 с.

25. Идрисов Х. В. Соотношение понятий «права человека» и «свободы человека» // В сборнике: Социально-экономические и гуманитарные науки. Сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции. 2020. С. 98-100.

26. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России. Учебное пособие. Москва: Издательство МГУ, Издательская группа ИНФРА М–НОРМА, 1997. 304 с.

27. Волкова Н. С. Общественная безопасность и законодательство о правах человека // Журнал российского права. 2005. № 2. С. 93-100.

28. Приходько Т. В. Защита прав в Конституционном Суде Российской Федерации и Европейском суде по правам человека. Москва: Юрайт, 2021. 177 с.

29. Чеботарева И. Н., Пашутина О. С., Ревина И. В. Соотношение понятий «отказ от субъективного права» и «ограничение права» в российском уголовном процессе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. № 11 (6). С. 109-119.

30. Кертис С. Феминистки не носят розовое / Москва: Издательство АСТ, 2019. 327 с.

31. Криадо П. К. Невидимые женщины / Москва: Альпина Паблишер, 2021. 608 с.

32. Вульф Н. Миф о красоте / Москва: Альпина нон-фикшн, 2021. 512 с.

33. Федоренко Ю. В., Пятница С. Э. Защита прав и свобод женщин в российском и международном праве // Новый юридический вестник. 2022. № 3 (36). С. 44-46.

34. Андреева М. А. Проблема равноправия мужчин и женщин в Российской Федерации // Эпомен. 2021. № 61 С. 67-72.

35. Вышеславова Т. Ф. Реализация принципа равного вознаграждения за труд равной ценности // Научные вести. 2020. № 3 (20). С. 25-31.

36. Уотсон Д., Дэвис К., Берри Э. ДНК. История генетической революции / Санкт-Петербург: ООО Издательство «Питер», 2019. 512 с.

37. Смольяков А. А., Шibaев Ю. В. Политические права женщин и проблематика их реализации в условиях гендерной дискриминации // Закон. Право. Государство. 2021. № 2 (30). С. 270-274.

38. Аргументы и факты: В каких профессиональных сферах женщин больше, чем мужчин [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/money/business/v_kakih_professionalnyh_sferah_zhenshchin_bolshe_chem_muzhchin (дата обращения: 28.01.2023).

39. The London school of economics and political science: Trussonomics: pro-rich, anti-poor [Электронный ресурс]. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/politicsandpolicy/trussonomics-pro-rich-anti-poor/> (дата обращения: 28.01.2023).

40. Christine Lambrecht vor Rücktritt: Pannen-Ministerin will hinschmeißen! [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bild.de/politik/inland/politik-inland/christine-lambrecht-vor-ruecktritt-pannen-ministerin-will-hinschmeissen-82548430.bild.html> (дата обращения: 28.01.2023).

41. Michael[en] M. «The limits of «The Male Sex Role»: an analysis of the men's liberation and men's rights movements' discourse» // Gender & Society. 1998. № 12 (3). С. 255-276.

42. Мужское освободительное движение: URL: <https://industrial-wood.ru/stati/28889-muzhskoe-osvoboditelnoe-dvizhenie.html> (дата обращения: 22.03.2023).

43. Young C. «Man Troubles: Making Sense of the Men's Movement» // Архивная копия от 5 февраля 2016 на Wayback Machine. Reason. 1994.

44. Ferrell C. «Masculism» Архивная копия от 5 августа 2020 на Wayback Machine. In Honderich, Ted (ed.) // The Oxford Companion to Philosophy (2nd ed.). Oxford University Press. 2005. С. 562-563.

45. Flood M., Gardiner J. K., Pease B., Pringle K. International Encyclopedia of Men and

Masculinities / Routledge, 2007. 744 с.

46. Honderich T. The Oxford Companion to Philosophy / Oxford University Press, 1995. 1048 с.

47. Табаринцева-Романова К. М., Силкина О. К., & Игнатенко М. С. «Обратная сторона» миротворческих операций: гендерный вопрос // История и современное мировоззрение. 2022. № 2 (4). С. 17-23.

48. Нигматуллин М. Р. Правовое положение мужчин, одиноко воспитывающих малолетних детей, содержащихся в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых Органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Могилевского института МВД. 2022. № 1 (5). С. 17-22.

49. Монгуш В. А. Дискриминация в сфере труда: проблемы теории и практики // Уральский журнал правовых исследований. 2020. № 1 (8). С. 154-175.

50. Окулич А. И. Дискриминация лиц предпенсионного и пенсионного возраста: проблемы теории и практики // В сборнике: Уральский форум конституционалистов. материалы седьмого Уральского Форума конституционалистов. 2022. С. 80-86.

51. Мадатов О. Я. Нарушение прав военнослужащих как причина их самоубийств и совершения ими преступлений // Мировая наука. 2020. № 12 (45). С. 362-398.

52. СМИ Армейский Цензор: Сексизм в армии под грифом секретно [Электронный ресурс]. URL: <https://milhelp.ru/сексизм-в-армии-под-грифом-секретно/> (дата обращения: 17.05.2023).

53. Минтруд: Бороться с коррупцией обязана каждая компания [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advice/mintrud-borotsya-s-korrupsiey-obyazana-kazhdaya-kompaniya/> (дата обращения: 28.06.2023).

54. Единая Россия: Рабочая группа Высшего совета «Единой России» сформировала определение традиционных российских семейных ценностей [Электронный ресурс]. URL: <https://er.ru/activity/news/rabochaya-gruppa-vysshego-soveta-edinoj-rossii-sformirovala-opredelenie-tradicionnyh-rossijskih-semejnyh-cennostej> (дата обращения: 22.07.2023).

55. Ковалев А. А. Разрушение базовых традиционных ценностей как угроза для национального менталитета // Социально-политические исследования. 2022. № 3 (16). С. 33-46.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, гендерные проблемы дискриминации граждан на современном этапе развития общества. Автор определяет предмет исследования следующим образом: это "... нормы международного и национального права, регламентирующие объект исследования". В качестве объекта исследования фигурируют "общественные отношения, регулирующие вопросы прав, свобод и обязанностей мужчин и женщин". Налицо юридическая ошибка - общественные отношения выступают объектом правового регулирования, а не сами регулируют что-либо. Заявленные границы исследования полностью соблюдены автором.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается, но очевидно, что ученым использовались всеобщий диалектический, логический, статистический, формально-юридический, сравнительно-правовой методы исследования.

Актуальность избранной автором темы исследования обоснована следующим образом: "Отдельное тлетворное влияние западных технологий по гендерному равенству

проникло и в российскую действительность. Средства массовой информации и отдельные ученые равенство мужчин и женщин также стали оценивать по количеству или доле отдельных индивидуумов по определенным критериям, например, количество женщин в органах государственной власти, проводимые опросы работодателей по вопросу приема на работу мужчины или женщины [5, с. 197], публикация мнения экспертов о дискриминации женщин на рынке труда [6] и т. д. Указанное, по нашему мнению, является проявлением навязывания гражданам России и ее союзникам западных ценностей с последующим получением подобного Соединенным Штатам Америки негативного сценария противостояния отдельных групп населения Российской Федерации между собой, создающим угрозу сохранения российской государственности и независимости, что наглядно можно наблюдать на примере Вьетнама, Кореи, Ирака, Афганистана, Украины и ряда других государств. Одним из эффективных способов противодействия названным попыткам западного мира фактического разрушения нашей государства является разработка и внедрение в России новой идеологии гендерного равенства, основанной не на правилах США и других западных стран, а на общепризнанных принципах и нормах международного права и особенностях российской идентичности, что и определяет актуальность настоящего исследования". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

В чем проявляется научная новизна исследования, прямо не говорится. Целью автором поставлена "... разработка основных положений новой идеологии гендерного равенства и её внедрения в практическую деятельность. Указанная цель предопределила необходимость постановки следующих задач: 1. Изучение понятия гендерного равенства для выработки нового подхода к его определению. 2. Разработка основных положений (постулатов) идеологии гендерного равенства, удовлетворяющих потребностям не только отдельных граждан, но и общества, российского государства, и дружественных нам стран. 3. Предложение основных направления реализации новой идеологии гендерного равенства путем внедрения её в Российской Федерации, предложения рассмотреть её внедрение дружественным и нейтральным государствам, а также распространит её в недружественных государствах с целью противодействия западной гендерной идеологии, особенно касающейся разрушения традиционных семейных ценностей". Фактически данную попытку следует признать не вполне удавшейся. Автору не удалось разработать целостную, внутренне не противоречивую концепцию гендерного равенства. Ряд суждений ученого не аргументирован либо основан на ложных посылах и ненаучных данных, что будет показано в дальнейшем. В целом ученый продемонстрировал недостаточный уровень юридической и общей грамотности. В представленном виде статья не вносит особого вклада в развитие отечественной правовой науки, поскольку нуждается в основательной доработке.

Научный стиль исследования выдержан автором не в полной мере, так как ряд выводов ученого нельзя признать достоверным в силу совершения им логических ошибок.

Структура работы соответствует предъявляемым требованиям. Во вводной части статьи автор обосновывает актуальность избранной им темы исследования, определяет его цель и задачи, объект и предмет исследования. Основная часть статьи разбита на несколько разделов: "1. Ограничение прав человека в международных и национальных актах"; "2. Подходы понимания прав и свобод человека"; "3. Дискриминация по гендеру"; "4. Создание новой гендерной идеологии". В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено ряда недостатков.

Так, автор пишет: "Однако он описывает права человека не как возможность граждан

реализовывать предоставленное им право для защиты своих интересов, что каждый человек обладает равными правами по отношению к другим людям, а как способ для разрешения конфликтов для становления более «политичными», то есть понимается как сущностный минимализм". Что значит "становление более "политичными"?

Ученый отмечает: "... в принципе эффективность труда двух разных индивидуумов даже одного пола будет отличаться между собой, не говоря уже об лицах разного пола, так как способности мужчин и женщин к труду разнятся, причем по отдельным направлениям преобладают мужчины, по другим – женщины, в некоторых – они в целом соответствуют, что в целом определяется биологическими (генетическим) особенностями пола, присущим животному миру, на данном этапе научного развития не поддающимся изменению". Чем подтверждается то, что способности мужчин и женщин к труду разнятся? Это положение работы необходимо обосновать научными данными. Только ли способностями женщин можно объяснить их преобладание в некоторых отраслях экономики или в этом отношении действует целый комплекс факторов?

Автор пишет: "Во многих отраслях экономики количество женщин преобладает над мужчинами, таких, например, как образование – 82% женщин; здравоохранение и социальные услуги 79%; предпринимательство (гостиничный бизнес) – 73%; финансовые и страховые организации 69%; в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений 66% [34]". Какое происхождение имеют данные АиФ? Относятся ли они к научным по своим критериям?

Автор отмечает: "... объективных свидетельств, свидетельствующих о нарушении прав женщин на уровне законодательства, не имеется". Это утверждение не подкреплено научными данными.

Ученый указывает: "Так, например, несмотря на то, что на обоих родителей возложена обязанность заботы и воспитания детей (часть 2 статьи 38 Конституции), отцовство в отличие от материнства не находится под защитой государства, причем не редки случаи, когда отец сам воспитывает ребенка (детей)". Соответствующие статистические данные автор не приводит.

Ученый пишет: "... подход о не признании отцовства нашел свое отражение в постановлении Конституционного Суда № 27-П от 6 декабря 2013 г.". Однако очевидно, что такое "непризнание" было обусловлено не полом К. Маркина, а его статусом военнослужащего, накладывающим на него ряд ограничений, что прямо следует из постановления.

Автор пишет о том, что "... продолжительность жизни мужчин, меньше чем у женщин", но ничего не говорит о комплексе факторов, которые на это влияют, преподнося это как гендерную данность. Действительно ли это подтверждается научными данными? Какими?

Ученый отмечает: "4. Ограничение для поддержания численности населения и разнообразия генофонда предусматривают запрет на выполнение определенных работ, которые могут привести к невозможности зачатия (как полового акта мужчины и женщины), вынашивания и рождения здорового ребенка. Ограничения не применяются для лиц, не способных по медицинским показаниям к зачатию и вынашиванию ребенка или имеющих двух и более детей". Чем обосновано предложение автора не учитывать факторы, влияющие на репродуктивное здоровье граждан, если у них уже есть двое детей?

Автор указывает, что реализация трудовых прав и свобод должна осуществляться "... исключительно вне зависимости от гендерной принадлежности человека на основе его индивидуальных способностей, определяемых на основании их оценки по общедоступным вопросам тестовых заданий". Почему именно тестовых, ученый не поясняет. Чуть ниже автор пишет: "Указанные критерии могут носить как формальный (уровень образования, специальность, опыт работы и т. д.), так и квалификационный

характер (перечень вопросов для собеседования, задания, тесты, ситуационные задачи и т. п.)". Всегда ли использование формальных критериев при приеме на работу эффективно?

Автор предлагает "2. Установление долга и обязанности женщин по защите Отечества с получением воинских специальностей в соответствии с их физиологическими возможностями, а также установления нормальной продолжительности рабочего дня в мирное время для всех военнослужащих (женщин и мужчин, по призыву и по контракту) в соответствии с трудовым законодательством РФ. При этом главной целью службы по призыву определить овладение на высоком профессиональном уровне воинской специальностью, а не «отбывание» времени на территории воинской части". Автор прямо говорит об учете физиологических возможностей (т.е. особенностей) женщин. Возможно ли вообще закрепление в законодательстве фактического равенства женщин и мужчин, если в реальности физиологического равенства полов нет, что обусловлено самой природой? Не потому ли в праве закреплено формальное (юридическое) гендерное равенство? Не являются ли некоторые ограничения законодательства, которые автор нередко трактует как дискриминационные, попыткой защитить более слабую сторону? Что ученый понимает по традиционными российскими ценностями? Как они соотносятся с международными, изначально формировавшимися на основе англо-саксонских представлений о гендерных ценностях?

Библиография исследования представлена 48 источниками (монографиями, научными статьями, учебным пособием, словарями, аналитическими и статистическими данными), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно, однако многие положения работы нуждаются в уточнении и дополнительной аргументации.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Е. В. Елфимова, Л. И. Миннегалиева, Ю.В. Федоренко, Б.К. Хашхова, Н. С. Волкова и многие др.) и вполне достаточна, однако научная дискуссия не всегда ведется автором корректно.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что несмотря на декларируемое равенства мужчин и женщин, нашедшее свое отражение во Всеобщей декларации прав человека за 74 года достичь реального гендерного равенства не удалось. Хотя права и свободы мужчин и женщин, установленные национальным законодательством большинства стран, фактически уравнены, их обязанности существенно отличаются между собой, причем в сторону дискриминации мужской части населения. ... С целью противостояния им и разработана новая идеология гендерного равенства, связанная с защитой традиционных ценностей, суть которой заключается в устранении гендерных отличий в правах, свободах и обязанностях граждан. Реализация указанной идеологии на первоначальном этапе реализации в Российской Федерации позволит построить государство с минимальными внутренними противоречиями между членов общества, что обеспечит его социальную стабильность, поступательное развитие, всеобщее благоденствие его граждан. На последующих этапах при расширении предлагаемой идеологии для сглаживания социальных противоречий по таким направлениям, как возраст, социальное положение, семейное положение, отношение к религии и другим факторам и её распространении на дружественные, нейтральные и недружественные государства появится возможность разработки и внедрения мировой идеологии мирного сосуществования государств и народов на планете Земля"), однако некоторые из них не аргументированы в достаточной степени и даже утопичны (как последний о мировой идеологии).

Статья нуждается в дополнительном вычитывании в привлечении специалиста-филолога. В ней встречается множество орфографических, пунктуационных,

синтаксических, стилистических ошибок.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен со стороны специалистов в сфере конституционного права, семейного права, международного права при условии ее существенной доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы, уточнении и дополнительной аргументации отдельных положений работы и выводов по результатам исследования, устранении нарушений в оформлении работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Гендерные проблемы дискриминации граждан на современном этапе развития общества».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам дискриминации граждан по гендерному признаку. Автор рассматривает проблему с точки зрения необходимости создания новой гендерной идеологии. В качестве предмета исследования выступили положения законодательства, мнения российских и зарубежных ученых.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье заявлена. Как указывает автор, «Целью исследования является разработка основных положений новой идеологии гендерного равенства и её внедрения в практическую деятельность». Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования. В статье указано, что «Методология исследования основана на всеобщем диалектическом, логическом, статистическом, формально-юридическом, сравнительно-правовом методах исследования».

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства (прежде всего, положений международно-правовых актов). Например, следующий вывод автора, сделанный на основании анализа положений международно-правовых актов: «ограничения прав и свобод человека в виде наложения обязанностей устанавливается национальным законодательством, которое может допускать различия по признаку гендерной принадлежности. Следовательно, отдельно взятая страна, в том числе Российская Федерация, имеет право сама определить какие ограничения прав и свобод она допускает для мужчин и женщин».

Также автором использованы примеры из судебной практики. В частности, указано следующее: «судебная система Российской Федерации при определении смысла

ограничения прав и свобод использует дефиницию, изложенную в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 21: «под ограничением прав и свобод человека (вмешательством в права и свободы человека) понимаются любые решения, действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, а также иных лиц, вследствие принятия или осуществления (неосуществления) которых в отношении лица, заявляющего о предполагаемом нарушении его прав и свобод, созданы препятствия для реализации его прав и свобод» (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции от защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней»).

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема гендерного равенства сложна и неоднозначна. В ней тесно переплетаются этический, философский, юридический, политический и иные аспекты. Сложно спорить с автором в том, что «одним из эффективных способов противодействия названным попыткам западного мира фактического разрушения нашего государства может являться разработка и внедрение в России новой идеологии гендерного равенства, основанной не на правилах США и других западных стран, а на общепризнанных принципах и нормах международного права и особенностях российской идентичности, что и определяет актуальность настоящего исследования».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«При этом разработанные идеологии, в основном западными учеными, фактически навязываются нашему государству для получения названного негативного сценария. С целью противостояния им и разработана новая идеология гендерного равенства, связанная с защитой традиционных ценностей, суть которой заключается в устранении гендерных отличий в правах, свободах и обязанностях граждан. Реализация указанной идеологии на первоначальном этапе реализации в Российской Федерации позволит построить государство с минимальными внутренними противоречиями между членов общества, что обеспечит его социальную стабильность, поступательное развитие, всеобщее благоденствие его граждан. На последующих этапах при расширении предлагаемой идеологии для сглаживания социальных противоречий по таким направлениям, как возраст, социальное положение, семейное положение, отношение к религии и другим факторам и её распространении на дружественные, нейтральные и недружественные государства появится возможность разработки и внедрения мировой идеологии мирного сосуществования государств и народов на планете Земля».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены оригинальные обобщения, связанные с темой исследования.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с гендерным равенством с точки зрения норм права.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, достиг цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России и из-за рубежа (Елфимова Е.В., Миннегалиева Л.И., Бельдина О.Г. Хашхова Б.К., Ganguli I., Hausman R., Viarengo M. и другие). Хотело бы отметить использование автором большого количества источников на иностранных языках, что важно в контексте заявленной цели исследования. что позволило придать исследованию правоприменительную направленность.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к вопросам развития гендерной идеологии в России.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Киселева Е.В. Особенности регулирования института наследственного договора в российском праве //

Юридические исследования. 2024. № 7. С. 70-71. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.7.68696 EDN: MWSJRC URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68696

Особенности регулирования института наследственного договора в российском праве

Киселева Елена Витальевна

ORCID: 0000-0002-4330-9775

кандидат юридических наук

доцент Южного федерального университета

344000, Россия, г. Ростов-На-Дону, ул. Б.садовая, 105/42

✉ elenarum27@yandex.ru

[Статья из рубрики "Договор и обязательства"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2024.7.68696

EDN:

MW SJRC

Дата направления статьи в редакцию:

12-10-2023

Дата публикации:

01-08-2024

Аннотация: Предметом изучения в рамках заявленного исследования являются ключевые особенности наследственного договора как инструмента правового регулирования отношений наследодателя и наследников, а также специфика их отражения в российском гражданском законодательстве. Достаточно подробно анализируются положения Гражданского кодекса Российской Федерации, посвященные анализу соотношения прав и обязанностей сторон данного договора, порядка его заключения и прекращения действия, а также выявляются основные проблемные моменты, сопутствующие процедуре использования наследственных договоров в отечественной практике. В данном контексте определяется важность дальнейшего совершенствования правовой базы, регулирующей процедуры использования

наследственного договора в правовой практике. Следует констатировать, что законодательное закрепление института наследственного договора предоставляет наследодателю возможность не просто распорядиться своим имуществом, но и связать это с наложением на наследника обязанности по совершению определенных действий. Однако, с другой стороны, реализованная в отечественной законодательной практике модель взаимоотношений сторон наследственного договора позволяет говорить об их не вполне равноправном положении. Подобное обстоятельство, как и целый ряд неоднозначных с юридической точки зрения моментов, отмеченных в данной статье, обуславливают необходимость дальнейшего совершенствования отечественной нормативной правовой базы, регулирующей различные аспекты заключения и исполнения наследственного договора.

Ключевые слова:

наследство, наследование, основания наследования, наследственный договор, наследодатель, наследник, договорное обязательство, завещательное распоряжение, недостойный наследник, Гражданский Кодекс

Совокупность правовых норм, регулирующих наследственные отношения, по мнению целого ряда исследователей, можно обозначить в качестве одной из достаточно консервативных областей гражданского законодательства [\[1, с. 31\]](#). Именно поэтому произошедшее несколько лет назад закрепление в Гражданском кодексе РФ возможности использования такой правовой конструкции как наследственный договор, явилось достаточно значимым событием, вызвавшим как позитивные, так и негативные отклики. В данном контексте, по нашему мнению, несомненный научный интерес представляет исследование проблематики законодательного регулирования института наследственного договора в российском гражданском праве сквозь призму основных теоретических положений, определяющих его специфические особенности, и их практического применения.

Особенно значимым это представляется по причине того, что в отличие от отечественной практики наследственного права, во многих зарубежных государствах использование подобной формы гражданско-правового договора имеет уже достаточно продолжительную историю, своими корнями восходящую к римскому частному праву.

Следует отметить, что уже для постклассического периода его развития было характерно наличие институтов, в определенной степени схожих с современными наследственными договорами. Однако они в большей степени представляли собой одну из моделей оформления завещания.

В частности, в соответствии с *pactum fiduciae*, отец мог обозначить свое право наследовать определенную долю имущества своих сыновей на основе взаимного согласия. То есть, он становился наследником на договорной основе. При этом в рамках общего правила, наследственные договоры в рамках доктрины римского права определялись в качестве не имеющих юридической силы [\[2, с. 229\]](#).

Начиная со времен средневековья, наследственный договор становится конструктом, характерным для германской правовой традиции. В своем развернутом виде учение о наследственном договоре было разработано в первой половине XIX века немецкими правоведом Г.Ф. Гассе и К. Безелером. Один из основных концептов, на котором

основывалось это учение, являлось утверждение о том, что предметом наследственного договора является не передаваемое имущество, а право наследования.

Законодательное отражение основные положения, регулирующие различные аспекты использования правовой конструкции наследственного договора, обрели в Германском гражданском уложении 1896 года в рамках специально выделенного раздела. В качестве одного из ключевых моментов, характеризующих немецкую модель регулирования отношений, связанных с заключением и исполнением наследственного договора, следует выделить положение о том, что наследник, принимающий имущество наследодателя по наследственному договору, выступает в качестве его универсального правопреемника [\[3, с. 44\]](#).

При том, что правовой институт наследственного договора обрел свое нормативное закрепление в законодательстве многих стран мира, отмечается, что наибольшее распространение в настоящее время он имеет в таких государствах как Германия, Великобритания и Швейцария, где с помощью его использования регулируется, соответственно, 15%, 48% и 75% дел, связанных со вступлением в наследство [\[4, с. 35\]](#).

Что касается определений сущности наследственного договора, имеющих место в отечественной юридической мысли, в качестве одного из примеров, характерных для дореволюционного периода ее развития можно привести определение Г.Ф. Шершеневича, по мнению которого, в рамках подобного договора двое или более лиц определяют друг друга в качестве наследников после своей смерти [\[5, с. 332\]](#).

Если обратиться к позиции современных представителей отечественной юридической науки, то, например, Д.Г. Золотухин трактует его в качестве соглашения сторон, в соответствии с которым одной из них (отчуждателем) производится распоряжение о передаче права на принадлежащее ей имущество другой стороне (приобретателю) или третьему лицу, производимой в случае смерти отчуждателя [\[6, с. 21\]](#). В свою очередь, П.В. Крашенинников под рассматриваемой категорией понимает выражаемое в форме договора потенциальных наследодателя и наследников распоряжение первой из указанных сторон о переходе прав на принадлежащее ей имущество в случае смерти наследодателя [\[7, с. 264\]](#).

Несколько уже трактовка сущности наследственного договора, предлагаемая И.В. Матвеевым, который определяет его в качестве соглашения между наследодателем и наследником, в соответствии с которым после смерти первого наследственное имущество либо его часть переходят ко второй стороне договора [\[8, с. 7\]](#). Как можно увидеть, данный автор не рассматривал возможность заключения наследственного договора в пользу третьего лица.

С точки зрения авторов коллективной монографии «Основы наследственного права России, Германии, Франции», наследственный договор имеет своей ключевой характеристикой назначение наследника, а не просто оформление передачи определенного имущества в собственность кому-либо [\[9, с. 72\]](#). Именно, это обстоятельство, по их мнению, отграничивает наследственный договор от других видов гражданско-правовых договоров.

В общем и целом, отталкиваясь от результатов анализа как вышеприведенных, так и других присутствующих в юридической литературе определений, можно заключить, что наследственному договору присуща симбиотическая правовая природа, обретающая

свое проявление в наличии в его содержательной стороне сущностных признаков, с одной стороны, договорного обязательства, а с другой – завещательного распоряжения. При этом к числу существенных условий наследственного договора следует отнести такие позиции как имущество, являющееся предметом договора, круг наследников и порядок перехода к ним имущества в случае смерти наследодателя.

Некоторые авторы отмечают наличие определенного сходства между наследственным договором и договором пожизненного содержания с иждивением [\[10, с. 480\]](#). Ключевое отличие между ними состоит в разных моментах перехода права собственности на имущество: если в первом случае — это смерть наследодателя, то во втором – заключение договора.

Обращаясь к истории развития концепции института наследственного договора в России, можно отметить, что она берет свое начало в первой четверти XIX века. Так, инициатор реформирования отечественного законодательства М.М. Сперанский посвятил ему отдельную главу в составленном проекте Гражданского Уложения, увидевшем свет в 1814 году. В рамках этой главы наследственный договор определялся как взаимное соглашение между двумя сторонами о том, что одна из них оставляет другой свое имущество или его часть в наследство после смерти, а вторая сторона, соответственно, обязуется его принять. Предметом подобного договора выступали те права и имущество, которыми предоставлялось право распорядиться по завещанию. При этом отчуждатель отказывался от права завещать, продать или подарить обозначенное в наследственном договоре имущество, которое возвращалось к нему в случае расторжения договора [\[11, с. 62\]](#). Одного своего юридического воплощения указанная идея в то время не обрела. Впоследствии как российское, так и советское гражданское законодательство в качестве оснований возникновения наследственных отношений признали лишь две формы, которыми выступают наследование по завещанию и по закону.

Впервые в новейшей истории законопроект, предусматривающий правовую регламентацию института наследственного договора путем введения соответствующих положений в Гражданский Кодекс РФ, был внесен в Государственную Думу в 2013 году депутатами О.В. Савченко и Р.С. Ильясовым. В его тексте подобный договор определялся в качестве соглашения, в соответствии с которым приобретатель в соответствии с распоряжением отчуждателя принимает на себя обязанность по совершению определенных действий, приобретая после смерти последнего право на принадлежащее ему имущество, которое определено в договоре. В соответствии с проектом, в то время как отчуждателем могло выступать только физическое лицо, возможность исполнения функции приобретателя предусматривалась в отношении граждан, организаций, а также публичных образований. Также была определена необходимость государственной регистрации наследственного договора. При этом указанный законопроект, который, с точки зрения О.Е. Блинкова, являл собой имплементацию содержащейся в тексте Гражданского Кодекса Украины правовой конструкции рассматриваемого договора с определенными изменениями, был отозван автором уже на этапе первого чтения [\[12, с. 4\]](#).

Следующая попытка инициации законодательного закрепления возможности использования наследственного договора в отечественной юридической практике имела место в 2016 году, когда группой из 12 депутатов Государственной Думы, среди которых следует отметить уже упомянутого известного российского правоведа П.В. Крашенинникова, был представлен еще один законопроект о внесении соответствующих дополнений в ГК РФ. Исходя из содержащихся в нем положений, наследодателю

предоставляется возможность заключить договор с лицом, которое относится к кругу потенциальных наследников, оговаривающий процесс передачи ему имущественных прав после смерти наследодателя. При этом определялось, что наследственный договор также может содержать условия, устанавливающие необходимость исполнения наследником определенных обязательств.

Внесение данного законопроекта заложило основу для активизации деятельности по формированию необходимой правовой базы, позволяющей обеспечить практическое использование такого юридического инструмента как наследственный договор. Данная деятельность имела своим положительным итогом принятие Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 217 «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации». В соответствии с ним Глава 62 ГК РФ была дополнена статьей 1140.1 «Наследственный договор».

При этом, по мнению многих исследователей, содержащиеся в ГК РФ нормы о наследственном договоре должны были быть обличены в форму не отдельной статьи, а отдельной главы ввиду того, что подобный договор является такой же формой правовой институционализации наследственных отношений как наследование по завещанию и по закону [\[13, с. 35\]](#). Введение же статьи 1140.1 в главу Гражданского кодекса, посвященную регулированию отношений, связанных с наследованием по завещанию, порождает вопросы о его неравнозначности относительно двух вышеотмеченных форм.

Говоря же более конкретно о наиболее существенных аспектах содержательного наполнения данной статьи, представляется необходимым, прежде всего, отметить следующее.

В наследственном договоре, сторонами которого выступают наследодатель и лицо, которое потенциально может быть призвано к наследству, обозначается круг наследников и порядок перехода к ним прав на имущество наследодателя после смерти последнего. При этом он может возлагать на участников необходимость исполнения определенных условий, не противоречащих законодательству, содержать положение о душеприказчике, а также определять зависимость последствий, порождаемых договором, от определенных обстоятельств. Комментируя эти положения, отметим, что некоторые исследователи указывали на некорректность использования в данном контексте термина «наследодатель», так как он может быть применим по отношению к лицу, факт смерти которого констатирован или которое объявлено умершим [\[14, с. 32\]](#). Отталкиваясь от этого, Е.А. Казанцева считает наиболее приемлемым обозначать стороны наследственного договора терминами «возможный наследодатель» и «потенциальный наследник» [\[15, с. 22\]](#).

Другие авторы ставят под сомнение целесообразность заключения наследственного договора, в рамках которого в качестве наследника определяется третье лицо, так как подобная процедура может быть осуществлена с помощью составления завещания [\[1, с. 31\]](#).

После открытия наследства лица, определенные в п. 2 ст. 1140.1 ГК РФ, имеют право требовать исполнения обязательств, установленных наследственным договором. При отказе его стороны от наследства договор остается в силе на условиях, указанных в п. 3 данной статьи. При этом, по мнению Е.С. Путилиной, эти условия, предполагающие возможность заключения договора и без учета прав и обязанностей отказавшейся стороны, выглядят достаточно неопределенными [\[16, с. 103\]](#).

Отдельными положениями рассматриваемой статьи ГК РФ регулируются особенности заключения наследственного договора с участием супругов, в частности, связанные с передачей прав на общее и личное имущество в случае их смерти. Определяется возможность указания того, какое имущество включается в наследственную массу каждого из супругов и назначения душеприказчиков, реализующих свои функции в случае смерти каждого из супругов. Также отмечается приоритет наследственного договора относительно совместного завещания супругов, составленного до его заключения.

В п. 6 ст. 1140.1 отмечается, что наследственный договор правомерен, если он соответствует нормам об обязательной доле в наследстве и запрете наследования в отношении недостойных наследников.

Важное различие между наследственным договором и завещанием заключается в том, что воля наследодателя должна быть согласована с другой стороной, что обретает свое выражение в обязательности его подписания ими обоими. При этом предусматривается не только нотариальное удостоверение договора, но и осуществление видеофиксации процедуры его подписания, что, правда, происходит в случае отсутствия возражений его сторон. Ряд исследователей в данном контексте ставит вопрос о неурегулированности вопроса о последствиях несоблюдения нормы о проведении подобной видеофиксации [\[17, с. 618\]](#).

Следует отметить, что наследодатель имеет право заключать несколько договоров как с одним, так и с различными лицами, которые могут быть призваны к наследству. В отличие от завещания, в случае возникновения противоречий между содержащимися в них положениями, приоритет имеет договор, заключенный раньше других.

Расторжение наследственного договора либо изменение содержащихся в нем положений может быть осуществлено при жизни его сторон на основании их соглашения, либо судебного решения, выносимого ввиду имевшего место существенного изменения обстоятельств, например, связанного с появлением новых потенциальных наследников, которые имеют право на обязательную долю. Однако, несомненно, следует согласиться с позицией Р.В. Беляева, который считает необходимым раскрыть на уровне документов высших судебных органов РФ содержательное наполнение понятия «существенное изменение обстоятельств» применительно к специфике отношений, регулируемых наследственным договором [\[18, с. 44\]](#).

Наследодатель вправе отказаться от участия в рассматриваемом договоре путем уведомления его сторон, заверенного нотариусом. Однако он должен возместить другим сторонам убытки, обусловленные их участием в исполнении своих договорных обязательств. Право одностороннего отказа от участия в наследственном договоре закреплено и за другими его сторонами.

Особо следует обратить внимание на заключительное положение ст. 1140.1, обеспечивающее наследодателю возможность распоряжаться своим имуществом, в том числе путем совершения сделок в его отношении, даже в случае лишения в результате подобного распоряжения, лица, которое может быть призвано к наследованию, прав на это имущество. Комментируя это положение, одни авторы отмечают его дисциплинирующий характер в отношении действий приобретателя [\[3, с. 233\]](#), тогда как другие указывают на возникновение вследствие реализации подобного подхода явного дисбаланса в отношении правового положения сторон наследственного договора [\[1, с.](#)

[36\]](#).

При этом в нотариальной практике имеет место достаточно широкая трактовка содержания подобных правомочий наследодателя вплоть до возможности составления им завещания, которое изменяет положения, содержащиеся в наследственном договоре [\[19, с. 116\]](#).

В данном контексте весьма полезным представляется учет положительных моментов законодательного регулирования использования механизма наследственного договора в ряде зарубежных государств, предусматривающего обеспечение защиты интересов его обеих сторон.

Например, Гражданский закон Латвии ограничивает возможность наследодателя распоряжаться движимым имуществом, которое выступает в качестве предмета наследственного договора, «разумными пределами», а отчуждение недвижимого имущества является возможным только при наличии согласия наследника. В случае же отчуждения движимого имущества с целью лишения наследника предоставленных тому наследственным договором прав, последний наделен правом оспорить подобные сделки либо потребовать установления попечительства над наследодателем.

В свою очередь, Германское гражданское уложение предусматривает наличие у наследника возможности в течение трех после его вступления в права наследования требовать возвращения переданного кому-либо наследодателем имущества, если этим был нанесен ущерб интересам наследника [\[20, с. 350\]](#).

В целом же, подводя итоги проведенного анализа, следует констатировать, что законодательное закрепление института наследственного договора предоставляет наследодателю возможность не просто распорядиться своим имуществом, но и взаимоувязать это с наложением на наследника обязанности по совершению определенных действий. Однако, с другой стороны, реализованная в отечественной законодательной практике модель взаимоотношений сторон наследственного договора позволяет говорить об их не вполне равноправном положении. Подобное обстоятельство, как и целый ряд неоднозначных с юридической точки зрения моментов, отмеченных в данной статье, обуславливают необходимость дальнейшего совершенствования отечественной нормативной правовой базы, регулирующей различные аспекты заключения и исполнения наследственного договора.

Библиография

1. Сосипатрова Н.Е. Наследственный договор: критический взгляд на правовую конструкцию // Lexrussica. 2021. № 11. С. 30-38. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.180.11.030-038.
2. Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права. М.: Зерцало, 2007.
3. Алексикова О.Е., Мельник Е.А. Перспективы развития институтов наследственного договора и совместного завещания супругов в российском наследственном праве // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. № 1. С. 231-236. DOI: 10.12737/24797.
4. Пучков О.А., Пучков В.О. Наследственный договор как особый институт гражданского права иностранных государств: общая характеристика и проблемы правового режима // Правопорядок: история, теория, практика. 2016, № 3. С. 34-39.
5. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Статут, 2005.
6. Золотухин Д.Г. Новелла российского законодательства – наследственный договор // Отечественная юриспруденция. 2018. № 7. С. 19-23.

7. Крашенинников П.В. Наследственное право (включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания). М.: Статут, 2021.
8. Матвеев И.В. Наследственный договор: зарубежный опыт и перспективы появления в гражданском праве Российской Федерации // Российская юстиция. 2015. № 1. С. 6-9.
9. Основы наследственного права России, Германии, Франции / под общ. ред. Е.Ю. Петрова. М.: Статут, 2015.
10. Демичев А.А. Наследственный договор в системе наследственного права Российской Федерации: дискуссионные проблемы // Актуальные проблемы государства и права. 2020. № 16. С. 477-484. DOI: 10.20310/2587-9340-2020-4-16-477-484.
11. Тихонова Е.А. Институт наследственного договора: исторический аспект // Актуальные вопросы юриспруденции. Сборник статей III Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и просвещение, 2020. С. 58-65.
12. Блинков О.Е. О наследственном договоре в российском наследственном праве: быть или не быть? // Наследственное право. 2015. № 4. С. 3-5.
13. Демичев А.А. Соотношение наследственного договора и завещания: дискуссионные проблемы // Наследственное право. 2020. № 4. С. 33-37. DOI: 10.18572/2072-4179-2020-4-33-37.
14. Михайлова И.А. Наследственный договор: достоинства и недостатки // Наследственное право. 2018. № 4. С. 31-37.
15. Казанцева Е.А. Наследственный договор // Наследственное право. 2019. № 4. С. 21-23.
16. Путилина Е.С. Наследственный договор как основание наследования: анализ новелл законодательства // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 12. С. 101-104.
17. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. Е.Ю. Петров. М.: Логос, 2018.
18. Беляев Р.В. Новые инструменты в российском наследственном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023.
19. Лоренц Д.В. Наследственный договор: подход континентального права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2. С. 105-129. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.2.105.129.
20. Солодухина Ю.А. Проблемы правового регулирования наследственного договора // E-SCIO. 2020. № 11. С. 21-30.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. Предметом рецензируемой статьи "Особенности регулирования института наследственного договора в российском праве" являются положения наследственного права, регулирующие общественные отношения, связанные с наследственным договором, в частности, его заключение и исполнение.

Методология исследования. Основной метод исследования – сравнительный анализ.

В ходе написания статьи применялись и другие современные методы научного познания, как общенаучные, так и частные. Методологический аппарат исследования составили следующие приемы и способы научного познания: абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез и др. Использовались формально-юридический, теоретико-прогностический исторический, социологический методы, а также другие диалектические методы научного познания.

Актуальность исследования. Важность и значимость научных разработок в сфере правового регулирования и правоприменения нового института российского наследственного права - наследственного договора, не вызывает сомнения. Именно по причине своей относительной новизны для отечественного права этот институт нуждается в дальнейшем развитии и совершенствовании. Автор статьи на высоком профессиональном уровне провел анализ правового регулирования заключения и исполнения наследственного договора. Выводы и предложения автора обоснованы и заслуживают внимания (например, "...наследственному договору присуща симбиотическая правовая природа, обретающая свое проявление в наличии в его содержательной стороне сущностных признаков, с одной стороны, договорного обязательства, а с другой – завещательного распоряжения").

Научная новизна. Нельзя сказать, что данная статья впервые в юриспруденции посвящена проблемам института наследственного договора, однако можно отметить отдельные элементы научной новизны: "...реализованная в отечественной законодательной практике модель взаимоотношений сторон наследственного договора позволяет говорить об их не вполне равноправном положении. Подобное обстоятельство, как и целый ряд неоднозначных с юридической точки зрения моментов, отмеченных в данной статье, обуславливают необходимость дальнейшего совершенствования отечественной нормативной правовой базы, регулирующей различные аспекты заключения и исполнения наследственного договора". Выводы и предложения автора аргументированы, направлены на совершенствования российского наследственного права.

Стиль, структура, содержание. Статья написана научным стилем, автор использует специальную юридическую терминологию. Однако в качестве замечания можно указать на некорректное применение некоторых терминов. Например, "наследодатель" - это особая фигура в наследственном праве, и насколько правильно употреблять этот термин к гражданину, который желает выразить свою волю на случай распоряжения своим имуществом посредством заключения наследственного договора? Хорошо бы автору обратиться к проблеме терминологии института наследственного договора. В целом же, материал изложен последовательно, грамотно и ясно. Статья структурирована. По содержанию тема раскрыта, название статьи соответствует ее тексту. В качестве пожелания автору хотелось бы указать на необходимость доработки заключения статьи, а именно, формулировок результатов исследования.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников, включая публикации последних лет.

Апелляция к оппонентам. В статье представлена научная полемика. Научные дискуссии ведется автором на высоком профессиональном уровне, обращение к оппонентам корректное.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья "Особенности регулирования института наследственного договора в российском праве" рекомендуется к опубликованию в научном журнале "Юридические исследования", поскольку отвечает установленным требованиям, является актуальной, отличается научной новизной и имеет практическую значимость. Данная статья может представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области гражданского и нотариального права, а также, преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Англоязычные метаданные

Some problems of correlation of the categories "contract modification" and "contract termination" with related categories of civil law

Chizhov Aleksandr Vladimirovich

Graduate Student, Department of Civil Law and Process, Far Eastern Federal University

690922, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Ayask village, 10

✉ alexst7t@gmail.com

Abstract. The subject of this study is legal relations related to some features of the amendment and termination of the contract from related categories of civil law. The analysis of legislation, scientific materials and law enforcement practice allowed the author to formulate questions related to the qualification of such legal phenomena as "contract modification" and "contract termination". The researcher pays special attention to the possibility of improper interpretation of a legal fact by individuals and legal entities within the framework of contractual legal relations instead of "modification" and "termination of the contract". To the categories, the nature of which may be similar to the legal nature of the amendment and termination of the contract, the author refers to such phenomena as the conclusion of an additional agreement, the termination of contractual relations due to the expiration and invalidity of the contract. In the course of the research, the author used universal dialectical, logical, formal-legal, hermeneutic research methods. The relevance of the chosen topic lies in the modernization and development of the institution of modification and termination of civil contracts due to the dynamics of changes in economic and social aspects and interests of participants in legal relations. The legal aspects of the problems of the correlation of the categories "contract modification" and "contract termination" are considered in the works of such researchers as M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky, I.V. Ginzburg and others. Based on the analysis of Russian legislation and the practice of implementing the categories of "modification" and "termination" of the contract, the author concludes that a more detailed and in-depth study of the terms of contractual relations is prioritized for their further proper qualification by both the parties to contractual relations and judicial authorities in the direct application of substantive law.

The conclusions formulated based on the results of the work carried out can be used for further scientific research in the field of civil law and form the basis of future regulatory legal acts.

Keywords: concludent actions, dispositive fact, civil law, contract law, supplementary agreement, termination of the contract, invalidity of the contract, contract change, contract cancelation, contract

References (transliterated)

1. Braginskii M.I. Dogovornoe pravo. 2-e izd. Kn. 1: Obshchie polozheniya / M: Statut, 2015. S. 112.
2. Mironov V.O. Yuridicheskie fakty: ponyatie, priznaki, klassifikatsiya // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2020. № 3 (183). S. 56-59.

3. Ivanova Yu.A. Printsip svobody dogovora v grazhdanskom prave // Vestnik moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2018. № 5 S. 69-71.
4. Somenkov S. A. Rastorzhenie dogovora v grazhdanskom oborote: teoriya i praktika. M.: MZ Press, 2005. – S. 17.
5. Potaeva E. V. Posledstviya rastorzheniya grazhdansko-pravovogo dogovora v Rossii: nekotorye aspekty pravovogo regulirovaniya // Yuridicheskii fakt. 2019. № 76. S. 4.
6. Kuptsova Yu. I. Osobennosti i osnovaniya izmeneniya i rastorzheniya grazhdansko-pravovogo dogovora // Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti. 2020. № 6. S. 88-92.
7. Ginzburg I. V. Nekotorye poryadok izmeneniya (rastorzheniya) i osnovaniya prekrashcheniya grazhdansko-pravovogo dogovora // Kontentus. 2021. № 3. S. 34-43.
8. Melkoyan D. A. Nedeistvitel'nost' sdelok v rossiiskom grazhdanskom prave // Evraziiskaya advokatura. 2017. № 3 (28). S. 63-65.
9. Kudryavtseva T. N. Ponyatie odnostoronnnego izmeneniya i rastorzheniya dogovorov // Vestnik magistratury. 2019. № 11-2 (98). S. 114-115.

Comparative legal study of artificial intelligence positioning in judicial proceedings.

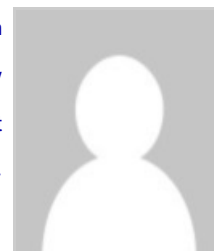
Morhat Petr Mechislavovich

Doctor of Law

Judge; Arbitration Court of the Moscow District

107053, Russia, Moscow, Prospekt Akademika Sakharova str., 18, room 604

✉ judiciary2024@yandex.ru

Abstract. The author studies the experience of using artificial intelligence in the framework of legal proceedings in the USA, China and Russia. This analysis includes not only an analysis of judicial practice, but also a study of strategic documents assigned at the government level of these countries. Goal of the research is to identify effective starting points for the implementation of AI in the judiciary, to determine the features of regulation of AI in the judicial process and specify prospects for determining the full autonomy of AI for judicial proceedings. The objectives of the study are to determine the main trends in the implementation of AI in the field of judicial process, highlight areas that can currently be algorithmically processed by AI, as well as determine future designs of the legal personality of AI, taking into account the opinion of the professional judicial community of Russia. The research methodology includes systemic, structural-functional, hermeneutic and comparative legal methods. The authors makes general conclusions about the prospects of AI for the judicial process and formulates optimal tracks for the use of AI in judicial cases, taking into account the comparative legal research conducted. Based on the comparative legal research carried out, the author formulated the increasing role of artificial intelligence technology used in the judicial process. The need to improve the legislative framework taking into account the technological specifics of AI and ensure an adequate level of information security when using this technology is noted. In addition, a starting point has been identified for the effective and safe implementation of AI as an autonomous participant in the process in relation to disputes that are considered in a simplified manner or contain a high proportion of data that is reliably verified and stored electronically.

Keywords: e-person, digital State, arbitrage practice, litigation, information security, public law, digital court, predictive justice, judicial process, artificial intelligence

References (transliterated)

1. Morkhat, P. M. Vozmozhnosti, osobennosti i usloviya primeneniya iskusstvennogo intellekta v yuridicheskoi praktike / P. M. Morkhat // Administrator suda. – 2018. – № – S. 8-12.
2. Morkhat P. M. Pravosub'ektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intelektual'noi sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy. – 2018.
3. Atabekov A. R. Modeling approaches to AI integration into public relations in Russia as per comparative research of foreign countries' experience // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki. – 2023. – T. 27. – №. – S. 686-699.
4. Laptev V. A., Feyzrakhmanova D. R. Application of Artificial Intelligence in Justice: Current Trends and Future Prospects // Human-Centric Intelligent Systems. – 2024. – S. 1-12.
5. OECD AI Policy observatory. URL: <https://oecd.ai/en/> (data obrashcheniya: 10.07.2024).
6. Global toolkit on AI and the rule of law for the judiciary (UNESCO). URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000387331?posInSet=1&queryId=3601a156-e097-4d9d-afca-d5b42552353c> (data obrashcheniya: 10.07.2024).
7. Full Translation: China's 'New Generation Artificial Intelligence Development Plan' (2017). URL: <https://www.newamerica.org/cybersecurity-initiative/digichina/blog/full-translation-chinas-new-generation-artificial-intelligence-development-plan-2017/> (data obrashcheniya: 10.07.2024).
8. Stern R. E. et al. Automating fairness? Artificial intelligence in the Chinese courts // Colum. J. Transnat'l L. – 2020. – T. 59. – S. 515.
9. China Judgement Online. URL: wenshu.court.gov.cn (data obrashcheniya: 10.07.2024).
10. Chen B. M., Li Z. How will technology change the face of Chinese justice? // Colum. J. Asian L. – 2020. – T. 34. – S. 1.
11. Cui Y. Artificial intelligence and judicial modernization. – Singapore : Springer, 2020.
12. Xin H. Judicial Reforms Under Xi Jinping. 2018. URL: <https://usali.org/usali-perspectives-blog/judicial-reforms-under-xi-jinping#:~:text=Upon%20its%20completion%20in%202017,judges%20from%20210%2C000%20to%20120%2C000.> (data obrashcheniya: 10.07.2024).
13. Wang Z. China's E-Justice Revolution // Judicature. – 2021. – T. 105. – S. 36.
14. Wang N. "Black Box Justice": Robot Judges and AI-based Judgment Processes in China's Court System // 2020 IEEE International Symposium on Technology and Society (ISTAS). – IEEE, 2020. – S. 58-65.
15. China's court AI reaches every corner of justice system, advising judges and streamlining punishment. URL: https://www.scmp.com/news/china/science/article/3185140/chinas-court-ai-reaches-every-corner-justice-system-advising?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.ru%2Fmedia%2Fid%2F625d5ed7094ea767c28a72a4%2F62d10c3e0b1c2c43e663a7fb (data obrashcheniya: 10.07.2024).
16. Sudei v Kitae obyazali ispol'zovat' iskusstvennyi intellekt. URL: <https://legal.report/sudej-v-kitae-obyazali-ispolzovat-iskusstvennyj-intellekt/> (data obrashcheniya: 10.07.2024).
17. Wang N., Tian M. Y. 'Intelligent Justice': AI Implementations in China's Legal Systems

- //Artificial Intelligence and Its Discontents: Critiques from the Social Sciences and Humanities. – Cham : Springer International Publishing, 2022. – S. 197-222.
18. Connett I. France Resists Judicial AI Revolution //Above the law. – 2019. URL: <https://abovethelaw.com/legal-innovation-center/2019/06/10/france-resists-judicial-ai-revolution/> (data obrashcheniya: 10.07.2024).
  19. H.R.6216-National Artificial Intelligence Initiative Act of 2020. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6216> (data obrashcheniya: 10.07.2024).
  20. Loomis v. Wisconsin, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016), cert. denied, 137 S.Ct. 2290 (2017). URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914acb1add7b0493473ec15> (data obrashcheniya: 10.07.2024).
  21. ERALD THOMAS MESCALL, Plaintiff, v. RENAISSANCE AT ANTIQUITY, et. al. Civil Action 3:23-CV-00332-RJC-SCR, 11-13-2023. URL: <https://casetext.com/case/mescall-v-renaissance-at-antiquity> (data obrashcheniya: 10.07.2024).
  22. ROBERTO MATA, Plaintiff, v. AVIANCA, INC., Defendant. 22-cv-1461 (PKC), 06-22-2023. URL: <https://casetext.com/case/mata-v-avianca-inc-2> (data obrashcheniya: 10.07.2024).
  23. Williams v. City of Detroit, Michigan, A Municipal Corporation (2:21-cv-10827). URL: <https://www.courtlistener.com/docket/59815822/williamsv-city-of-detroit-michigan-a-municipal-corporation/> (data obrashcheniya: 10.07.2024).
  24. Tice v. Amazon.com, Inc. №. 20-55432, 02-19-2021. URL: <https://casetext.com/case/tice-v-amazoncom-inc> (data obrashcheniya: 10.07.2024).
  25. Wilcosky v. Amazon.com, Inc. No. 19-cv-05061, 2021-02-05. URL: <https://casetext.com/case/wilcosky-v-amazoncom-inc> (data obrashcheniya: 10.07.2024).
  26. Sostoyalos' soveshchanie po voprosam rasshireniya dostupa grazhdan k pravosudiyu s ispol'zovaniem tsifrovyykh tekhnologii. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/30377/ (data obrashcheniya: 10.07.2024).
  27. II ne smozhet zamenit' sud'yu v silu svoego bezdushiya – Momotov. URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20231026/309332787.html (data obrashcheniya: 10.07.2024).
  28. Valerii Zor'kin vyskazalsya protiv nadeleniya iskusstvennogo intellekta pravosub"ektnost'yu. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/valeriy-zorkin-vyskazalsya-protiv-nadeleniya-iskusstvennogo-intellekta-pravosubektnostyu/> (data obrashcheniya: 10.07.2024).
  29. Gadzhiev G. A., Voinikanis E. A. Mozhet li robot byt' sub"ektom prava? (poisk pravovykh form dlya regulirovaniya tsifrovoy ekonomiki) //Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. – 2018. – №. 4. – S. 24-48.
  30. Yastrebov O. A., Aksenova M. A. Vliyanie iskusstvennogo intellekta na administrativno-pravovoi rezhim protivodeistviya legalizatsii dokhodov, poluchennykh prestupnym putem i finansirovaniyu terrorizma: voprosy prava // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. – 2022. – №. 3. – S. 84-109.

The problem of non-proprietary legal entities in the light of the theory of separate property

Ibragimov Konstantin Yrievich

Postgraduate student; Faculty of Law; St. Petersburg State University
199106, Russia, Saint Petersburg, Bolshoy Vasilyevsky Island ave., 71

✉ ibragimovkj@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the problem of legal entities for which property is secured not on the right of ownership, but on a limited proprietary right (the right of operational management or the right of economic management), in the light of the theory of separate property. The theory of separate property is understood as the idea of the independence of the phenomenon of legal separation of property associated with giving a certain technically separate property a specific legal status, which is primarily manifested in the order of responsibility to creditors (priority of creditors' claims in relation to certain property). The main attention is paid to the problem of simultaneous separation of property through two structures: (1) a separate legal entity, (2) a limited proprietary right. The study evaluates the validity of this approach and the need for the existence of such limited property rights. The analysis of these problems is carried out by applying the theoretical categories of protective and confirmatory separation, with the help of which the degree and nature of the separation of property of unitary enterprises and institutions is assessed. According to the results of the study, it is concluded that the right of operational management and economic management does not in any way affect the degree of isolation of the property of unitary enterprises and institutions, and also does not perform any other independent function. The conclusion is substantiated that the existence of such limited proprietary rights represents a lack of legal technique. In addition, a general conclusion is drawn that in order to achieve any degree and nature of the property isolation of a certain property, the construction of a legal entity is sufficient, since the rule of law is able to do this by direct prescription of the law for the appropriate organizational and legal form. At the same time, it is noted that limited property rights can be used to separate property within the separate property of a legal entity, but not to separate the property of the latter as such.

The scientific novelty of this study has two aspects. Firstly, it demonstrates the prospects of using the categories of protective and confirmatory property separation as a tool for analyzing the practical and theoretical validity of legislative decisions, which is new for the domestic doctrine. Secondly, this article for the first time analyzes the correlation of various ways of legal separation of property.

Keywords: legal entities, limited real rights, institutions, unitary enterprises, legal capacity, legal partitioning, operational administration, economic management, legal personality, asset partitioning

References (transliterated)

1. Hansmann H., Kraakman R. H. The Essential Role of Organizational Law // The Yale Law Journal. Vol. 110: 387, 2000. P. 387-440.
2. Squire R. C. The Case for Symmetry in Creditors' Rights // Yale Law Journal, Vol. 118, 2009. p. 806, 2009.
3. Eldar O., Verstein A. The Enduring Distinction Between Business Entities and Security Interests // Southern California Law Review, Vol. 92, No. 2. 2018. P. 213-270.
4. Podsosonnaya V.V. Yuridicheskoe obosoblenie imushchestva // Ob"ekty grazhdanskogo oborota: sbornik statei. M.: Statut, 2007. S. 260-275.

5. Domshenko (Chervets) E.I. Obosoblenie imushchestva bez sozdaniya yuridicheskogo litsa. Prostoe tovarishchestvo i investitsionnoe tovarishchestvo // Vestnik grazhdanskogo prava. 2021. № 6. S. 30-58.
6. Sukhanov E.A. Pravovye formy realizatsii grazhdanskoi pravosub"ektnosti gosudarstva / E.A. Sukhanov // Zhurnal rossiiskogo prava. 2024. T. 28. № 1. S. 5-17.
7. Medvedev D.A. Problemy realizatsii grazhdanskoi pravosub"ektnosti gosudarstvennogo predpriyatiya : Dis. ... kand. yurid. nauk. / D.A. Medvedev. – L., 1990. 216 s.
8. Grazhdanskoe pravo Rossii-chastnoe pravo / E.A. Sukhanov. – Moskva: Statut, 2008. 586 s.
9. Covetskoe grazhdanskoe pravo: Sub"ekty grazhdanskogo prava / red. S.N. Bratus'. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1984. 288 s.
10. Gosudarstvennaya sotsialisticheskaya sobstvennost' / A.V. Venediktov. Moskva; Leningrad: AN SSSR, 1948. 840 s.
11. Yuridicheskie litsa nesobstvenniki : Sovremennaya rossiiskaya tsivilistika. Yuridicheskie litsa nesobstvenniki / V.A. Boldyrev. – Moskva: Yurinform, 2014. 653 s.
12. Smertin A.N., Greshnykh A.A. Yuridicheskii analiz prava khozyaistvennogo vedeniya i prava operativnogo upravleniya / Nauchno-analiticheskii zhurnal «Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Gosudarstvennoi protivopozharnoi sluzhby MChS Rossii». 2012. № 2. S. 103-108.
13. Dogovor doveritel'nogo upravleniya paevym investitsionnym fondom / O.R. Zaitsev. – M.: Statut, 2007. 507 s.
14. Bogatkov S.A. Otliche prava khozyaistvennogo vedeniya ot prava operativnogo upravleniya // SPS Konsul'tantPlyus.
15. Anikina M.S. Problemy, vznikayushchie pri rassmotrenii grazhdanskogo iska po ugovnomu delu / Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2021. № 3. S. 179-187.

Gender problems and discrimination at the present stage of society development

Madatov Oleg Yakovlevich

General adviser, Interregional Public Movement for the Protection of the Rights of Servicemen and Their Families
"Conscience of the Law"

350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Mskovskaya str., 61, sq. 32

✉ oleg_madatov@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of some aspects of human rights and freedoms, as well as restrictions imposed within the framework of the concept of gender equality. The object of the study is social relations regulating issues of rights, freedoms and duties of men and women.

The subject of the study is the norms of international and national law governing the object of the study. The purpose of the research is to develop the main provisions of the new ideology of gender equality and its implementation in practice.

The study of international and national law has shown that in modern society there is an acute problem of discrimination of citizens on sexual grounds. Despite the declared equality of men and women, reflected in the Universal Declaration of Human Rights, it has not been possible to achieve real gender equality in 74 years. Although the rights and freedoms of men and women established by the national legislation of most countries are actually equalized,

their duties differ significantly from each other, and in the direction of discrimination against the male part of the population.

At the same time, the ideologies developed, mainly by Western scientists, are actually imposed on our state for the onset of a negative scenario in Russia, which can be clearly observed on the example of Vietnam, Korea, Iraq, Afghanistan, Ukraine and a number of other states. In order to solve this problem, it is proposed to create a new ideology of gender equality related to the protection of traditional values, the essence of which is to eliminate gender differences in the rights, freedoms and duties of citizens. This ideology is based on the generally recognized principles and norms of international law and the peculiarities of Russian identity.

Keywords: public relations, national law, restriction of rights, rights and freedoms, ideology, infringement of rights, gender discrimination, international law, gender equality, society and the state

References (transliterated)

1. Khashkhova B. K. Gendernaya diskriminatsiya s sfere truda: opyt bor'by na mezhdunarodnom urovne // Sovremennye issledovaniya problem upravleniya kadrovymi resursami. Moskva, 2021. S. 514-521.
2. Gök A., Kodaman T. Sovyetler birliđi'nde kadın hakları ve cinsiyet eşitliđi // Rusya Araştırmaları Dergisi. 2022. № 7. S. 19-52.
3. Abdymanova C. S. Women's rights and gender equality in Kyrgyzstan // Vestnik Akademii gosudarstvennogo upravleniya pri Prezidente Kyrgyzskoi Respubliki. 2020. № 27. S. 288-293.
4. Ganguli I., Hausmann R., Viarengo M. Gender differences in professional career dynamics: new evidence from a global law firm // Economica. 2021. № 88 (349). S. 105-128.
5. Elfimova E. V., Minnegalieva L. I., Bel'dina O. G. Diskriminatsiya zhenshchin v sfere truda: teoreticheskii i prakticheskii aspekt // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2022. № 3 (207). S. 196-198.
6. Bel'skaya K. D. Diskriminatsiya zhenshchin v sfere televizionnykh SMI // Vestnik studencheskogo nauchnogo obshchestva GOU VPO «Donetskii natsional'nyi universitet». 2022. № 2 (14-2). S. 17-21.
7. Borovkov M. I. Sravnitel'nyi analiz sovremennykh mirovozzrencheskikh tsennostei zapadnoi i rossiiskoi tsivilizatsii // V sbornike: Gumanitarnoe podgotovka v meditsinskom vuze: problemy i perspektivy. Materialy mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 2023. S. 31-39.
8. Solodovnik D. M., Fursov K. A., Parkhimovich V. L. Tseli ustoychivogo razvitiya i soputstvuyushchie riski // Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya. 2022. № 1 (121). S. 89-96.
9. Malysheva M. R., Chichulin N. A. Vnutrennyaya natsional'naya bezopasnost' Rossiiskoi Federatsii. Novyi kul'turnyi vektor razvitiya // Mirovye tsivilizatsii. 2021. № 6 (2). S. 95-103.
10. Petrov I. F., Petrov S. I. Tendentsii razvitiya kul'tury v period globalizatsii // Teoriya i praktika mirovoi nauki. 2022. № 11. S. 20-25.
11. Ozhegov S. I. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: okolo 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenii / Moskva: AST: Mir i Obrazovanie, 2011. 1357 s.
12. Rawls J. The law of peoples / Belknap Press, 1993. 199 s.

13. Zakharova O. V. Sovremennye podkhody k ponimaniyu prav cheloveka v zapadnoi liberal'noi mysli: obshchii obzor // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie. 2018. № 23. S. 15-22.
14. Zhanuzakova L. T. Upolnomochenniy po pravam cheloveka kak gosudarstvennyi institut zashchity prav cheloveka v Respublike Kazakhstan // Rossiiskoe pravo online. 2021. № 4. S. 68-72.
15. Kuznetsov A. A., Cheban I. A. Evropeiskii sud po pravam cheloveka v stanovlenii mekhanizma zashchity prav i svobod cheloveka // Evraziiskoe Nauchnoe Ob"edinenie. 2020. № 5-1 (63). S. 46-49.
16. Ignatieff M. Human Rights as Politics and Idolatry / Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2001. 98 s.
17. Cohen J. Minimalism about Human Rights: The Most We Can Hope For? // The Journal of Political Philosophy. 2004. № 12 (2). S. 190-213.
18. Jellinek G. Die Erklärung der Menschen-und Bürgerrechte / Berlin: Vincit Veritas Duncker & Humblot, 1927. 33, 72 s.
19. Filatova V. V. Vliyanie postanovlenii evropeiskogo suda po pravam cheloveka na realizatsiyu konstitutsionnykh garantii prav cheloveka // Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya. 2020. № 1. S. 44-49.
20. Ermolina G. K. Filosofskie problemy ravenstva i svobody. Yaroslavl'. 1973. 160 s.
21. Ivanov A. P. Ravenstvo i ravnopravie: teoriya i sotsial'naya sushchnost' v konstitutsionnoi statuse sovetskikh grazhdan. Kaliningrad. 1986.
22. Lavrenova S. A. Mnogovekovaya pozitsiya rimskoi tserkvi v voprose prav cheloveka i popytka zashchity etoi pozitsii kardinalom Ruffini na vtorom vatikanskom sobore // Khristianskoe chtenie. 2022. № 3 S. 125-138.
23. Ozhegov S. I. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. Moskva: Mir i obrazovanie, 2020. 736 s.
24. Dal' V. I. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. Moskva: AST, 2020. 448 s.
25. Idrisov Kh. V. Sootnoshenie ponyatii «prava cheloveka» i «svobody cheloveka» // V sbornike: Sotsial'no-ekonomicheskie i humanitarnye nauki. Sbornik izbrannykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 2020. S. 98-100.
26. Voevodin L. D. Yuridicheskii status lichnosti v Rossii. Uchebnoe posobie. Moskva: Izdatel'stvo MGU, Izdatel'skaya gruppa INFRA M-NORMA, 1997. 304 s.
27. Volkova N. S. Obshchestvennaya bezopasnost' i zakonodatel'stvo o pravakh cheloveka // Zhurnal rossiiskogo prava. 2005. № 2. S. 93-100.
28. Prihod'ko T. V. Zashchita prav v Konstitutsionnom Sude Rossiiskoi Federatsii i Evropeiskom sude po pravam cheloveka. Moskva: Yurait, 2021. 177 s.
29. Chebotareva I. N., Pashutina O. S., Revina I. V. Sootnoshenie ponyatii «otkaz ot sub"ektivnogo prava» i «ogranichenie prava» v rossiiskom ugolovnom protsesse // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. 2021. № 11 (6). S. 109-119.
30. Kertis S. Feministki ne nosyat rozovoe / Moskva: Izdatel'stvo AST, 2019. 327 s.
31. Kriado P. K. Nevidimye zhenshchiny / Moskva: Al'pina Pabliher, 2021. 608 s.
32. Vul'f N. Mif o krasote / Moskva: Al'pina non-fikshn, 2021. 512 s.
33. Fedorenko Yu. V., Pyatnitsa S. E. Zashchita prav i svobod zhenshchin v rossiiskom i mezhdunarodnom prave // Novyi yuridicheskii vestnik. 2022. № 3 (36). S. 44-46.
34. Andreeva M. A. Problema ravnopraviya muzhchin i zhenshchin v Rossiiskoi Federatsii // Epomen. 2021. № 61 S. 67-72.

35. Vysheslavova T. F. Realizatsiya printsiipa ravnogo voznagrazhdeniya za trud ravnoi tsennosti // Nauchnye vesti. 2020. № 3 (20). S. 25-31.
36. Uotson D., Devis K., Berri E. DNK. Istoriya geneticheskoi revolyutsii / Sankt-Peterburg: OOO Izdatel'stvo «Piter», 2019. 512 s.
37. Smol'yakov A. A., Shibaev Yu. V. Politicheskie prava zhenshchin i problematika ikh realizatsii v usloviyakh gendernoi diskriminatsii // Zakon. Pravo. Gosudarstvo. 2021. № 2 (30). S. 270-274.
38. Argumenty i fakty: V kakikh professional'nykh sferakh zhenshchin bol'she, chem muzhchin [Elektronnyi resurs]. URL: https://aif.ru/money/business/v_kakih_professionalnyh_sferah_zhenshchin_bolshe_chem_muzhchin (data obrashcheniya: 28.01.2023).
39. The London school of economics and political science: Trussonomics: pro-rich, anti-poor [Elektronnyi resurs]. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/politicsandpolicy/trussonomics-pro-rich-anti-poor/> (data obrashcheniya: 28.01.2023).
40. Christine Lambrecht vor Rücktritt: Pannen-Ministerin will hinschmeißen! [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.bild.de/politik/inland/politik-inland/christine-lambrecht-vor-ruecktritt-pannen-ministerin-will-hinschmeissen-82548430.bild.html> (data obrashcheniya: 28.01.2023).
41. Michael[en] M. «The limits of «The Male Sex Role»: an analysis of the men's liberation and men's rights movements' discourse» // Gender & Society. 1998. № 12 (3). S. 255-276.
42. Muzhskoe osvoboditel'noe dvizhenie: URL: <https://industrial-wood.ru/stati/28889-muzhskoe-osvoboditelnoe-dvizhenie.html> (data obrashcheniya: 22.03.2023).
43. Young S. «Man Troubles: Making Sense of the Men's Movement» // Arkhivnaya kopiya ot 5 fevralya 2016 na Wayback Machine. Reason. 1994.
44. Ferrell C. «Masculism» Arkhivnaya kopiya ot 5 avgusta 2020 na Wayback Machine. In Honderich, Ted (ed.) // The Oxford Companion to Philosophy (2nd ed.). Oxford University Press. 2005. S. 562-563.
45. Flood M., Gardiner J. K., Pease B., Pringle K. International Encyclopedia of Men and Masculinities / Routledge, 2007. 744 s.
46. Honderich T. The Oxford Companion to Philosophy / Oxford University Press, 1995. 1048 s.
47. Tabarintseva-Romanova K. M., Silkina O. K., & Ignatenko M. S. «Obratnaya storona» mirotvorcheskikh operatsii: gendernyi vopros // Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie. 2022. № 2 (4). S. 17-23.
48. Nigmatullin M. R. Pravovoe polozhenie muzhchin, odinoko vospityvayushchikh maloletnikh detei, sodержashchikhsya v izolyatorakh vremennogo sodержaniya podozrevaemykh i obvinyaemykh Organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii // Vestnik Mogilevskogo instituta MVD. 2022. № 1 (5). S. 17-22.
49. Mongush V. A. Diskriminatsiya v sfere truda: problemy teorii i praktiki // Ural'skii zhurnal pravovykh issledovaniy. 2020. № 1 (8). S. 154-175.
50. Okulich A. I. Diskriminatsiya lits predpensionnogo i pensionnogo vozrasta: problemy teorii i praktiki // V sbornike: Ural'skii forum konstitutsionalistov. materialy sed'mogo Ural'skogo Forumu konstitutsionalistov. 2022. S. 80-86.
51. Madatov O. Ya. Narushenie prav voennosluzhashchikh kak prichina ikh samoubiistv i soversheniya imi prestuplenii // Mirovaya nauka. 2020. № 12 (45). S. 362-398.
52. SMI Armeiskii Tsenzor: Seksizm v armii pod grifom sekretno [Elektronnyi resurs]. URL:

<https://milhelp.ru/seksizm-v-armii-pod-grifom-sekretno/> (data obrashcheniya: 17.05.2023).

53. Mintrud: Borot'sya s korruptsiei obyazana kazhdaya kompaniya [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advices/mintrud-borotsya-s-korruptsiei-obyazana-kazhdaya-kompaniya/> (data obrashcheniya: 28.06.2023).
54. Edinaya Rossiya: Rabochaya gruppa Vysshego soveta «Edinoi Rossii» sformirovala opredelenie traditsionnykh rossiiskikh semeinykh tsennostei [Elektronnyi resurs]. URL: <https://er.ru/activity/news/rabochaya-gruppa-vysshego-soveta-edinoj-rossii-sformirovala-opredelenie-tradicionnyh-rossijskih-semejnyh-cennostej> (data obrashcheniya: 22.07.2023).
55. Kovalev A. A. Razrushenie bazovykh traditsionnykh tsennostei kak ugroza dlya natsional'nogo mentaliteta // Sotsial'no-politicheskie issledovaniya. 2022. № 3 (16). S. 33-46.

Features of regulation of the institution of inheritance agreement in Russian law

Kiseleva Elena

PhD in Law

Associate Professor, Southern Federal University

344000, Russia, Rostov-On-Don, B.sadovaya str., 105/42

✉ elenarum27@yandex.ru

Abstract. The subject of the study are the key features of the inheritance contract as an instrument of legal regulation of the relations of the testator and heirs, as well as its specifics in the Russian civil legislation. The provisions of the Civil Code of the Russian Federation devoted to the analysis of the relationship between the rights and obligations of the parties to this contract, the procedure for its conclusion and termination are analyzed in sufficient detail, and the main problematic issues accompanying the procedure for using inheritance contracts in domestic practice are identified. In this context, the importance of further improvement of the legal framework governing the procedure for using the inheritance contract in legal practice is determined. It should be noted that the legislative consolidation of the institution of an inheritance contract provides the testator with the opportunity not only to dispose of his property, but also the right to burden the heir to perform certain actions. However, the model of the relationship between the parties to the inheritance contract in domestic legislation not places them in equal position. Such a circumstance, as well as a number of legally ambiguous points noted in this article, necessitate further improvement of the domestic regulatory legal framework governing various aspects of the conclusion and execution of an inheritance contract.

Keywords: testamentary disposition, contractual obligation, heir, testator, inheritance contract, grounds of inheritance, inheritance, legacy, unworthy heirs, Civil Code

References (transliterated)

1. Sosipatrova N.E. Nasledstvennyi dogovor: kriticheskii vzglyad na pravovuyu konstruktsiyu // Lexrussica. 2021. № 11. S. 30-38. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.180.11.030-038.
2. Novitskii I.B. Osnovy rimskogo grazhdanskogo prava. M.: Zertsalo, 2007.

3. Aleksikova O.E., Mel'nik E.A. Perspektivy razvitiya institutov nasledstvennogo dogovora i sovmestnogo zaveschaniya suprugov v rossiiskom nasledstvennom prave // Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk. 2017. № 1. S. 231-236. DOI: 10.12737/24797.
4. Puchkov O.A., Puchkov V.O. Nasledstvennyi dogovor kak osobyi institut grazhdanskogo prava inostrannykh gosudarstv: obshchaya kharakteristika i problemy pravovogo rezhima // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2016, № 3. S. 34-39.
5. Shershenevich G.F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. M.: Statut, 2005.
6. Zolotukhin D.G. Novella rossiiskogo zakonodatel'stva – nasledstvennyi dogovor // Otechestvennaya yurisprudentsiya. 2018. № 7. S. 19-23.
7. Krashenninikov P.V. Nasledstvennoe pravo (vklyuchaya nasledstvennye fondy, nasledstvennye dogovory i sovmestnye zaveschaniya). M.: Statut, 2021.
8. Matveev I.V. Nasledstvennyi dogovor: zarubezhnyi opyt i perspektivy poyavleniya v grazhdanskom prave Rossiiskoi Federatsii // Rossiiskaya yustitsiya. 2015. № 1. S. 6-9.
9. Osnovy nasledstvennogo prava Rossii, Germanii, Frantsii / pod obshch. red. E.Yu. Petrova. M.: Statut, 2015.
10. Demichev A.A. Nasledstvennyi dogovor v sisteme nasledstvennogo prava Rossiiskoi Federatsii: diskussionnye problemy // Aktual'nye problemy gosudarstva i prava. 2020. № 16. S. 477-484. DOI: 10.20310/2587-9340-2020-4-16-477-484.
11. Tikhonova E.A. Institut nasledstvennogo dogovora: istoricheskii aspekt // Aktual'nye voprosy yurisprudentsii. Sbornik statei III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Penza: Nauka i prosveshchenie, 2020. S. 58-65.
12. Blinkov O.E. O nasledstvennom dogovore v rossiiskom nasledstvennom prave: byt' ili ne byt'? // Nasledstvennoe pravo. 2015. № 4. S. 3-5.
13. Demichev A.A. Sootnoshenie nasledstvennogo dogovora i zaveschaniya: diskussionnye problemy // Nasledstvennoe pravo. 2020. № 4. S. 33-37. DOI: 10.18572/2072-4179-2020-4-33-37.
14. Mikhailova I.A. Nasledstvennyi dogovor: dostoinstva i nedostatki // Nasledstvennoe pravo. 2018. № 4. S. 31-37.
15. Kazantseva E.A. Nasledstvennyi dogovor // Nasledstvennoe pravo. 2019. № 4. S. 21-23.
16. Putilina E.S. Nasledstvennyi dogovor kak osnovanie nasledovaniya: analiz novell zakonodatel'stva // Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2018. № 12. S. 101-104.
17. Nasledstvennoe pravo: postateinyi kommentarii k stat'yam 1110–1185, 1224 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii / otv. red. E.Yu. Petrov. M.: Logos, 2018.
18. Belyaev R.V. Novye instrumenty v rossiiskom nasledstvennom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2023.
19. Lorents D.V. Nasledstvennyi dogovor: podkhod kontinental'nogo prava // Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2020. № 2. S. 105-129. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.2.105.129.
20. Solodukhina Yu.A. Problemy pravovogo regulirovaniya nasledstvennogo dogovora // E-SCIO. 2020. № 11. S. 21-30.